

Клещенко Елена
Птица над городом. Оборотни города Москвы

Геликон Плюс; 2009
ISBN 978-5-93682-586-6

Аннотация

Елена Клещенко живет и работает в Москве. Это — первая книга автора, собравшая многочисленные одобрительные и даже восторженные отклики в Интернете (журнал «Самиздат»), где она выложена. Повесть имеет подзаголовок «Оборотни города Москвы»

Клещенко Елена
Птица над городом. (Оборотни города Москвы)

Две недели из жизни оборотня

Неправда, что только дети летают во сне. Взрослые летают тоже, вопрос — как. Мне часто снится, что я в самолете. Это сон кошмарный: самолетов я боюсь, и когда он на взлете тошнотворно-плавно наклоняется, будто коромысло весов, самое лучшее — побыстрее проснуться... Или скольжу, как на воздушном шаре, не высоко и не низко, а в нескольких метрах от тротуара. По-настоящему летаю очень редко. А потом мобильный телефон, он же будильник, он же портативный фотоаппарат и второй диктофон, он же друг и советчик, раздражается истерическим писком и миганием. Сволочь такая. Ладно, встаю, встаю.

— Ма-ша...

Нет ответа.

— Радость моя, время!

Чадó закукливается в одеяло. Не вполне успешно: одеяло почему-то легло поперек, так что из свертка торчат голенастые загорелые ноги с беззащитными пятками.

— Ты щекотки боишься?

В ответ раздается тошный вой, вроде воздушной тревоги в фильмах про войну. Пятки каким-то невероятным способом утягиваются в кокон.

— Машка, подъем! В школу пойдем!

— Мама, ты злая, злая, — грустно сообщает кокон. — Если бы ты знала, как мне хочется спать! Тебе-то небось не хочется...

Мне — нет. Двадцать минут назад очень хотелось, просто вот до смерти, не надо было сидеть до часу ночи за компьютером. Но зарядка при открытом балконе и полчашки двойного кофе здорово способствуют переоценке ценностей и правильной расстановке приоритетов...

Мы с дочкой обе — совы. Не в прямом смысле, а по биоритму: любим работать по ночам и спать по утрам. А этот грешный мир для сов приспособлен плохо, и не я придумала, что первый урок во всех московских школах начинается в полдевятого. И наша так называемая спортивная гимназия не является исключением.

Беру со шкафа разбрызгиватель для цветов, смачиваю ладонь, тащу на себя край одеяла.

— Умываться здесь будем или в ванной?

— У-у... у, у... у-у-у!!!

— Ну ладно, вставай. Уже все равно проснулась.

Раньше я будила Машку легким шлепком по пятой точке. Очень помогало... до того самого утра, когда она за мгновение до шлепка обернулась маленьким ежиком. Пока я трясла исколотой рукой и сквозь зубы произносила слова, которые ученицам второго класса знать не положено, поганка, откатившись в угол дивана, все-таки проснулась, вернула себе человеческий Облик и с радостным смехом принялась любоваться на бесплатный цирк.

Кто свернется клубком, тот зовется ежом, как говаривал молодой ягуар из сказки Киплинга, после того как впервые повстречал оборотня... Больше я спящую Машку по заднице не бью. Ладони мне для любимого ребенка не жалко, но спонтанные трансформации вредны. Могут на психике отразиться.

Глава 1

Только в клетках говорят попугаи,

А в лесу они язык забывают.

Новелла Матвеева.

В метро много мам и бабушек со школьными портфелями и сонными детенышами. Но все нормальные родительницы садятся в переполненный поезд, который идет в центр. А мы с Машкой — в куда более свободный, который направляется в противоположную сторону. На крайний юг Москвы, почти к самой окружной. Ну да, по мнению тех, кого не устраивает школа, ближайшая к дому, приличные учебные заведения должны находиться в центре. Но у нас особая специализация.

Все-таки правильное было решение — назваться спортивной гимназией. Все родственники и знакомые безумно удивились бы элитному гуманитарному учебному заведению в такой страшной дырище. А для спорта — огромного бассейна, собственной конюшни и прочих прелестей — вроде бы и в самый раз.

Типовое школьное здание: квадрат с внутренним двориком, четыре этажа, белые панели в голубом кафеле. Зачем бетонный забор вокруг, в наше интересное время объяснять

никому не надо. На всякий случай.

Калитка раскрыта настежь, народ спешит к первому уроку. Вот лопоухий шестиклассник с косой челкой до кончика носа, на запястье свободной руки намотан плетеный поводок. Здоровенная ньюфаундлендиха захватила пастью свой конец поводка и басовито взрывает сквозь зубы.

— Здравствуйте. — Парня я не знаю по имени, но с его мамой знакома хорошо.

— Здравсьте, — мрачно отзывается юноша и со вздохом продолжает:

— Лондон из э вери эншиент сити... э-э...

— Р-р-р...

— Ну чего, чего, я вспоминаю! Зе Тауэр... ну, типа...

— Р-р-р!

— Мам, ну ты чего, в самом деле! Ну сама подумай, нафига мне, простому русскому еноту, про тот Тауэр?..

— Гав!!!

На письме этот «гав» как следует не передать, если честно. Мамы, дети и случайные прохожие аж подпрыгнули.

— На тебя люди смотрят, — огрызается парень. — Ну все, все, все, уже вообще молчу!

Виктория входит в совет попечителей гимназии, там я ее и видела. Симпатичная дама, только очень уж темпераментная. Подозреваю, что ньюфаундленда для общения с сыном она выбирает не ради превосходства в габаритах и командного голоса, а из обыкновенной родительской гуманности. Просто этот ее Облик безобиднее всех остальных. Не исключая и человеческого, потому что собаки не умеют говорить.

За калиткой — ничего необычного. Только на газончике напротив арки, ведущей в школьный двор, под зелеными липами красуется бронзовая скульптурная группа: Маугли, два волка — старый и молодой, Багира, Балу, питон Каа... Известный художник-анималист Ватагин почтительно снял бы шляпу. Гости школы обычно не верят, что автор скульптуры — наш учитель рисования. Пока не посетят школьный музей.

Колено Маугли, волчий лоб, морда питона и прочие выступающие части бронзовой живности отполированы до желтого блеска многочисленными прикосновениями ладоней, ладошек и ладошечек. И конечно же Машка сбегает с дорожки, чтобы погладить Багиру. Все правильно: где были бы традиции школы, если бы не младшие классы?! А кроме того, сегодня контрольная по математике, самое время кое-кому запастись хорошими приметами...

Родителям разрешено заходить во двор, а в школьном подъезде сидит на вахте строгий охранник. Дальше — только дети и учителя. Вот одинокая бабушка с розовым портфельчиком (на класс младше нас — первый «А», если не ошибаюсь) поднимается на крыльцо, вынимает из-за пазухи синичку, берет в ладони, дует на пеструю головку, смеется. Потом сажает птичку на бетонный вазон с анютиными глазками. Синеватая вспышка — и маленькая Анечка поворачивается спиной, вдевает руки в лямки ранца. Ясное дело, у бабушки на груди ехать в школу куда как лучше, чем тащиться пешком, заодно доспать можно лишние сорок минут.

Народу прибывает, вспышки бьют по глазам чуть ли не каждую секунду, прямо как на пресс-конференции. Викин сын отстегивает от маминого ошейника поводок, она удаляется косопалой рысцой. А вон и Петровы! Каждый раз одно и то же, и все в той же проекции... За воротами тормозит золотистый «мерс», из него вылезает молоденькая дама, вся такая бело-розовая, от сапожек до креативно покрашенных волос, вытаскивает пластиковую переноску для котов. Из переноски, само собой, доносится истошный мям. Перекосившись под тяжестью животного, цепляясь шпильками за выщербины на асфальте, Петрова бежит к крыльцу. Народ косится кто сочувственно, кто злорадно, дети хохочут. На крыльце мям перерастает в вой. Петрова приподнимает крышку, из-под нее, как молния, мелькает когтистая лапа. Начинаются уговоры: «Никита, у вас сегодня контрольная!.. Ну засранец, дождешься... Ника, я тебя прошу, сколько можно, взрослый же мальчик!.. «Ника Петров,

школьная притча во языцех, — манул. А манул, даже маленький, — это, как всем известно, комочек меха, а в нем зубы и когти, зубы и когти... Этот Облик дрессировке не поддается, а в человеческий Облик родители и гувернеры на начальных этапах воспитания явно забыли установить совесть.

Машка увидела свою Алину, обе с визгом носятся кругами, уворачиваясь из-под ног старшекласников. Подружки. Сразу и не поймешь, что у них общего: моя лохматая дылда, на полголовы выше всех ровесниц, со здоровым шилом в попе, которое их классная руководительница вежливо называет «предприимчивостью»- и миниатюрная блондинка, девочка-конфеточка с безупречным маникюром и большой любовью ко всему красивому и блестящему. Зато по основному Облику обе — кошки. Машка — сиамка, силпойнт, голосистая и с мерзейшим характером, Алинка — пушистый черепаховый котенок, способный вызвать добрую улыбку даже у собаки.

Вообще-то кошачьи не склонны к нежной девичьей дружбе, разве что внутри прайда. Но среди оборотней случается и не такое.

Алинина бабушка мне улыбается. Я улыбаюсь в ответ. Не могу угадать, кто она по Облику, а спросить стесняюсь. Прохожу вместе с девчонками внутрь, киваю пожилому охраннику.

— Борис Дмитриевич, доброе утро.

— Доброе утро, проходите.

Пробираюсь через раздевалку, полную разногабаритного народа, к лестнице на второй этаж. Зимний сад в холле чуть слышно шелестит листьями... стоп!

Что тут может шелестеть, под стеной из стеклянных кирпичей, где отродясь не было ни форточек, ни сквозняков?!

Так я и знала!

У мозаичного бортика стоят два рюкзака, один девчачий, с Русалочкой, другой зеленый, в камуфляжных пятнах. Даже целых два?.. Ага, вот: бельчонок, заложив на затылок уши-кисточки, скачет с пальмы на пальму, оскальзывается на темном лаке листьев, грациозно приземляется между кактусов. Я молча показываю зверенышу кулак и стучу пальцем по циферблату часов.

Белочка прыгает ко мне, потом делает еще один прыжок, но коснуться пола не успевает. Беззвучная красноватая вспышка...

Лера Новгородцева, четвертый «Б», сидит на бортике, растопырив длинные ножки в полосатых гольфах, ладошки упираются в пол. Ай, молодец. Пять с плюсом по специальности.

— Десять минут до звонка, — напоминаю я.

Лера вскакивает, одергивает форменную юбку. (Розово-оранжевые гольфы под красно-сине-зеленую клетку — это же надо так нарядиться! Ну, лишь бы в радость. У грызунов с цветовым зрением всегда проблемы.) Честные круглые глаза смотрят прямо на меня.

— Галина Евгеньевна, а Павел Петрович Бурцева в попугая обернул! Вот!

В золоченой клетке, поставленной прямо на землю, сидит крупный ара. Глянул на меня одним глазом, другим, грустно встопорщил крылья и тут же опустил.

— Твою ма-ать... — шепчет сиплый попугайский тенорок.

— Два в четверти по поведе-ению, — злорадно отзываюсь я. Птичка прикрывает зернышки глаз белыми пленками. Изображает смущение.

Вадик Бурцев из того же четвертого «Б». Неизменный честный-пречестный взгляд, буратинский нос, лягушачий рот, брови домиком. Выражение лица номер один: «а чего, че я сделал-то?» По сравнению с этим молодым человеком моя Машка просто ангелица. Он, кстати, по основному Облику тоже кот.

— Хорошо, Лера, иди в класс.

То есть ничего хорошего, ясное дело. Ламберта мне иногда хочется придушить или стукнуть чем-нибудь тяжелым по голове. Вот и сейчас, например, хочется. Но не делиться же этим желанием с четвероклашками! Непедагогично. Дети слишком многое понимают

буквально.

— Было за что? — спрашиваю узника в клетке.

— Бы-ыло... Бы-ыло... Бур-рцев ха-ам... ха-ам...

Левый Вадиков глаз очевидно подмигивает, и мне кажется, что горбатый клюв вопреки всем законам природы расплывается в наглой ухмылке. Спасибо Пашечке, что не выбрал для своих воспитательных экспериментов какую-нибудь более трепетную душу.

— Надолго?

— До втор-рого ур-рока... Пидор-рас...

Я настолько опешила, что даже проигнорировала последнее слово.

Час чистого времени. Десятилетний пацан, урожденный оборотень, целый час пробудет в чужом для него Облике. Ну да, хулиган, шут и наглец, но... едрена карета, всяческого счастья Пашечке и добра полную пазуху!..

— Л-ладно. Терпи.

Ничего обещать ему я не могу, просто не имею права.

Однако... неужели вся школа в курсе моей нежной любви к Ламберту? Вот даже Лерка, бельчонок лупоглазый, вместо того чтобы извиняться за лазанье по деревьям перед уроками, жалуется мне на него. В полной уверенности, что я немедленно забуду о белке на пальме и примусь злиться на Ламберта. Кстати, это отлично сработало.

...И вообще — мог бы этого мелкого сквернословя обернуть кем-нибудь неговорящим.

— Наташ, к тебе можно?

— Галка, привет, заходи. Сейчас, два слова напишу...

Наталя с утра уже усталая, в пепельнице два свежих окурка, в пальцах третья сигарета, на мониторе полстраницы текста, на столе распечатка. Быть директором московской гимназии — та еще работка. Особенно такой гимназии, как наша.

Сажусь в посетительское кресло, рассматриваю последнее пополнение коллекции конфискатов — со вчерашнего английского, надо полагать: директор у нас английский ведет. Горсть разноцветных кружочков-соток, комикс про Спайдермена, куриная кость со следами мелких зубиков, листок в клеточку с набросками черным фломастером — личики в стиле манга, с подписями: «АНТОН», «ОЛЬГА», «ГЕСЕР», все трое, не исключая Гесера, хорошенькие и трогательно большеглазые; опасного вида рогатка, кучка камушков — то ли для рогатки, то ли для пищеварения, ветеринарный шприц на крупный рогатый скот (будем надеяться, что они из него просто брызгались водой!), два лесных ореха и презерватив «Гусарский». Дети, мать их природа...

Наталя перестает стучать по клавишам и оборачивается ко мне.

— Ты когда Ламберту вгонишь ума? — честное слово, само вырвалось, я хотела сказать совсем про другое.

— Что с ним опять?

— Да не с ним, а он. Попугая в клетке видела?

Наташка думает не более полусекунды.

— Бурцев?

— Уже знаешь.

— Догадалась. Ой, и любят они друг друга...

— Ну и доколе?

Наталя молча шевелит губами, свирепо взъерошивает свои кудри, черные с яркой проседью — сорочья масть, приметная. На руке у нее три модных кольца, одно шириной в сустав пальца, с вот такенным прозрачным камнем, ограненным «пирамидой». А проседь вовсе не ранняя, потому что мы с Натальей — не ровесницы, как могло бы показаться...

Что я могу добавить? Цитировать школьный устав, напоминать, что насильное обращение несовершеннолетнего оборотня запрещено уже двести лет, рассуждать о том, каким букетом разнообразных последствий это наказание чревато для физического и психического здоровья, риторически осведомляться, что делает солдафон и садист на ставке

учителя?..

— Ты с Бурцевыми-родителями пробовала побеседовать?

— Ты знаешь, да! — ядовито ответила Наталья. — Папа — мужик хороший по-своему, неглупый, но... бурый медведь, сам при Советской власти закончил специнтернат, с Ламбертом ручкается при каждой встрече. Сказал, что этот товарищ из его балбеса человека сделает... не поймите неправильно.

— М-да...

На более интеллектуальный ответ меня не хватило.

— И не говори, подруга.

— Так ты заклятье-то снимешь?

Наталья несколько мгновений молчала. Достаточно долго, чтобы я пожалела, что спросила.

— Сниму. Минут через... десять. Скажу, что ему крупно повезло, и пошлю убирать актовый зал, там дежурные уже трудятся.

— А с Ламбертом поговоришь?

— Галка, ты по делу пришла или как?

— По делу, — вздыхаю я. — Насчет зоологии. Три часа в неделю до Нового года возьму.

— Шесть.

— Чего шесть?!

— Часов, — хладнокровно уточняет госпожа директриса. — По уроку в день, в среду два, но могу сделать первыми.

— Наталка, среди твоих Обликов крокодила, случайно, нет?!

— Ты знаешь, что нет. И крокодила нет. И учителей свободных нет. И сил, чтобы проверяющих отражать, тоже нет, а опять ведь придут, заразы... Окна в расписании — есть.

— Ты на меня не дави. Шесть не могу.

— Тогда четыре.

— Договорились.

Знала же, чем все это кончится!

— И москвоведение в летающих группах, — безмятежно договаривает нахалка Наталка. Нет, а вот такого поворота темы я не предвидела!

Пока я хватаю ртом воздух, Наталья разъясняет:

— Галка, ну ты же понимаешь, кого мне еще просить? У тебя педагогическое образование есть, документы в порядке. И профессия подходящая, город ты знаешь лучше самого супер-пупер-компьютера в мэрии. Не могу же я человека со стороны брать, помнишь ту историю...

— Моя профессия предполагает почти круглосуточную занятость, — мрачно напоминаю я.

— Галка, не надо рассказывать сказки о вашей занятости педагогу.

— Хорошо, не буду.

— Ты согласна.

— Я подумаю.

— Думай, думай. Про зоологию мы договорились, берешь пять ча...

— Четыре часа!

— Ну Галочка...

— Четыре, — тоном ниже, но непреклонно отвечаю я. — Ламберта попроси, пусть расскажет детишкам, как прожить месяц ужом в таежном болоте!

— Питаясь пиявками и спецпайком, — уточнила Наталка. — И не ослабляя бдительного контроля за местностью.

Мы обе хихикаем.

— Да, ОБЖ он и так ведет, — с непонятной интонацией сказала Наталья. — Полезный предмет, чего уж там. Глядишь, и вправду придется Ламберта просить...

— Что-нибудь случилось?
— Да нет, наверное. Пока непонятно... Так, сердце не на месте.
— А ты кури побольше с утра.
— А ты учи меня, подруга, — огрызается госпожа директриса. — Придешь домой, загляни в Интернет, хорошо?
— Загляну.
— А теперь пиши заявление, — и с размаху, пристукнув о столешницу, выкладывает передо мной лист бумаги. — «Директору ГОУ... Эльстер Н.П. от...» Пиши-пиши, четвертая власть. «От Афанасьевой Г.Е. Прошу принять меня...»
Я обреченно завожу глаза к потолочному плафону. Нет, все-таки — обыкновеннейший крокодил!

Пока я сидела у Натальи, пошел мелкий дождичек. Асфальт во дворе потемнел, но небо осталось светлым, промоины между серыми тучами наливались солнечным серебром. У Машки сегодня шесть уроков, можно еще смотаться домой.

Бронзовые статуи мокро заблестели. Подхожу поближе и, воровато оглянувшись на окна гимназии, подпрыгиваю, чтобы дотронуться до клюва коршуна Чилия, который сидит на голове Балу, между круглыми ушами.

Я здесь не училась. Мы вообще в гимназиях не обучались, в советское время их и не было. Когда я рассказываю Машке про школьную форму и красный галстук, она слушает с недоверием, но без особого интереса. Может, оно и к лучшему?

И все равно дотрагиваться до блестящего горбатого клювика мне нравится. В конце концов, Машкины традиции — мои традиции, а немного удачи никому еще не вредило.

Калитка, естественно, уже заперта. Вместо того, чтобы нажимать на красную кнопку, застегиваю куртку, становлюсь на бордюр и...

Моя вспышка — желтая, цвета меда. Как всегда, немного кружится голова, немеет тело, но вот уже можно лететь. На метро до дома добираться почти час, а летом — и пятнадцати минут не будет.

Кто я, спрашиваете? Хороший вопрос. Так вроде уже представилась. Афанасьева Галина Евгеньевна. По-испански Галина, как мне объяснили в свое время, значит «курица». Так что я предпочитаю непочтительно-уменьшительную форму своего имени. Галка я, всем понятно?

Взлетаю над забором, набираю высоту. Утренняя сонливость и среднепаршивое настроение мгновенно исчезают без следа. Поравнявшись с чердачными окнами соседнего дома, ору во все горло. Без слов, просто от восторга.

Почему, например, хорошо быть галкой — наш крик не слишком раздражает людей. Ну, скажем так: меньше, чем публичные высказывания вороны или тем более кота. Или попробовала бы ты, дорогая, оставаясь прилично одетой горожанкой средних лет, завопить и перекувырнуться через голову! Нет, лучше не пробуй. А вот теперь — можно.

«И тогда он кричит», как сказал классик...

*Сердце, обросшее плотью, пухом, пером, крылом,
бьющееся с частотою дрожи,
точно ножницами сечет,
собственным движимое теплом,
осеннюю синеву, ее же
увеличивая за счет
еле видимого глазу коричневого пятна...*

Спорим на десять долларов, Иосиф Александрович сам был птицей! Не дам голову на отсечение, что именно ястребом, но небольшой хищной птицей — точно. Надо будет спросить у кого-нибудь из старших. Хотя бы у Рязанцева, он наверняка знает.

Я выпускаю еще один вопль и кувыркаюсь в воздухе, как турман. Мне отвечают галки из стаи, что гнездится на чердаке ближайшего дома. Но мне сейчас не хочется простых радостей птичьего общения. Закладываю вираж и на хорошей высоте направляюсь к северу, домой.

Небо все светлее, дождик и в самом деле ненадолго. Водяную пыль с моих гляцевых перьев сдувает ветер. Верчу головой, взглядывая вниз то одним глазом, то другим. Серые прямоугольники крыш, черные линии проводов, будто линии туши, перечеркнувшие цветную картинку. Купы деревьев, еще совсем зеленые, с редким желтым крапом. Щербатый и растрескавшийся, как высохшая грязь, старый асфальт, исчерна-серый — положенный заново. Полоса шоссе в ярких разноцветных бусинах машин; желтенькие, чуть крупнее других — маршрутки-автолайны, длинные палочки — автобусы... Москву совсем не сложно любить, если видишь ее с высоты птичьего полета.

А вот она и пробка по направлению к центру! Бусины ссыпались в плотные ряды, образовав эдакий циклопический браслетик-фенечку. Километра в полтора длиной. Красивое зрелище, кто бы спорил!

Как всегда, с трудом подавляю злорадство. Нет, ну до чего я была мудра, что не поддавалась давлению своих родичей и не купила машину! Толку с нее, с той машины, в Москве двадцать первого века! А прирожденной галке тем более машина нужна, как... Ну да, именно как козе баян, зайцу барабан и волку жилетка.

Единственно — Машку жалко. Среди ее Обликов пока нет ни одного летающего, и учиться она побаивается, а значит, научится нескоро. Вот и приходится нам с ней таскаться в метро. Впрочем, в школу и из школы по любому не полетишь. Портфели у них такие, что не больно-то обернешься.

Одно из самых дурацких суеверий, связанных с оборотничеством, — что оборачиваться якобы можно только в голом виде, мол, одежда трансформации не поддается. Очень эротично и для романтической прозы небесполезно: серый волчище или черная пантера превращается не просто в человека, а в обнаженного мускулистого парня или стройную деву. Неземной красоты, естественно. А теперь скажите: чем по сути своей отличается звериная шерсть или человеческий волос от шерстяного свитера? Вот то-то, что ничем. Волос, перо, омертвевший коготь — такая же точно неживая материя. Но я ни разу не видала, чтобы волк, перед тем как оборачиваться человеком, брился налысо! (Вообразив Пашу Ламберта за этим полезным занятием, я громко расхохоталась, чуть дыхание не сбила. Кто сказал, что птицы не смеются, как люди?..)

На самом деле одежда трансформируется так же, как тело, и вместе с ним. Если наряд не слишком объемный, конечно. Как только наши прабабки обходились в эпоху кринолинов? Вот это, я понимаю, мастерство — обернуться волчицей или той же галкой, не отвязывая фижм! Или все-таки отвязывали?.. И карманы трансформируются, и все их содержимое, и даже небольшие сумочки либо рюкзаки, и мелкая аппаратура вроде диктофона или плеера. (К сожалению, в слопнутом виде ни то, ни другое не работает...) А вот с более крупной ручной кладью бывают проблемы. Рассказывают байки про умельцев, которые уходят в Облик прямо со станковым рюкзаком, но — не знаю. Лично не встречала.

Попробуйте приглядеться к московской толпе в метро, наверняка увидите нескольких таких граждан. Одеты не то чтобы точно по фигуре, скорее чуть менее тепло, чем попутчики. И в руках ничего, и вещей — никаких. Ни тебе кейса, ни дамской сумки, ни зонтика, максимум — маленький рюкзачок или пояс с кошельком. Все легкое, по возможности плотно прижатое к телу, и непременно свободные руки! Ну вот, среди этих легкомысленных людей с очень большой вероятностью окажутся двое-трое наших. Особенно если у человека волосы крашенные, или если он серьезно, на равных разговаривает с собакой или белой крысой... Плохие опознавательные признаки, неотчетливые? Это и хорошо, что неотчетливые.

А вот и мой дом, серая девятиэтажка по пояс в тополево-м лесу. Хоть бы не забыла оставить форточку открытой, а то придется снижаться, прятаться у дворницкой двери, чтобы

обернуться... Нет, все в порядке, форточка настежь. В то, что птица, влетающая в окно, приносит несчастье, мы с Машкой не верим. Вот когда кошка перебегает дорогу, да еще там, где машины ездят, да еще одна, без мамы, это — точно к подзатыльнику и лишению благ...

Влетаю в теплую комнату, сажусь на компьютерный стол и несколькими ударами клюва включаю монитор и запускаю Эксплорер. Пока обернусь туда-сюда, стартовая страничка уже появится. Что там Наталка говорила про новости?..

Глава 2

*В кругу бездомных животных
Я представляю людей...*

Ольга Арёфьева.

Новости как новости. Где стреляли, там опять стреляют, но никаких массовых смертоубийств, способных занять первые строчки новостных лент, пока что нет. Дом в Санкт-Петербурге горит... В США наводнение... В Латинской Америке вроде бы все спокойно, вот и ладненько... Служба МЧС с трудом освободила квартирного вора, застрявшего в вентиляционной трубе вниз головой; спасателей вызвали хозяева, услышав крик и всхлипы; ущерб, нанесенный квартире спасательными работами, в несколько раз превышает возможную стоимость украденного... Российские читатели «Дао любви» подали в суд на переводчика (перепутал «ничком» и «навзничь»?)... Светскую хронику — кто что сказал, кто что и кому показал, кто на ком женился и кто кому съездил в пятак — с удовольствием пропускаю, все равно на службе расскажут. Наука: новое средство от СПИДа, новый вирус гриппа, новая функция у японских мобильных телефонов. Политика... Культура... «Взгляд»... «Газета. RU»... Просматриваю по второму разу. Да что такое Наталья углядела?

Ладно, сдаюсь Кликаю на наш сайт.

Всем известно, как трудно зарегистрировать короткое, ясное, однозначное и небанальное доменное имя. А нам — тем более. Не ищите нас на oboroten.org, werewolf.com или kitsune.ru — подобная бесхитростная прямота не для серьезных людей. Мало кто знает, что буквы mob в адресе могут означать не толпу по-английски, а аббревиатуру Московского общества биотрансформации. Тоже дурацкое название, а что делать?

Простые искалки нас не показывают. Впрочем, если постороннего и занесет к нам, он не увидит ничего, кроме умилительно невинного логотипа: человеческий и кошачий силуэты на фоне зеленого гербового щита, с равным успехом это может быть и охрана природы, и, скажем, ветеринария. Читать форумы и прочее может только тот, кто введет один непростой пароль.

Захожу в форумы... и хватаюсь за голову, обзывая себя безмозглой курицей. Новая тема: «Знаете про Настюшку???» Сотни сообщений за несколько часов.

Эх, все мы одинаковы, что люди, что оборотни. Одно дело — абстрактная пропавшая девочка. И совсем другое — девочка знакомая!

Настя Матвеева, восемнадцать лет, Облик — черный котенок. Около года Машка вместе с ее младшим братом ходили в группу хореографической пластики «Танцы с волками» при той же школе, в которой Машка сейчас учится.

Принято смеяться над мамахами, которые целыми днями таскают любимых чад из одного кружка в другой, с английского в бассейн и потом на теннис, так что у дитятка ни минутки свободной. Ничего смешного, уверяю вас. Во всяком случае — если речь идет о юном оборотне. Только попробуйте вообразить, на что употребит свой досуг ребенок с таким нетривиальным талантом, если досуга будет избыток, а поводов для размышлений и целей для полезной деятельности — наоборот, недостаток. Не можете вообразить — почитайте хотя бы протоколы святой инквизиции. (Потому что более свежие следственные материалы, в которых фигурируют наши ненаглядные ребенки, во всех странах строго засекречены...)

Ведь даже бессмысленные выходки обычных подростков — серьезная проблема для общества и для самих подростков, что уж говорить о наших детях! У нас, у оборотней, забота о потомстве — первое и главное дело жизни. Работа, творчество, любовь — это уже второе. И если кто-то скажет, что этим мы близки к своим звериным и птичьим Обликам... а пусть говорит. На правду не обижаются.

Мама оборотней, если соображают хоть что-то, стараются загрузить своих детей с самого раннего возраста: драмкружок, кружок по фото... К сожалению, обычные драмкружки нашим оболтусам не очень-то годятся. Мастерство контроля редко у кого развивается с младенчества, поэтому идеальный вариант — кружок для своих. Где руководитель не растеряется, если драчуны вдруг обернутся теми же котами. Или, скажем, один другому стрельнет в глаз жабым языком — на три метра против ветра. Или... Короче, домов детского творчества для юных оборотней даже в Москве очень мало, а поскольку круг наш и без того поуже, чем у декабристов, все мы друг друга знаем. Ну, или почти все.

Настя Матвеева. Очаровательная черная кошечка, славная зеленоглазая девушка, большеротая, кудрявая, со смешным зигзагообразным пробором. Может быть, немного чересчур ехидная, но не нам бы с Машкой говорить. И братик у нее симпатичный, и мама тоже очень славная — частный врач-ветеринар, судя по всему, неплохо зарабатывает, кто по Облику, не знаю. Весь прошлый учебный год мы встречались на этих танцах: дети отрабатывали ритмичные шаги и подскоки, котята бегали друг за другом изящной змейкой, кувыркались и ловили мячики, все Облики, одновременно и попеременно, взбирались по канатам под самый потолок — весело было... Потом Матвеевы переехали в центр, ходить на гимнастику перестали.

Из сообщений Матвеевских знакомых получалось, что в пятницу Настя вышла из квартиры и куда-то направилась. Взяла с собой смену одежды, ключи, проездной и немного денег, и больше ее никто не видел. Опрос родичей, приятелей, учителей и соседей ничего не дал.

Я зябко передернула плечами. Напомнила себе, что надо бы Машке еще раз начесать холку насчет самостоятельных перемещений, не согласованных со мной. Покосилась на шкаф, где была припрятана бутылка золотой текилы, щедрый меценатский дар Летчика Ли. Выпить бы сейчас хотя бы граммов двадцать пять, без всякой там соли с лимончиком и прочих глупостей, да закурить бы сигаретку из заначки... Но второе «я» возразило: оно, дескать, категорически против. Как наемный работник еженедельника, обязанный выдать к полудню шесть тысяч знаков, как мама маленькой девочки и как летучий оборотень, которому сегодня еще оборачиваться — все мы против. Ну и не больно-то хотелось, сказала я своей многогранной личности, и журналисту, и матери, и оборотню. На такую прорву народищу вообще текилы не напасешься.

Комментарии в форуме были вполне ожидаемы и предсказуемы. Миллион охов и ахов от всех, кто знал Настёну и ее родителей, предложения «любой помощи, какая только понадобится». (Я решила не добавлять свой голос к общему хору: помощь нужна не любая, а конкретная.) Два коротких отчета от нашей «народной дружины», последний всего полчаса назад — пока, увы, только отрицательная информация. Своёобычные рассуждения добровольных экспертов-аналитиков, страдающих от безделья: а если девочка ушла в Облике; а если какой-нибудь хулиган ее подбил камнем, да так ловко, что не успела обернуться; а если черную кошечку подобрали какие-нибудь доброхоты, и Настёне любопытно, что из этого выйдет; а если у барышни просто роман, любовь-морковь с потерей совести и чувства времени; а если это происки православной церкви, часть представителей которой, как известно, оборотничество полагает особо зловредным колдовством, тем более кошка-то черная... Да какая там церковь, возражали другие, это люди в штатском, которые почему-то не договорились с нашей главной крышей, фэ-эс-бэ-гэ-эр у... Да о чем вы говорите, обычные уголовники, — вносили посильный вклад в общую панику третьи... Очень надеюсь, что Матвеевы всю эту муру не читают. Хотя нет, читают, конечно: я бы на их месте отслеживала каждое новое сообщение, включая самые идиотские.

М-да. В какие истории попадают оборотни-котятта, я сама превосходно знаю. Например, однажды две первоклашки во время прогулки на продленке обернулись, вылезли потихоньку через дыру в заборе (новый забор, бетонный сплошной гранатонепробиваемый, поставили только этим летом), чтобы самостоятельно прогуляться до ларька. За чупа-чупсами. Все бы ничего, но одна из них наработала себе Облик оранжевого перса. Щекастый такой котенок, шелковисто блестящий, как атласная роза, и с разноцветными глазами — один желтый, другой голубой. Естественно, по московским тротуарам эта красота гуляла не долее, чем тот петух, вздумавший закукарекать рядом с собранием негров-методистов. Хорошо, что вторая девчонка сообразила обернуться обратно и храбро налетела на тетку, поймавшую ее подругу, с воплями: это мо-о-ой котенок, мне что, маму позвать?.. Не знаю, как Алинкины родители, а я Машку за этот эпизод в их биографии лишила мультиков на неделю. Сама-то Машка по улице бегаёт в виде непущистом, рыжем и полосатом, ее все принимают за беспородного котенка-мальчика — у кошечек такая масть редкая. Принципиальная негламурность до сих пор, не сглазить бы, помогала...

Но не здесь же такие байки рассказывать! Не время и не место.

Усилием воли я пресекла желание немедленно поделиться с братьями-оборотнями рядом ценных соображений, начиная с первого: всем пустопорожним флеймерам и флудерам заткнуться, не трепать нервы Настиным родным, а в первую очередь... Все и без меня знают, что следует делать в первую очередь. Но сначала шесть тысяч знаков про кафе-бар «Блэк пиг». Набрать, отправить и лететь за Машкой.

Контрольная по математике вроде бы сошла благополучно. Машка всю радувалась жизни, я слушала вполуха. Естественно, травмировать нежную детскую душу рассказом о пропавшей Насте я не собиралась. Но сама перестать думать об этом не могла. Шла и прикидывала, что надо будет сделать в первую очередь, как только доберусь до редакционной базы данных...

— Мам! Ну мамочка, ты меня совсем не слушаешь, да?!

— Что тебе, радость моя?

Неужели опять чупа-чупс на палочке, от которого у Машки розовые пятна по всей физиономии, а у кошачьего Облика жесточайший понос?! Ну почему дети, будь они хоть трижды оборотни, вечно тянут в рот любую засахаренную дрянь — зачарованы эти чупы, что ли?..

— Мам, посмотри — видишь мальчиков?

Мальчиков?.. Четверо юных бродяг лет по десять-двенадцать, разной степени грязи, сидят на парапете подземного перехода и активно отдыхают: у каждого хот-дог, одна на всех полуторалитровая бутылка ядовито-розовой алкогольной газировки (и кто это здесь только что осуждал чупа-чупсы?), чумазные рожицы — мягко выражаясь, не совсем детские, у старшего сигаретка в пальцах, каждое второе слово — неопределенный артикль «бля»...

Когда моя дочка станет взрослой, эти Гекльберри Финны (которые не загнутся раньше) тоже станут взрослыми, и жить будут с ней в одном городе... А и сейчас — спаси Боже повстречать таких мальчиков в темной подворотне или в том же подземном переходе поздним вечером. Ну и что мне сказать Машке — что пить и курить детям нехорошо, а родители этих детей очень глупые?..

— Мам, смотри, вот у этого мальчика...

Ох, и ни фига себе!..

— Тише, Маш. Повернись к ним спиной.

Не старший и не младший, зато самый тихий. Курточка с надписью «abibas», черные спортивные штаны с чужой задницы (и куда более крупной, чем своя), пластмассовые шлепанцы на босу ногу. Бурые густые вихры. Мордаха скорее загорелая, чем грязная. Медленно подносит к лицу хотдоговскую булку, в которой уже нет сосиски. Товарищ пихает его в бок, сует баллон с розовой дрянью. Парень на секунду неумело запрокидывает

бутылищу, делает символический глоток и сразу передает соседу. Некоторое время сидит неподвижно, чуть наклонив голову. Совсем неподвижно. И вдруг склоняется еще ниже, поднимает согнутую ногу и чешет коленом ухо. Пять-шесть быстрых движений — и снова застыл.

Ну Машка! Как только засекла?.. А, ладно, потом. Вот будет забавно, если Серегиного номера нет в книжке. Вечно я с этим новым телефоном делаю что-нибудь не то...

Мы, оборотни — законопослушные граждане со всеми правами, включая избирательное. Но бывают ситуации, когда помощи от государства ждать бессмысленно. И нужно обходиться своими силами. Что мы и делаем.

Стараясь не суетиться, тычу в кнопки мобильного. Номер есть. Серега, чистое золото, свободен и все понимает с четверти слова. Задал единственный вопрос: какое метро, какой выход? Потом бросил: «Буду через двенадцать минут, дождитесь!» — и оборвал связь.

Делать нечего, ждем. Подходим к столику под шатающимся сине-белым зонтом, я беру для Машки апельсинового соку: «Пей медленно. Все вопросы потом».

— И чупа-чупс мега! — вдруг заявляет Машка. И тут же, сообразив, что настало время сбычи мечт. — Мама, и еще яйцо с сюрпризом!

Фиг с тобою, золотая рыбка. И чупа-чупс мега, и яйцо с сюрпризом. Заслужила. Опухшее личико в окошке ларька сладко улыбается, моргает ресницами, корявыми и толстыми, как чайники: «Держи, лапуля, скажи маме спасибо». (А не ты ли, тетка, пацанам «газировку» продала?)

Смотрю на часы. Я знаю Серегу: если он сказал «двенадцать минут», это значит — ни минутой больше. Но и не меньше. Пока прошло всего пять минут. А мальчишки уже доели-допили и сползают с паркета...

Ловлю его взгляд. Прежде чем успел отвернуться:

— Эй, заработать хочешь?.. Да не ты (окорачиваю другого, более шустрого), вон ты.

Мальчишка подходит к нам. Молча, в глаза не смотрит.

— Купи мне вчерашний МК. — Высыпаю монеты в грязную ладошку. — Принесешь, получишь десятку.

— Теть, а теть, дайте лучше я! Вы че, этот шарик ваще на голову больной, вы че думаете, он вам купит?..

Делаю вид, что не слышу. Купит, почему бы и нет? Не нами сказано: среди московских псов разве уж какой-нибудь совершенный идиот не сумеет сложить из букв слово «колбаса». А тут всего две буквы, да и пес — не совсем пес.

Мальчишка бежит в переход, я гляжу ему вслед. Да и еще раз да, никакой ошибки! Машка шумно сосет свою чупу, выставив между губ беленькую палочку. (Сфотографировать бы тебя сейчас, дорогая... на видео снять... желательно со звуком...) Семь минут. Восемь. Парня все нет: уж не сбежал ли с монетками? Что я Сереге скажу?

Однако не сбежал. Идет, денежки в ладошке.

— Нету. Вчерашнего нету.

— Ну, нет — и ладно. Держи за беспокойство, — добавляю ему десятку.

— Спасибо. — Наконец-то смотрит прямо на меня. Глаза карие с золотом. Кивает и так же молча уходит.

Моя десятка сразу переключалась к старшему: тот просто протянул лапу, и наш протеже безропотно отдал купюру. Интересно, что это было: вклад в кассу взаимопомощи или добровольное пожертвование в пользу самого главного? Черт, где же Сергей?..

Не успела додумать, как над крышами раздался долгожданный вороний гай. Вороны Серегу не выносят. Орут как ненормальные, едва завидят. Но догнать его — кишка у них коротка.

— Сокол! Смотри, Вован, тля буду, сокол, тля!

Сейчас в Москве развелось столько любителей соколиной охоты, что хищная птица в центре города никого чрезмерно не удивит. Зато летает Серега со страшной скоростью, какой-нибудь несчастной галке вроде меня гоняться с сапсаном — все равно что ушастому

«Запорожцу» с болидом Михаэля Шумахера. При его хобби это крайне полезное качество. А хобби у Сергея — искать и опекать выдвиненцев.

Вспышки я не заметила. Просто из-за ларька вышел мой хороший приятель. Щуплый, маленький, в черной куртке и серых джинсах, взъерошенный от самого затылка, как сердитая птица. Хлопнул меня по протянутой ладони, показал язык Машке, резко втянул воздух картофелеобразным носом. (Шуточки про «орлиный профиль» Сергея, кардинально не соответствующий горбатому клюву его птичьего Облика, нашим общим знакомым не надоедают никогда!) Ни о чем не спрашивая, даже на секунду не остановившись, двинул к переходу.

Пацаны притихли. «Наш» мальчишка вскочил на ноги, и тогда Серега щелкнул пальцами. Даже без слов обошелся.

Я вас уверяю, как репортер с десятилетним стажем и прирожденный оборотень: число свидетелей невероятного события не возрастает пропорционально числу людей, находящихся рядом. Сколько бы народу ни было вокруг, тех, кто в самом деле ВИДЕЛ, а не прибежал минутой позже с воплем: «Я, я свидетель, а что случилось?!» — реальных видеоков всегда можно пересчитать по пальцам одной руки. Зря, что ли, организаторы рекламных акций так надрываются, на любые трюки идут, лишь бы привлечь внимание рассеянной столичной публики?! Если происшествие обойдется без громких звуков — считай, вообще ничего не было.

Трое мальчишек бросились бежать, кто пялился — пялились на них: украли чего-то, что ли? Я ухватила Машку за капюшон, свободной рукой прикрыла ей ротик, уже разинутый для оглушительного кошачьего «вау-у». Ша, барышня, никто никуда не идет. А что дядя в черной куртке поднял под пузичко большого бурого щенка — так это его щенок, наверное. А грязный такой, потому что потерялся. Но теперь нашелся, так что все в порядке.

Серега обернулся к нам, показал «о-кей», перехватил чумазого собакина поудобнее. Тот тоненько заныл и вдруг лизнул Серегу в подбородок. Его все выдвиненцы любят. И доверяют беспредельно, с первого взгляда.

Не знаю уж, кто первым назвал оборотней-аниморфов этим совдеповским словечком, но прижилось. Подозреваю, что оно пошло от шуточки пана Станислава Леца: «Черти делятся на падших ангелов и на выдвиненцев из людей». Аналогичным образом, не каждый оборотень рождается человеком и со временем обретает способность превращаться в кого-то иного. Бывает и по-другому. Скажем, потерялся котенок или щенок. А чаще — не потерялся, а выкинули. За мокрое пятно на ковре, за погрызенные тапки и за просто так, чтобы не нервировал. Большинство погибает. Кого-то подбирают другие хозяева. А некоторые, единицы из сотен тысяч, убегают от своей собачьей или кошачьей смерти в чужой Облик. Редчайшая способность, может быть, еще более редкая, чем у людей, а может, просто менее изученная. Как-никак, в поле нашего зрения попадают только те из них, кто выбирает человеческий Облик. И то не все.

Иногда мне кажется, что я их понимаю. Самый сильный инстинкт у любого звериного ребенка: подражай родителям, делай как старший, и выживешь. Натурально, детеныши хищных млекопитающих, усыновленные людьми, у последнего края оборачиваются людьми же. Толстолапый щенок или тощий ушастый котенок становится молчаливым подростком с сумасшедшими глазами. Нет, они не бегают голыми, они очень быстро добывают себе одежду (добрым гражданам лучше не знать, каким образом). Они даже не немые — они и прежде хорошо понимали человеческую речь, а говорить начинают через день-другой после первой смены Облика. Обыкновенные грязные недокормленные дети со странностями в поведении — чешутся задней ногой; бегают легкой экономной рысью, а не очертя голову, как обычные мальчишки; подолгу и очень внимательно наблюдают за вами исподтишка, но не любят смотреть в глаза. Словом, ничего такого, что резко отличало бы их от настоящих человеческих детенышей — тех, которые точно так же потерялись или были выкинуты...

Москва, как всем известно, слезам не верит, а оборотни менее других москвичей склонны к благотворительности: у каждого своих проблем выше крыши. Но о выдвиненцах

мы заботимся по мере сил и сверх меры. Как-никак, не чужие друг другу. Родные и по магической стихии, в которой существуем, и по московской прописке... ну и вообще — стыдно бросать без помощи детей, животных и гениальных спонтанных магов. Как ни странно, из выдвиженцев иной раз получаются отличные люди. Впрочем, если подумать, ничего странного в этом нет.

Наш «крестник» всюду налегал на концентрированное молоко, которое Серега купил все в том же ларьке, вскрыл карманным ножом и налил в пластиковую тарелку. Сергей и Машка сидели рядом на корточках.

— Куда ты с ним?

— В Удельное, куда ж еще, — ответил Серега. В Удельном находится наш благотворительный интернат для выдвиженцев (к счастью, огромное их большинство впервые превращается в юном возрасте). Интернат совсем не похож на пансион для внуков банкиров и депутатов. Но это лучше, чем ничего. И много лучше, чем все остальное. Честно говоря, по сравнению с тремя своими давешними приятелями-людьми парень просто счастливчик.

Щенок, не переставая питаться, завилял хвостиком: мол, спасибо вам, люди, давайте дружить! А Серега отчего-то пригорюнился, может быть, подумал о том же. Я наклонилась и поцеловала его в щеку (Серегу — можно, он поймет правильно). Машка повисла на нем с другой стороны, звучно чмокнула и тут же спросила:

— Дядя Сережа, а меня вы так можете, как его? Прямо раз — и в кошку? Или лучше, лучше... в кого-нибудь еще!

И с готовностью зажмурилась, ожидая вспышки.

— Тебя не могу, — серьезно ответил Серега. — Не положено.

Его мимолетная хандра, кажется, сразу прошла. Сокол, если здоров, грустным быть не может.

— Потому что ты человек-оборотень, — в третий раз сказала я недовольной Машке, пока мы брели от метро к дому. (Какие все-таки тяжелые у них портфели!) — Человек, понимаешь? Детям-оборотням никто не может насильно менять Облики, только если во время учения... ну, скажем так: не рекомендуется, — неуверенно уточнила я, вспомнив попугая Бурцева.

— А почему?

— Чтобы нечаянно не навредить.

— Да, а ты же меня насильно оборачиваешь человеком! И запираешь в Облике! Когда в поликлинику водишь!

Ох, не говорите со мной на эту тему.

«Мама, пожалуйста, пожалуйста, не надо! Я не хочу! Я честно-честно не буду оборачиваться, только не запирай меня! У-у, у-у, у-у...»

Машка умеет плакать так, что у меня в ответ слезы наворачиваются на глаза, и я чувствую себя гестаповкой. А речь шла всего-то о банальной прививке. Теперь их, к счастью, прививают прямо в гимназии, но в нашем специализированном детском садике такого не было — приходилось пользоваться официальной медициной, человеческой либо ветеринарной. Все замечательно, лично я как мать гораздо меньше боюсь прививок, чем человеческого дифтерита и кошачьего парвовируса, но есть один нюанс. Маленькие оборотни к уколам относятся так же, как нормальные дети. А когда им ОЧЕНЬ страшно, они меняют Облик. Справиться с собой не могут, приходится запирать.

«А как же я, — потеряв терпение, говорила я хлюпающей и подвывающей Машке, — до пятого класса в школу каждый день ходила под заклатьем, как нормальная девочка?! Шесть дней в неделю! Мы и по субботам учились!» — «Что, правда?! — Машка даже забыла хныкать. — Бабушка тебя каждый день запирала?! А почему?» — «Почему-почему. Потому что школа была нормальная.»

Ага, самая что ни на есть нормальная средняя общеобразовательная школа. С

октябрятскими звездочками и пионерской дружиной, с коричневыми платьями и черными фартуками. Гимназий и лицеев тогда в природе не существовало, да и спецшколы вызывали у граждан подозрения: что это еще за графья выискались, кому тут больше всех надо? С шестого класса меня все-таки отдали в «спортивную школу» на Юго-Западе, одну из первых наших школ в Союзе, и это было счастье...

— Машка, — проникновенно сказала я. — Одно дело — медицина, другое — баловство. А теперь скажи, моя радость, как ты догадалась про этого мальчика?

Это меня крайне интересовало. Как моя козявка с одного мимолетного взгляда распознала выдвигенца?! Конечно, кому и чуют собак, как не котенку, и все-таки — в восемь лет, без специальной тренировки... Ну да, правильно: все мамы в глубине души уверены, что дети у них особо одаренные, я не исключение.

— Про какого мальчика? — безмятежно переспросила Машка, подумав секунд пять.

— Про того, которого мы только что видели. Как ты догадалась, что он на самом деле щенок?

— Я догадалась, когда дядя Сережа его обернул.

— А раньше не догадывалась?

— Не-ет.

Люблю детей!

— Машка, но это же ты первая сказала мне посмотреть на него, когда мы подходили к метро! Разве нет?

— Да, — согласился дивный ребенок. — У него штаны были очень смешные. Прямо как у Джонни Браво.

Глава 3

Умоляю вас, молчите! Вы так невинны, что можете сказать совершенно страшные вещи.

Евгений Шварц.

День закончился совсем весело: звонком Валерки. В смысле, Валерия Петровича.

— Галочка, а ты знаешь, у меня к тебе профессиональный интерес.

На первом курсе мы учились в одной группе, и даже почти что дошли до романа. Все было так замечательно, как только и бывает на первом курсе, в самом начале взрослой серьезной жизни. Мне здорово завидовали другие барышни, которым еще не доводилось принимать в подарок длинноногую розу в целлофановой трубе — традиционный московский символ страстной любви, привет дедушке Фрейду. Валерка ухаживал красиво, для бедного студента — просто феерически. А потом вдруг исчез. Куда он подевался, я узнала много позднее. Тогда мы уже поженились с будущим Машкиным отцом.

Было бы очень странно, если бы оборотнями не интересовались компетентные органы. Причем в обоих качествах: и как потенциальными сотрудниками, и как подозрительными лицами, за которыми нужен глаз да глаз. Интересовались всегда. И в Третьем отделении, и при Екатерине, и при Бироне, и при Иване Грозном. (Ведь не просто так одни из них носили волчьи хвосты на шапках и назывались словом, означавшим «чужие» или «пришлые», а другие проходили в документах под звериными псевдонимами...) Почему, собственно, современные бойцы невидимого фронта должны быть глупее предшественников и зарубежных коллег?

Дурацкие иносказания вроде «биотрансформеров» у них не в ходу. Оборотневый отдел в красивом здании, что возле «Детского мира», имеет номер и располагается неподалеку от другого, который курирует экстрасенсов, политическую астрологию, торсионные поля и тому подобную вещь. Для обмена опытом, надо полагать.

Валерка же состоит в той организации, которая не на Лубянке, а на Петровке. Получив на первом курсе предложение, от которого не смог или не захотел отказаться, отучился в

соответствующей школе и надел форму с погонами. Начинал простым опером, насколько слово «простой» применимо в данном случае — когда оперативный работник сам себе и собака, и транспорт, и прочая спецтехника. Когда мы виделись полгода назад, он был капитаном, а сейчас уже майор. Есть у него и хорошая жена, и двое сыновей, которых любящий отец именует не иначе как «мерзавцами»- старший учится в той же гимназии, что и моя дочь.

Я не слишком удивилась, когда он спросил, знакома ли я с семьей Насти Матвеевой. Кому, как не ему, заниматься этим делом? Я спросила, когда мне вручат повестку, в ответ Валерка предложил не нести чуши. Он охотно согласился встретиться в кофейне, правда, время у нас с ним назначилось ну совершенно несусветное — девять утра. Пришлось лететь.

Кафе под старую Вену, с одноименными стульями и умопомрачительным запахом кофе, выпечки и корицы, официантки в полосатых юбках и кружевных наколках — все это с самого начала разлагающе подействовало на мой бедный птичий разум.

— Барышня, мне, пожалуйста, ристретто и фрукты со сливками!

Я тут же раскаялась — ведь не олигарха какого-нибудь высаживаю из денег, не владельца риэлтерской конторы или сети магазинов, а сижу с одноклассником, почти что бывшим возлюбленным, да к тому же милиционером и отцом двоих детей, легко могла бы обойтись одним кофейком... Однако Валерка и бровью не двинул. Брови у него роскошные: густые, взведенные к вискам. Большие раскосые глаза, короткий нос с открытыми ноздрями — вот кто, в отличие от того же Сереги, здорово похож на свой Облик! Валерка — рысь. Не знаю уж, кем еще его научили оборачиваться в их школе, но рысь у него в крови.

— Тебе уже говорили дамы, что такая демоническая красота неприлична о-оп...

Вовремя осеклась. Нет, все-таки беда вставать так рано, когда головной мозг еще не проснулся! После известного уголовного процесса прозвище «оборотня в погонах» не миновало никого из их отдела (а как было удержаться, скажите на милость?!). И сколько бы они ни злились и ни шумели, что, мол, совсем не смешно и что хохма на десятый раз уже не хохма, — всем остальным нашим было еще как смешно! С тех пор все они при упоминании коррупции начинают пылать праведным гневом. Как я подозреваю — не потому, что они такие уж кристально чистые души и противники добровольных пожертвований (оборотни в этом смысле те же люди), а потому, что достала дурацкая кличка. Цитируя Валеркиного начальника, «да, мы оборотни, волки позорные, и лапы у нас мохнатые, но берем не больше, чем другие!»

— ...Работнику МВД?

— Ладно тебе, — довольно пробурчал Валерка. — Какая там красота без парадной формы.

Профессиональная журналистка не обязана выглядеть как фотомодел. Задача перед нами другая: это наш собеседник должен выглядеть как лауреат «Оскара» за мужскую роль. Или, по крайней мере, чувствовать себя таковым. Качество интервью при этом резко повышается, проверено опытом поколений.

Для начала, однако, трепаться все-таки пришлось мне. Слизывая по капельке крепчайший ристретто с белого краешка фарфорового наперстка, я выложила весь свой скудный запас сведений: ходили вместе на кружок, общались с мамой, папу не видела ни разу, знаю, что мама ветеринар, полагаю, что денежных проблем в семье нет, хотя и в золоте не купаются, люди скорее симпатичные, чем наоборот.

Валерка молча слушал, поедая свой яблочный штрудель.

— Настя Матвеева при тебе не называла фамилию Жарова?

Я честно попыталась вспомнить.

— Н-нет. Мне и старшая-то Матвеева никаких фамилий не называла. Общались про детей: «А мой в одноклассника сосиской бросил... — А у моей по русскому пара...»- все в таком духе.

— Жаль.

— А можно узнать, — вкрадчиво спросила я, — кто такая эта Жарова?

— Зачем тебе?

— Валерка, не смотри на меня так. Я сейчас не на работе. И вообще мы — светская хроника, московские сплетники, собрание милых глупостей. Уголовщина с похищением детей — не наш формат. Но мне хочется знать. Ты же понимаешь, знакомый ребенок...

— Галочка, не сердись, — Валерка положил ложку на блюде, — но я не могу. Идет следствие, что ты — маленькая? И так уже все, что надо и что не надо, в Интернет накапало.

— Хорошо, посмотрю в Интернете. — Я поднесла чашечку к губам, по-английски выпрямив спину и глядя мимо Валерки.

Можно подумать, какие икс-файлы с секретными материалами! А попадешь в положение, когда твои опера с ордерами тебе не помогут, сам ведь мне позвонишь. Не лично мне, конечно, всей нашей инициативной группе... Может, по этому же самому делу и позвонишь. Так что тебе бы сейчас не выпендриваться перед подругой юности, а отвечать по-человечески. Ну, или как умеешь.

— Ладно, не дуйся, — Валерка обаятельно улыбнулся — не иначе как подумал в том же направлении. — Я сам не знаю, кто она такая. Просто сын Матвеевых слышал, как девочка накануне куда-то звонила и просила к телефону Жарову. Или Шарову. Кто это, никто не знает.

— Не родственница, не знакомая?

— Не родственница, не знакомая, не одноклассница, — с вежливым ехидством охладил мой детективный пыл Валерка.

— Может, парикмахерша или кто-то вроде?

— Парикмахерша, Галочка, у них общая с матерью. А кроме того, разве парикмахеров зовут по фамилии?

— Вообще-то нет. Хотя, если звонишь в парикмахерскую и зовешь к телефону не своего мастера, а свою знакомую, тогда, может...

— Если звонишь кому бы то ни было на работу, звать его будешь по фамилии. Но это слабоватая зацепка.

— Но вы как-нибудь ее ищите? Раз фамилия известна...

— Кроме фамилии, — наставительно сказал Валерка, — неплохо бы знать что-нибудь еще. Хоть что-нибудь... имя, возраст, профессию...

И полыхнул глазами по-рысьему.

— А так — ты представляешь себе, Галь, сколько в Москве девушек и дам по фамилии Жарова? Каждую отыскивать, у каждой спрашивать, как она связана с Настей Матвеевой? А потом окажется, что она Шарова, и тогда...

— Все, поняла. Согласна, сказала глупость. — Я всячески старалась подчеркнуть свою женскую наивность, потому что хотела задать еще один вопрос и получить на него ответ. — Валер, а еще чего-нибудь ты у родителей не выяснил? Они не ссорились с Настей последнее время? Или, может, у нее какая-нибудь любовь?

— А-а, — Валерка махнул рукой, — ты, барин, задачи ставишь. Пока ничего конкретного... Понимаешь, какое дело: в восемнадцать лет все ссорятся с родителями. И у каждого есть какая-нибудь любовь. Или даже две, одна в прошлом, другая в будущем.

— Ну почему у всех, у меня, например, не было, — с достоинством ответила я. — Ни одной. Я училась.

— Ага, так я и поверил, — рысья лапа мягко придавила мою руку.

— А ты опроси свидетелей, — изъяв руку, я дернула его за ухо. Романтические воспоминания — отличная вещь, если ими не злоупотреблять.

Кофе и сливки кончились. Полосатая юбка принесла счет. Я совершила последнюю отчаянную попытку расплатиться «по-американски», сунуть под кожаный переплетик пару сотенных, прежде чем Валерка достанет бумажник, но меня подарили таки-им взглядом... даже голодная рысь эдак не смотрит на галку, разоравшуюся над головой у спящего лося!

— Валер, ну правда... — проскулила я.

— Галя, не переживай, — строго сказал гражданин майор. — Наши оклады не меньше твоих гонораров, смею тебя уверить.

— В этом я не сомневаюсь, — галантно ответила я.

Так. Кофе попили, перекусили, с красивым мужчиной пообщались. Теперь можно и на службу.

Журналистская работа накладывает свой отпечаток на каждого, кто занимается ею достаточно долго. В один прекрасный день возвращаешься из магазина и замечаете, что вычеркиваете купленные по списку продукты, используя корректорские знаки. А когда в «Фокс Систерз» (он же клуб «Лисичка») — не самое модное место в Москве, зато только свои) один местный клоун докопался до меня с бородатым приколом: «Девушка, а у вас хво-ост!» — я мгновенно ответила: «Сколько строчек?» Без претензий на юмор, машинально.

Редакция еженедельника «Интересный Город» находится в центре, но не в самом престижном месте. Зато из наших окон виден мостик через Яузу, вместе со своим отражением в речной глади похожий на гигантский каменный глаз. Серый и сверкающий между каменных век.

Интересный Город — это, согласно редакционной директиве, отнюдь не гламурный центр, не точечная застройка и не сталинские дома, а Москва Спальная. Гигантское кольцо многоэтажек разной степени уродства, окружающее ту часть города, которую показывают туристам. И население этой странной территории.

Кто они? Те, кто составляет большую часть населения Москвы, кто прожил здесь несколько лет, или десятилетий, или всю жизнь, однако местоположение всех этих Волхонок и Неглинок, о которых поет Окуджава, представляет себе смутно. Те, кто гуляет внутри Садового кольца с наивным удовольствием пришельца из иного мира, впрочем, не слишком часто позволяя себе это удовольствие по причинам финансовым. Кто в ответ на вопрос об адресе никогда сразу не называет улицу и номер дома, а начинает диктовать инструкцию, которая сделала бы честь и Бабе-Яге с Иваном-царевичем, и даже Штирлицу с пастором Шлагом: «Из первого вагона от центра, два раза направо, обойти рекламу «Билайна», мимо трамвайных путей, потом наискосок через газон, увидишь четыре белых дома, обходи второй слева по часовой стрелке...» — Вот для них мы и пишем. О них и для них.

Год назад редакционную комнату обставили заново и переоборудовали, как положено для научной организации интеллектуального конвейера: закупили столы и полочки на стальных кронштейнах, разгородили рабочие места белыми в дырочку щитами, якобы звукоизолирующими, так что из огромного банкетного зала получились то ли соты, то ли стойла. Но я еще раньше отспорила себе место у окна и приучила дражайших коллег открывать форточку. А с момента реорганизации я вообще только через окно и хожу.

Сидим мы на пятом этаже, так что лететь вниз, оборачиваться и входить через дверь — лень и бессмысленно. Проходных в здании две и контроль чисто символический, так что в случае чего на вахте не удивляются, как это Афанасьева выходит, если не входила. Цокот клавиш, ржание копиров и принтеров, забирающих листы, сладкозвучная полифония десятка телефонов, разговоры, деловые и не очень — против трепя на рабочем месте бессильна рациональная организация трудового пространства, и локальная сеть его не заменит! — все это надежно заглушает царапанье птичьих лапок и шорох оперения, и никто не поднимает головы, чтобы поглядеть на легкую тень, мелькнувшую в окне. Да и не видно в любом случае, спасибо белым щитам. На вспышку тоже никто не обращает внимания — она у меня не такая уж и яркая, как будто монитор включился с оранжевыми «обоями».

Но для начала все-таки нужно к шефу. Он это любит. Гордится мной.

Форточка гостеприимно открыта, но я вежливости ради постучала клювом в пластиковую раму. Матвей недовольно выглянул из-за монитора — что, мол, за презренные тут производят шум, когда виднейшие деятели российской журналистики и т. д. Видит меня, некоторое время соображает — птица, почему птица? — но тут же вскакивает, так что кресло шустро катится в противоположном направлении, взбадривает щелчками

коротенькую козлиную бородку (от рыжего кучерявого козла) и, обежав стол, кидается мне навстречу.

— Галочка, птичка моя ранняя! Приве-е-ет, привет! Кофейку?

— Только что пила, спасибо. — Усаживаюсь в подставленное кресло.

— Прочитал твою «Свинью», как обычно — все супер, отдаем на верстку. Галка, все бы так писали, как ты, у нас бы не было проблем вообще. Ни с деньгами, ни с чем.

Я делаю лицо, какое положено при похвалах от начальства, а сама думаю, что «обычно» у меня бывает вовсе даже не «супер», а «ну, на дыру сойдет» или «Галочка, скажи мне честно, ты давно не отдыхала, что ли?» Не иначе как наш неподражаемый шеф начал вести нравственный образ жизни, вел его целую ночь, теперь выспался и с утра нетрадиционно добр...

— О тебе Плотовщиков спрашивал, — фамилию главного редактора Журнала, Который Якобы Круче, Чем Мы, шеф произнес небрежно. — Что, говорит, у тебя за Афанасьева, кто такая, почему не знаю. Я сказал, что у тебя есть проблемы с самоидентификацией.

Матвейч радостно заржал, видимо, в восторге от элегантности формулировки. Комплексом неполноценности он у нас не страдает, это точно.

— И Плотовщиков решил, что я больная на голову, — предположила я.

— Да он все по-онэл! — с блатным прононсом вскричал шеф. — Теперь переманивать тебя будет. Не соглашайся! — сказал он так сурово, будто я уже заявила к нему посоветоваться с неподписанным плотовщиковским контрактом в руках. — Что он тебе даст? Ничего он тебе не даст, кроме своих... ну ладно. У него никто долго не задерживается, имей в виду.

— Да перестань, Матвейч, — засмушалась я, — на кой я ему сдалась...

— Не скажи, — Матвей энергично повертел головой, — не скажи. Геи в штате — старо, они у всех есть, а оборотень, оборотень — это кульно, это жжет!

— Ы-ып... — Я аж поперхнулась воздухом. — Спасибо тебе на добром слове, Матвейч. Умеешь ты найти ключик к сердцу подчиненного.

— Что есть, то есть, — скромно сказал шеф и взглянул на свой монитор. Я поняла намек и двинулась к двери.

На самом деле в работе мне приходится не столько Облик, сколько умение перемещаться по воздуху. Скорость полета галки близка к теоретической скорости поезда метро, но я не делаю остановок и пересадок, не трачу времени на сборы и вход-выход — словом, от окружного кольца до центра с юга на север (с запада на восток ближе) лечу без особого напряжения где-то четверть часа, а с напряжением — меньше десяти минут. В принципе сравнимо со скоростью автомобиля... которую он мог бы развить ночью, на пустых улицах! С этой точки зрения быть летучим оборотнем гораздо выгоднее, чем геем, тут Матвейч, пожалуй, прав.

В своем стойле я запустила почту, кинула куртку на свободный стул. Гениальное изобретение — дискеты и флешки, да и вообще вся микротехника. Городские оборотни просто-таки свет увидели, когда все это появилось. Таскать содержимое целой огромнейшей папки с бумагами в заднем кармане джинсов — это же просто мечта! А то и совсем ничего не таскать, переслать по почте...

— Галка, ты тут? А ты откуда взялась?

— В окошко влетела, — привычно отвечаю чистую правду. Завредакцией привычно хихикает.

Многим ли нормалам известно о том, что рядом с ними живут оборотни? — В процентном отношении немногим, но учитывая, что город у нас большой, — тысячам. А почему тогда нет сенсации? — Я вас умоляю! В Москве живут эмо и готы, крайние левые и крайние правые, негры, индусы, азербайджанцы, таджики, этнические эльфы, хоббиты и драконы, яппи, гастарбайтеры и миллионеры, приверженцы экзотических религий, трансгендеры, гипнотизеры и гадалки, профессиональные фотомодели, любители велоспорта и экстремальной езды на роликах, и у каждой группы полно странностей и особенностей.

Оборотни в столице не бросаются в глаза. В провинции — там, действительно, бывают проблемы.

Насчет специализации родного еженедельника я Валерке сказала правильно: московские сплетни и милые глупости. «Интересный Город» родился как бесплатное приложение к цветному рекламному монстру, отпочковался от него и после этого почему-то не умер, а даже стал платным. Или так: почему-то не умер, хотя и стал платным. Или так: стал платным, и поэтому не умер? В общем, оказалось, что некоммерческая направленность тоже неплохо продается. Как в том анекдоте: «У вас в городе есть порядочные женщины? — Есть, целых две, но они такие дорогие!..»

Ну куда еще я смогла бы продать душевные наблюдения за сетевым общением или описание будней оптового рынка? А на чьих страницах еще можно изливаться по поводу того, как замечательно варит турецкий кофе парень по имени Рамаз в кафе ТОО «Кристина», расположенном посредине нашего спального района? Ни кусочка джинсы, ни рубля за рекламу — а вот народу почему-то нравится...

Я у Матвеича собкор, так что, по идее, у меня не жизнь, а масленица и полный карт-бланш. С другой стороны — я такой собкор, которого можно посылать по мелким поручениям. Я не отказываюсь. Во-первых, потому что нельзя одновременно занимать должность с моим окладом и отвечать «нет» тому, кто меня взял на этот оклад. (Не подумайте дурно: я имею в виду, по рабочим вопросам.) А во-вторых, потому что сделать репортаж о мероприятии, которое началось час назад и о котором стало известно только что, физически может только летучий оборотень.

Корректуру мне уже принесли. Я засела за правку, и время полетело словно птичка. Можно ли уменьшить рисунок, нельзя ли переписать заголовок «Я помню нудное мгновение» таким образом, чтобы слово «чудное» читалось в соответствии с моим и Пушкина авторским замыслом... «Грамотеев на кол!» — рычал верстальщик дядя Петя, стискивая в зубах пустую трубку. По поводу максимально креативного и рационального использования кольев у нас, грамотеев, есть другое мнение. Но высказывать его вслух во время верстки номера не полагается.

— Галь, извини, ты не посмотришь вот тут? Мне Стас оставил врезки к статье, я набрала...

— Очень похоже на Стаса, — буркнула я, отбирая у нее лист. Материал был про выставку живых бабочек, а Стас, натурально, забыл о распоряжении Матвея, «чтобы в полосных кирпичах были живенькие врезки», и вспомнил в последний момент.

Кате двадцать лет, и она проходила у нас летнюю практику, а теперь, кажется, хочет подработать. Рядом с Катей я себя чувствую живой легендой российской журналистики. Стас, по-видимому, тоже. Сунул девчонке каляки на блокнотных листочках и убежал. Надо будет при случае сказать ему, что времена машинисток, безропотно печатающих гениальные мысли собкоров, записанные на папиросных пачках, окончились еще в прошлом веке...

— Угу... угу... Угу. «Из тени в свет перелетая» — это не Набоков ни разу. Нет, дядя Петя, и не Мавроди. Это Арсений Тарковский, так и передай Станиславу нашему Викторовичу... — Я цопнула со стола ручку, была перехвачена дядей Петей, обругала его жадиной и вынула из кармана свою.

— Андрей Тарковский? — поправила меня Катя.

— Да нет, не Андрей, — я съела ее взглядом, — а Арсений Александрович Тарковский. Знаменитый поэт.

— А, отец режиссера?

— Это режиссер — сын поэта... Угу... угу... эй, а это в каком смысле?

— «За один день бражник может отыметь около двухсот цветов», — невинным голосом прочитала Катя. — Ну, он, наверное, имел в виду, что... ну, ты же знаешь, они переносят пыльцу... как бы в шутку можно сказать...

— Дай-ка я посмотрю, что он там написал. — Краем глаза я видела, как зашевелилась борода дяди Пети.

— Вот, тут начало, а там конец. — Катя протянула мне зеленые листочки с акварельно расплывшимися японскими иероглифами, поверх которых косо расположились Стасовы строчки. — Это первый, это второй.

— Катя, — тихо и проникновенно сказала я, — не «отыметь», а «опылить». Эта буква — «п», а не «т», а тут «л»...

Верстальщик схватил трубку в руку и поник, беззвучно сотрясаясь вместе с креслом.

— Спасибо, — прошептала Катя, красиво розовея от шеи до ушей.

— Все нормально, — успокоила я ее. — My pleasure.

И это была чистая правда. Я еще полчаса потом фыркала в кулак. Но Катю никому не заложила.

Закончив очередной кусок работы, я пошла испить кофейку. Вот это у нас после научной реорганизации устроено правильно: буфет со вкусными сэндвичами и омлетами, а главное — бесплатный кофе из многопрограммной машины, с почти настоящими эспрессо и капучино. Отсюда понимающему человеку ясно, что «Интересный Город»- контора не бедная. Так оно и есть, и это здорово: я одинокая мама гимназистки, мне деньги нужны. Но все-таки иногда бывает жалко подстольных чайников, уродливых разнокалиберных чашек, припрятанных у каждого в столе, и безответственного трепача за чаепитием, когда целый рабочий день впереди. У начальников бывают такие странные идеи насчет того, чего можно требовать с нас за те деньги, которые нам платят... Ну ладно.

Часто пить кофе вредно. Летучему оборотню необходимо безупречное сердце. А куда деваться, если глаза закрываются...

— Галь, можно, я к тебе?

Катя садится напротив. Нет, барышня не смотрит мне в рот и не просит поделиться бесценным опытом, у нынешней молодежи это не принято. Но обсудить со мной важные профессиональные проблемы она любит. А мне профессиональных секретов не жалко. Секреты, которые можно украсть, ничего не стоят.

Внешне Катя похожа на девочку из викторианской Британии: золотистые локоны, будто у кэрролловской Алисы, ясные глазки (под чистыми стеклышками очков, почти не нарушающих образа), носик дулечкой, розовые губки. Вместо спущенных до лобка брезентовых штанов — черные офисные брючки, вместо оранжевого растянутого свитера — элегантный белый пуловер, вместо нахального столичного акцента «ишницу заказывали?» — провинциальная напевность. Хорошая девочка, в общем. А избыток наивности — в наше время такой редкий недостаток, что практически достоинство. Мало кто понимает, что наивные люди не обязательно глупы, а для корреспондента это важный плюс.

— А я написала репортаж, — сообщила Катя, оглушительно гремя шоколадной фольгой. — Во-от. По уму он бы на полосу потянул, но кто мне даст. Полполосы максимум.

— Про что репортаж? — поинтересовалась я.

— Про о-оборотней! — Катя зловеще выпучила глаза.

Так. В редакции всего два человека, считая шефа, в курсе насчет моей «проблемы с самоидентификацией», и ни один из них не стал бы делиться этим с зеленой студенткой. Значит, случайность.

— «Ночной Дозор»? — попыталась я угадать. — Или ты, сохрани Боже, коррупцией занялась?

— Да нет, вообще-то настоящие оборотни! — с обидой в голосе ответила девочка.

— Насколько настоящие? — участливо спросила я.

— Отсюда — и вон дотуда, вот насколько! Если тебе это что-нибудь говорит.

— Ровным счетом ничего. — Хорошо отвечает молодая особа, далеко пойдет. — Расскажешь?

— Угу.

Катя откусила от шоколадки, собрала ложечкой пенку с кофе, ложечку облизала и еще раз откусила от шоколадки. Я ждала.

— Да рассказывать-то нечего. Не поверишь, но работает такой мастер-класс, где учат превращаться в животных. При спортивном клубе. И стоит это счастье всего да ничего — сто баксов за десять уроков. То есть берут любого желающего и превращают, например, в тигра. Или дракона.

— Сильно, — согласилась я. — А телекинезу они там, случайно, не учат?

— Нет, телекинезу не учат, только превращениям. Теоретические семинары, медитации, пластика.

— И как, стопроцентная гарантия?

— Нет, совесть у них все-таки есть. Гарантируют они уникальную сумму знаний и мистический опыт, а превращаться будут только те, у кого откроется дар.

Обычные шарлатаны? Скорее всего. Мы редко говорим «превращаться», наше слово — «оборачиваться». А что касается обучения — оно возможно, иначе как бы мы принимали другие звериные Облики, помимо главного, который есть у каждого с рождения? Только вот учить можно не любого. Если человек или зверь по природе своей не оборотень, то заплати хоть сто долларов, хоть тысячу, оборотнем он не станет, как железный гвоздь не поплывет в воде. Разве что... впрочем, это к теме не относится. Искать же скрытых оборотней таким извратным методом — среди доморощенных мистиков, обремененных лишними деньгами, — затея дурацкая. А вот избавлять их от денег — самое то, что надо.

— Ты-то как к ним попала? Неужели оплатила обучение?

— Что я, с ума сошла? Пришла по объявлению на первое бесплатное занятие, про него и написала. Хочешь почитать?

Я согласилась. Надо же, в самом-то деле, курировать молодые кадры.

Глава 4

У этих людей человек и лиса, человек и рыба жили бок о бок, не ущемляя друг друга, они даже помогали друг другу, и люди, которые далеко пошли и которым завидовали, часто бывали обязаны своим счастьем скорее лисе или обезьяне, чем человеку.

Герман Гессе.

Среди журналистской братии наших достаточно много. Побольше, чем среди тех... в погонах. Профессия со свободным графиком, допускает как незаметность, так и некоторую эксцентричность поведения, приветствует оперативность и умение проникать куда не велено, начальство зачастую смотрит сквозь пальцы на мелкие правонарушения и конфликты с общественным мнением — где еще оборотню найти такое прикрытие? Гиены пера, одно слово.

Каким бы ни был врожденный Облик, усвоить два-три других обычно бывает не слишком сложно. (Некоторым, правда, дополнительные Облики, хоть убей, не даются, но это скорее исключение из правила.) Кошка, собака, какая-нибудь птица — и шуруй куда хочешь. Одна моя хорошая приятельница наработала себе целую коллекцию собачьих Обликов: там у нее и левретка, и чихуахуа, и всякие прочие мелкие недоразумения искусственного отбора. Нечто глазастое, абрикосового цвета, мохнатое (или, наоборот, почти голенькое), фейс-контроль проходит всегда, если не метаться и не слишком привлекать внимание персонала. Оборачиваться в человека не обязательно, достаточно забраться под стол либо за кресло и слушать: с собачьими ушами и профессиональной репортерской памятью ни микрофон, ни диктофон не надобны. Нет такой тусовки «без прессы», куда бы Ирка не промылилась. Скандальный репортаж — это Иркино всё. И в лицо ее, что немаловажно, до сих пор не знают. А то бы, пожалуй, убили давно... Шеф на нее молится, доброжелательные конкуренты и жертвы Иркиной наблюдательности исходят версиями, как она это делает, с кем спит да на кого работает. Но никто (кроме наших, естественно) и близко не догадывается, в чем секрет. Хотя многие с досады попадают в яблочко: Ирка — сука. В самом что ни на есть положительном смысле.

А вот одна такая дамочка из желтой многотиражки, она еще откликается на имя Прасковья, действует по-другому. Оборачивается крысой — и в канализационный люк либо по вентиляции. Летом, говорит, еще и ужом бывает. У нее тоже уйма Обликов наработана, на все случаи жизни и ремесла. Но от природы она гиена. И в прямом смысле, и в переносном.

Так к чему я это все? К тому, что у нас, журналистов-оборотней, двойная профессиональная солидарность. Свои отношения, свои обязательства, взаимовыручка в острых ситуациях, невзирая на различия в моральных кодексах, политических взглядах и размере гонорара. Я сама, например, кое-чем обязана одному... ворону, в смысле, мужчине-вороне — штатному сотруднику «Утра России». В человеческих Обликах единственно возможная между нами форма общения — демонстративно не поздороваться и потихоньку плюнуть вслед. Терпеть не могу эту братию (то есть не ворон, а левых). И если бы этот тип просто работал на левых-нормалов, но он еще пишет в Интернете всякие вещи для левых-оборотней! Например, что специализированные учебные заведения вроде нашей спортивной гимназии — зло, что элитарность калечит детские души, и что нам давно пора бы перестать противопоставлять себя нормалам и научиться жить их интересами, а также сотрудничеству и взаимопониманию... Убила бы. Нормальская школа — для маленького оборотня кошмар, я уже говорила. Он, кстати, тоже учился в советское время, он не моложе меня, а отчего такой придурок — не знаю. А вот так получилось, что я ему должна... Ладно. При случае верну долг.

Возвращаясь к теме — есть у нас, помимо профессиональной солидарности, очень специальная база данных. Туда мы складываем все, что касается оборотней и может интересовать журналистов. Причем не только как тема для статьи, но и по разнообразным личным поводам. Словами выразить не могу, насколько разнообразным.

Нет, я не уверена, что этой базой не пользуется никто, кроме журналистов. Несмотря на всяческие пароли и защиты — скорее всего, те, кому положено, бдят и там. После двадцати лет непрерывных сенсационных разоблачений странно было бы думать иначе. Наверное, смотрят с пристрастием, и кто что кладет, и кто что берет... Ну а где не смотрят? Мой повод для визита в базу был вполне невинным.

Тем более что я и не нашла ничего. Ни про Матвеевых, ни про Жарову. Равно как и про Шарову. Ну, значит, не повезло.

После работы я еще мотнулась в парикмахерскую. Я уже говорила, что оборотни много времени уделяют прическам? Не все, конечно, но многие. Кто ударяется в бешеный креатив, такой, что на улицах оборачиваются, кто делает простую, но оч-чень недешевую стрижечку с укладкой. А причина проста: волосы нас выдают. Нет, не то чтобы они совсем похожи на перья или шерсть. Они у нас просто... от природы странные. Не как у людей. У меня, например, то черные, то графитово-серые, в зависимости от освещения. Наталкины черные пряди отливают зеленой радугой, как сорочий хвост. У хищных зверей фактура такая... своеобразная. Мягкие, очень ровные, или, наоборот, клочковатые — шерсть, а не волосы. Так уж лучше скрыть эту роскошь стойкой краской или, по крайней мере, соорудить прическу, тогда любая странность сойдет за ухищрения стилиста...

Когда у меня присутственный день в редакции, Машку забирает няня, Таисия Павловна, она же водит чадо на рисование и английский. Большая удача — найти няню из наших. Причем такую, которая действительно умеет обращаться и с детьми, и с другими животными. Это должна быть скорее Мэри Поппинс, чем Арина Родионовна. Хотя «выпьем с горя, где же кружка?» припоминается рано или поздно всем родителям и воспитателям малолетних оборотней...

Помню их первое знакомство: как она подошла к совсем мизерной, только научившейся ходить Машке и протянула ей руку. Ага, подумала я, так мы и пойдем со страшной незнакомой тетей, оставив маму позади!.. Машка взяла няню за палец и преспокойно с ней удалилась. А я весь час, что они первый раз гуляли без меня, металась туда-сюда, как муха в пустом чайнике, вместо того чтобы работать. Совершенно напрасно,

как потом выяснилось.

Нет, конечно, не в первый раз и не в третий, но настал момент, когда Машке что-то не понравилось, и она попробовала с тетей Тасей поскандальить. Сначала «не хочу», потом «не пойду», потом повалилась на землю и застучала пятками, потом обернулась и рванула на дерево... Это был первый случай, когда мне в окно постучала клювом большая неясность. С сиамским котенком в когтях — разумеется, непоцарапанным и даже почти не помятым, зато очень, очень тихим. Я несколько опешила от такого педагогического садизма: а если бы чокнутая бабка, то есть уважаемая няня, уронила моего ребенка?! Но пришлось признать, что Таисия Павловна кругом права. Спускаться с дерева котенок не умеет, взрослая кошка — тоже не очень, а что-то предпринимать было надо. Не дворника же звать, когда ребенок может в любую минуту обернуться обратно!

В пределах квартиры Таисия Павловна решает проблемы более мягко. Оборачивается кошкой — крупным зверем вроде невиской маскарадной — придавливает непослушное дите лапой, слегка погрызает, не всерьез, а для воспитания, а потом берет за шиворот и несет в заточение — в кошачий дом-переноску. Любый котенок устроен так, что будучи правильно взят за шкурку, он повисает как игрушечный и не мешает транспортировке. А взятый таким манером оборотень, по крайней мере маленький, — не может оборачиваться. Отнесет ее няня, значит, потом обернется обратно — пожилой темноглазой дамой с гладко зачесанными сединами — и молнию на домике закроет. Машка пыталась оборачиваться ежом. Прыгала на месте, фыркала няне в нос. Ну и чего добились? Только того, что в домик ее не отнесли, а откатали.

Сегодня, однако, все прошло благостно. Наверное. Общая особенность всех кошек, и больших, и мелких, — они не любят выносить сор из избы. Няня ушла, мы поужинали, потом я села за компьютер, а Машка удалилась к себе...

— Мам! А что такое «околеть»?

— Умереть, применительно к животному, про человека так говорить грубо, — отвечаю машинально, потом соображаю, от кого исходит вопрос. — Эй, ты что там читаешь?!

— Стихи.

Однако... Вы знаете хоть какое-нибудь стихотворение, а тем более детское, в котором встречалось бы слово «околеть»?

В своей комнате Машка самостоятельно проживает лет с трех. Сказать, что в этой комнате всегда беспорядок, значит промолчать. Здесь бессильны и мама, и няня, Натальины конфискации отдыхают. Мятные леденцы в целлофановых обертках перемешаны с кошачьими хрустяшками, шариковые ручки (четыре штуки), усеянные серебряными блестками и увенчанные разноцветными плюмажиками из лебяжьего пуха, — с игровыми бархатными мышками. На столе раскрытые книжки, секретные тетради с замочками и ключиками, пять карандашниц с карандашами и фломастерами. То, что не вошло в карандашницы, лежит рядом просто так. К шторам прицеплены заколки для волос, на абажуре настольной лампы размягчается в блюдечке кусок пластилина (для удобства лепления). Почетное место в середине стола занимает коробка с коллекцией ластиков, на сегодня насчитывающей 74 экземпляра. Убирать все это барахло нельзя никому, кроме Машки. А она не испытывает потребности. Обычная картина: письменный стол завален крупными и мелкими предметами, а под столом, спустив туда лампу, лежит на пузе Машка и делает домашнюю работу по русскому. Яблочко от яблони...

— Вот, — Машка показала мне толстую книжечку в самодельном переплете. Это мой папа сам переплел для любимой внучки наши с сестрой детские книжки, из тех, что выходили громадными тиражами в бумажных обложках. (Почему, спрашивается, тогдашние детские художники рисовали пером и акварелью такие клевые картинки, что их и взрослые с удовольствием рассматривали, а нынешние — лепят на компьютерах такую халтуру, что... Хорошо, хорошо, не все нынешние. Некоторые.) — «Гусыня и Осел».

А, теперь ясно. Шварцвальдские сказки, со всем их жестоким волшебством, очарованием и ехидством, переложенные на русский язык известным советским

сказочником. И насчет «околеть» понятно: есть такое слово в этих буквах.

— Почитать тебе?

Машка любит читать вслух и делиться впечатлениями. Почитать, а как же.

— Подслушав птичниц разговор,
Рыдая и дрожа,
Гусыня убежала в бор
От острого ножа.
И в ту же ночь Осла прогнал
Хозяин со двора:
— Ты, — говорит, — ленивый стал,
Тебя сменить пора!
И вот однажды, поутру,
Когда шиповник цвел,
Вдруг встретились в густом бору
Гусыня и Осел...

Читает Машка хорошо, с выражением, как их учат. Я стараюсь не ухмыляться. Дочь моя Мария: две косы, окончательно растрепавшиеся к вечеру, зеленые штаны в розовых цветочках, в детском саду исполнявшие роль леггинсов, а теперь назначенные бриджами, и камуфляжная майка — мы любим радикальное смешение стилей.

Надо же, мне казалось, что я совсем забыла эту сказку, а вот сейчас сразу все вспомнила: и звонкие детские рифмы, и ярко-розовые цветы шиповника над серой мордой осла. История сердечной дружбы двух таких разных существ, очень даже уместная в доме оборотней! Интересно, родители эту книжку читали, прежде чем дарить нам? Не помню, чтобы мы задавали им вопросы по поводу прочитанного. А жаль. Глядишь, теперь знала бы, что отвечать...

— Осел ночами тихо спит —
Устанет за день он.
Гусыня же во сне шипит
И спугивает сон.
Осел упрется и молчит
— Ни с места, хоть умри!
Гусыня бедная кричит:
— Га-га, заговори!
И наконец устал Осел
От этого житья.
«Пойду-ка, — думает Осел, —
К лесному гному я!»

Дальше понятно. Влюбленные решили сделать друг другу сюрприз, отправились поодиночке к гному, хозяину леса, чтобы превратиться в существо иного Облика, достойное любимого... а тот возьми и выполни их просьбы. Превратил обоих, и его, и ее. Мораль: владение магией делает людей (и гномов) вредными. Еще мораль: радовать любимых сюрпризами — занятие рискованное.

— Прохладно сделалось в бору,
В ветвях сгустился мрак...
И повстречались ввечеру
Ослица и Гусак.
Превратностей своей судьбы

Не в силах одолеть,
Они стояли, как столбы,
Мечтая околеть.
Они не знали, чем помочь,
Как избежать беды.
Они проплакали всю ночь
До утренней звезды.
И вместе с утренним лучом
Опять помчались в бор...
И встретил их хозяин-гном,
Взглянул на них в упор.
И пали на землю они:
— Хозяин! В добрый час
Обличье прежнее верни
Ты одному из нас!
И он ответил им, тая
Улыбку в щелках глаз:
— Нет! Колдовство мое, друзья,
Годится только раз.
Да! Вместе с вами я грущу.
Да! Вам не повезло!..
Хотите, я вас превращу
В людей, куда ни шло!

Машка хохочет.

— Супер, да, мама?

Конечно, супер, еще бы не супер...

— Хозяин леса вскипятил
Три горьких корешка
И в дровосека превратил
Большого гусака.
Потом перелистал одну
Из самых толстых книг,
И дровосеку дал жену
Веселый тот старик.
С тех пор года идут-плывут,
Века встают из мглы...
С тех пор среди людей живут
Гусыни и ослы.

— Я так понимаю, — важно сказала она, — что это стихи про оборотней?

Еще один непростой момент нашей жизни. Как научить маленького оборотня скрывать свою сущность от нормальных людей? Причем не только не оборачиваться в их присутствии, но делать вид, что ты ничего об этом не знаешь? Не говорить об этом никогда ни с друзьями, ни со взрослыми знакомыми, ни с педагогами из нормальных? Что ж делать, учимся потихоньку... Впрочем, пока мы маленькие, любую промашку можно списать на ребячьи фантазии.

Или почти любую.

— Не совсем, — дипломатично ответила я, забирая Машку на колени и катаясь вместе с ней на многострадальном компьютерном кресле. — Это скорее в переносном смысле. «С тех пор среди людей живут гусыни и ослы»- имеется в виду, что многие люди по характеру

похожи на гусей и ослов. Например, такие же упрямые. Помнишь, как в баснях Крылова?

— А-а! Когда человек упрямый, это значит, что его можно называть ослом. Даже если у него Облик на самом деле другой, да?

— Ну...

— Мама, а вообще оборотни оборачиваются людьми, когда они любят друг друга, а Облики у них разные? И они бы не могли друг друга любить, если бы не оборачивались?

Ага, вот и приплыли. Откуда берутся дети и почему они бывают похожи на пап, хотя рожают их мамы, мы еще раньше в общих чертах разобрали. Машка поняла, что наука эти факты заметила и объяснила, и всякими мелкими несущественными деталями интересоваться не стала. В XIX веке детям рассказывали про пестики и тычинки, в XXI-м — про гены и хромосомы, эффект один и тот же: временное падение интереса. Все это замечательно, ну а если сейчас начнутся расспросы про меня и про Машкиного папу? Или того лучше — про меня и Летчика Ли? Ой...

— Это сложный вопрос, Машка. Почему оборотни оборачиваются и почему вообще одни люди или животные могут это делать, а другие нет, — этого никто толком не знает. Может быть, это и с любовью связано, я не знаю. Насчет гномов — не думаю, что это они создали оборотней. Никогда ни одного гнома не видела.

— Я, например, и без гнома могу оборачиваться, — гордо сообщила моя дочь.

— Ну конечно, можешь. Про гнома — это просто сказка. А как оно на самом деле, не знает никто.

— Наука еще не открыла? — уточнила Машка.

— Не открыла. Иди собери портфель, и спать... Не «у-у-у», а спать! «У-у-у» будет утром!

Да. Научные подходы к исследованию оборотневого дара — это вообще отдельная песня.

До Катериного файла я добралась только после того, как Машка уснула. Перед сном она принимает Облик — ей-котенку легче засыпается. Детские психологи из наших это осуждают, дескать, спать лучше в человеческом Облике, иначе в будущем возможны проблемы, мало ли как жизнь сложится... Ну, не знаю. Зато, по крайней мере, у нас с Машкой не было таких кошмарных баталий на тему «не-хочу-спать-никогда», про какие рассказывают другие родители. Кошачья дрема — удобнейшая вещь, приходит легко и незаметно. У самой грани сна можно шепнуть на ушко: «Машка, обернись» и укрыть вытянувшиеся ножки одеялом, всего-то и хлопот.

«Оборотные средства»- так Катерина назвала свое творчество. Банально, но остро, за это нужно будет ее похвалить. Хотя Матвейч все равно заменит название, если вообще примет к печати студенческую работу.

Начиналось с цитаты из объявления.

«ОТКРОЙТЕ ВАШУ СИЛУ! Перевоплощение в реальном мире — факт, а не фантазия. Перемена облика наяву, а не во сне. Открой своего зверя, узнай его, приручи его! Занятия платные». Дальше мобильный телефон.

— Добрый день, центр «Омега-Поиск», — отвечает приятный женский голос.

— Здравствуйте, я по объявлению...

— Вы хотите записаться в группу? Занятия платные, сто долларов за десять уроков.

— А можно уточнить, по какой программе будут вестись занятия?

— Минутку... — В трубке начинает играть музыка. Минутка, две, наконец другой голос говорит:

— Алло, вы слушаете? Вы можете бесплатно посетить первое занятие, преподаватель все подробно расскажет. Записывать вас?

Записывать, а как же. Тем более если бесплатно.

Насчет этого надо будет Катерину предупредить, подумала я. Мы, конечно, издание как

бы некоммерческое, но у нас не принято давать понять читателю, что мы гонимся за бесплатным. Это нереспектабельно.

Первое занятие состоялось в зале оздоровительного центра, переделанного из детского сада. Учиться открывать зверя, кроме меня, пришло еще человек десять, обоего пола, разнообразного возраста и внешних данных. Мы не задавали друг другу бестактных вопросов: «А вы правда верите во все это?» Если бы не верили, не пришли бы. Но если бы совсем верили, не показывали бы всем своим видом, что все это просто шутка. Примерно с таким настроением я ходила на последнюю в моей жизни елку: уже знала, что Деда Мороза не бывает, но все же чего-то ждала.

Вот что получается, когда механически перенимаешь приемы у наставника. Ретроспективы наших старших собкоров выглядят естественно и читать их занятно, потому как относятся они к веселым 60-м. А вот Катке писать мемуары рановато, ей другие ходы искать надо. Последняя в ее жизни елка, вы подумайте... Хотя бы иронии добавила, под иронию бы сошло. «Всех» и «все» многовато. Не надо торопиться, когда пишешь.

Здесь и школьницы, и зрелые дамы, не утратившие стремления к чуду. Мужчин всего трое.

— Девушка, а вы какого зверя в себе ощущаете? — спрашивает мужчина со следами трудной жизни на лице, в костюмных брюках, рубашке в клеточку и кроссовках.

— Черепашу, — отвечаю я. — А по утрам еще медведя.

Мой соученик вежливо смеется.

Ага, а вот этому барышня научилась. Наш фирменный стиль: никогда не допускать оценочных высказываний в адрес невинного человека, то есть не совсем очевидной сволочи и не злостного должника, задержавшего деньги за два рекламных материала, — но и не допускать, чтобы пространство очерка уподобилось ясному небу, в котором парят сплошные ангелы и Супермены. Мы не скажем «спившийся старпер-неудачник». Мы скажем «мужчина в костюмных брюках и кроссовках», а выводы просвещенный читатель пускай делает сам.

Из раздевалки мы направляемся в зал. Руководительница группы Татьяна похожа не на дипломированную потомственную гадалку, а на тренера по фитнесу. На ней широкие спортивные штаны и ярко-розовый глянцевоый топик.

— Природа на самом деле едина, — объясняет нам Татьяна. — Это не философия, а научный факт. Генетический код один и тот же у всех живых существ. Никакой пропасти между человеком и тигром нет, есть тонкий, условный барьер межвидовых различий. Тело живого существа — это глина, из которой можно вылепить что угодно. Никто же не удивляется, когда человек изменяет свое тело, занявшись спортом — изменяет осанку, увеличивает мышечную массу. Вопрос лишь в том, сколь далеко могут зайти управляемые изменения.

Ни фига себе, и за эту ахинею кто-то платит деньги? Еще и генетический код приплела. Нет, он действительно один и тот же у всех, не придерешься. Буквы одинаковые, тексты разные. И при чем здесь вообще генетический код?

Потом начинаются упражнения. Стандартная разминка, затем упражнения на расслабление: «Руки тяжелые и теплые... ноги тяжелые и теплые...» Мы стараемся как можем.

— А теперь, — увещающе произносит Татьяна, — мы преодолеем наши комплексы и станем изображать то животное, к которому чувствуем расположение. Давайте начнем с вас.

Коротко стриженная девочка идет кошачьей походкой по одной половице, потом грациозно приседает, ложится на бок. Чувствуется опыт театральной студии, там все делают этюды с животными. Какая досада, а я сама хотела изобразить кошку...

— Теперь вы.

Мощным усилием преодолеваю свои комплексы, становлюсь на четвереньки и ползу вперед, громко топя, верчу головой на вытянутой шее. Потом останавливаюсь, поджимаю ноги и руки и втягиваю голову. По-моему, получается очень похоже, но среди зрителей сейчас же возникают споры — мнение колеблется от медведя до пантеры.

— Черепаха, — объясняю я.

И ничего смешного. Я, может, всю жизнь мечтала.

Катка — молодец. Уж не знаю, выдумала она это или нет, про черепаху, но ход неплохой.

Таким образом мы все показали своих животных. Человек в кроссовках оказался волком, почему-то белым. Кроме того, были еще две кошки и тигрица, орел, сова и собака. Оставшиеся две дамы застеснялись, но пообещали, что в следующий раз обязательно попробуют.

Потом наступает очередь медитации. Мужчины под руководством Татьяны выволакивают из угла коврики-пенки, все садятся в удобных позах. Татьяна устанавливает вокруг нас большие курительницы с ароматическими палочками, поджигает их какими-то особенными лучинками. Серые нитки дыма устремляются к потолку, по залу распространяется пряный запах. Татьяна включает маленький проигрыватель, и к дыму добавляется медитативная музыка. Теперь надо думать о своем животном. Я честно думаю о черепахе и стараюсь не смеяться.

Серые, значит, нитки... Пряный запах, и на смех пробивает. Не забыть спросить нашу хорошую девочку: знает ли она, как пахнет банальная конопля? Или она на это и намекает? Тогда поотчетливее надо. Да нет, вряд ли это действительно конопля. Слишком тупо было бы. И опять же, оздоровительный центр не стал бы связываться... хотя — смотря какая арендная плата.

После занятий спрашиваю Татьяну:

— А что мы будем делать в следующий раз?

— В следующий раз, — ласково говорит Татьяна, — я думаю, некоторые ученики уже нащупают путь к превращению. У меня давно не было такой способной группы. Приходите.

М-да. Бессмысленно, но забавно. Надо будет это дело добавить к нашей базе. Никогда не знаешь, что кому пригодится.

Глава 5

Теперь — естествознание.

Затимем два задания:

«Где собирают крошки»

И «Как спастись от кошки».

Борис Заходер.

Учительница должна быть одета просто, но элегантно. Просто одеваться люблю, элегантно — ненавижу. Ладно, будем считать, что элегантно и есть просто. Только не юбку! Осталось у меня с детства предубеждение, что летать в юбке неприлично, хотя, казалось бы, птичьему Облику все равно... Костюмные брюки. Водолазку. Нет, лучше бежевый свитер. Нет, из свитера лезут волоски, брюки будут как после Машки. А черный свитер толстый,

неудобно будет и жарко... Ладно, все равно ведь туда не полечу, поедem с Машкой вместе, а оттуда можно и на метро, хоть отдохну чуть-чуть. А то и на крыло не поднимусь после такого-то стресса.

...Ой-вай-вай-вай, зачем только я согласилась?! Околдовала меня Наталка, не иначе! Задавила апломбом! Почему, ну почему я так мандражу перед обычным уроком зоологии в седьмом классе? Даже на разбор полетов к Матвеичу ходить я и то так не боюсь! Да что Матвеич, Матвеич известное и нестрашное зло — даже брать интервью по-английски у великого джазового пианиста и то меньше боялась! Да и в моей общественно-полезной деятельности бывали острые моменты, и никогда... Главное, ведь уже вела уроки в прошлом году, и вроде бы сама не умерла и никого не убила, а все равно не по себе, а все равно...

...Ибо сказано в учебнике: дизентерийная амеба вызывает амебную дизентерию, или амебиаз. Кто мне объяснит, как заинтересовать подробностями из жизни простейших разношерстную стаю четырнадцатилетних балбесов? Или не стаю — стадо, табун, прайд, кого там у них больше в седьмом «А»?.. В любом случае им это ну совсем не близко. Что бы там ни говорили некоторые специалисты эзотерического профиля о единстве ДНК у всех живых существ, люди-оборотни чаще всего принимают Облики позвоночных. И то — рептилии и амфибии сравнительно редки, не говоря о рыбах. Вот когда будем проходить позвоночных, от учеников у меня отбою не станет. Зоология, будьте уверены, превратится в любимый предмет. Что может быть увлекательней, чем изучать морфологию, анатомию, физиологию, аэродинамику и другие важные свойства друзей, родичей и просто хороших знакомых!

Ладненько, от этого и будем плясать.

— Прежде чем мы обратимся к теме нашего урока — поднимите руки, кто хотя бы раз в жизни пил воду из лужи! В Облике, разумеется.

Лиха беда начало, как говаривал Бильбо Бэггинс, таща из кармана у тролля кошелек с сюрпризом. Позади — приветствие, первичное установление тишины, знакомство с классом. Классы в нашей гимназии маленькие, вот и в этом меньше двадцати человек. Хорошенькие, как конфетки; очень взрослые, кабы не прыщи; умные, но наивные; не слишком умные, но офигеть какие крутые, — всякие. Кошки, кони, собаки, один лисенок. Воробей, какая-то хищная птица. Постепенно я их выучу, а пока буду вести опрос на глазок.

Реакция на мой вызов вполне ожидаемая. По классу проносится легкий хихик, народ переглядывается, отличники и короли класса (особенно королевы) глубоко возмущены, всячески демонстрируют, что это абсурдное предположение к ним не относится. Маленькая девушка с короткими дредами, как колючки у ежика, и буквами FUCK на груди изо всех сил тянет руку, аж запрокидывается назад. На эту девицу я с самого начала косилась с симпатией и легкой завистью: эх, а в наше-то время самой ужасной пощечиной общественному вкусу были распущенные волосы и хайратник через лоб!.. Юноши тоже не отстают.

Это неправда, что дети не любят учителей. Они просто не любят учиться. Нормальный защитный механизм, предохраняющий мозг от избытка информации. А как же иначе в большом-то городе, где со всех сторон в глаза лезут буквы и картинки?! Тут никакое сенсорное голодание невозможно, тут всякое любопытство умирает, не успев родиться. Вот они и пробуют, нельзя ли хотя бы на уроке отдохнуть. Ничего личного, просто инстинкт самосохранения.

И ничего такого уж плохого они учителям не делают. (Ну, исключая патологические случаи взаимной неприязни.) Хотя, конечно, неприятно, когда ты что-то рассказываешь полной комнате людей, а все тебя игнорируют, потихоньку, а потом и в открытую занимаясь более интересными делами.

Ничего. У нас до этого не дойдет. Минус у меня тот, что мало педагогического опыта. Плюсы — характерные для птиц: развитое боковое зрение и мгновенная реакция.

Оглядываю поднятые руки. Поднимаю свою (хм-м... непедagogично, но честно: на московских крышах вода скапливается именно в лужицы, по-другому это не назовешь),

выжидаю, когда хихиканье станет громче, театрально развожу ладони.

— Все понятно, спасибо. Как мы видим, бывают случаи, когда нам волей-неволей приходится пользоваться непитьевой водой. Но! В каждом таком случае мы рискуем свести близкое — очень близкое, можно сказать, глубоко личное — знакомство с предметом нашего сегодняшнего занятия...

Ну вот, теперь можно про амёбу. Сто двадцать секунд внимания всего класса мне обеспечены, а там как получится.

Что такое школьный урок с точки зрения учителя? Нечто среднее между театром одного актера и сеансом одновременной игры. Нет, конечно, если ты гениальный актер, то можно обойтись без шахматных метафор: гения и так будут слушать. Но если до гениальности тебе пока далеко, то приходится постоянно контролировать партнеров-противников. Одного за другим, всех вместе и каждого по отдельности, чтобы не расслаблялись и не отвлекались.

— ...Латинское название вида — все записываем! — *Amoeba proteus*. — Мел крошится, осыпает рукав. Хорошо, что не надела черный свитер. — Название происходит от имени морского старца Протея. Как я понимаю, вы уже ознакомились с греческими мифами в рамках внеклассного чтения... Марина, не напомнишь ли ты нам, кто такой Протей?

Дредовый ежик, застигнутый врасплох, растерянно перемаргивает глазками-бусинками. А вот нечего вертеться и шептаться с соседом сзади.

— Протей, он был, ну... полиморф. Он как бы мог в кого угодно и сразу. У него как бы не было отдельных Обликов...

— А была как бы поступенчатая трансформация, — вполголоса заметила молодая особа с аккуратной парикмахерской прической, в белой офисной блузке и при галстукке. Любит, видно, девочку с дредами. Приспешники «бизнес-леди» — две таких же барышни и один юноша-яппи — злорадно захихикали в адрес Марины. Приспешники Марины — сосед рядом и сосед сзади — цинично ухмыльнулись в направлении нападающей: нефиг бы тебе, дорогая, выеживаться... Вот только клановой вражды мне на уроке и не хватало для полного счастья.

— Хотите что-то добавить? — приветливо сказала я.

Теперь заморгала аккуратная особа: чего тут добавлять, если Марина уже как бы все сказала... Но не молчать же, потешая вражью коалицию!

— На самом деле, в реальности поступенчатая трансформация встречается крайне редко. Если вообще существует, что не очевидно.

— У меня все, спасибо за внимание, — в тон подхватил чернокудрый сосед ежика — если я ничего не путаю, Армен Айрапетян. Бизнес-леди старательно не удостоила его взглядом.

— И однако же, она существует в живой природе, и пример ее мы только что рассмотрели, — безмятежно сообщила я, указывая на плакат с амёбой обыкновенной. — Амёба изменяет форму своего тела плавно и бесконечным множеством способов, в точности как морской старец Протей. Армен: как по-твоему, почему примитивное простейшее может то, чего не умеем мы с вами?..

Я вам покажу, как у меня на уроке играть в войну! Улыбаться и перемигиваться можно, шептаться — до трех раз, говорить вслух без моего разрешения — только в одном случае: если у вас есть ценные соображения по теме занятия. И будьте покойны, никто не уйдет обиженным. Галка Афанасьева майского жука на лету клювом хватает.

С помощью коллективного разума мы выяснили, что причина стабильности морфологии высших организмов заключается в их многоклеточности, то есть препятствием к произвольной перемене облика является сама сложность организма. Я предложила народу вспомнить примеры трансформации у беспозвоночных, ободряюще заметив, что эти примеры общеизвестны. Две барышни порадовали меня историями о превращениях оборотней в бабочку и краба, я разочаровала их, посоветовав пересказать эти истории преподавателю литературы. Долговязый молодой человек два раза поднимал руку и тут же

опускал — явно не принадлежит к лидерам класса. Однако про гусеницу, куколку и бабочку вспомнил именно он. По такому случаю мы немного потолковали про метаморфоз у насекомых.

— Есть вопросы?

— Галина Евгеньевна, а у нас во время трансформации что, тоже, как у бабочек, сохраняются жизненно важные органы? Ну, типа сердце и...

Вражья клика заухмылялась, Айрапетян сбился и покраснел.

— Ничего смешного, — строго сказала я. — Очень хороший вопрос, Армен. Сердце, как правило, тоже подвергается трансформации: человеческое сердце не подойдет ни воробью, ни слону, ни даже собаке. (Айрапетян как раз был пастушьей овчаркой.) Но, действительно, нечто жизненно важное при трансформации сохраняется...

Ну и как мы это назовем, Галина Евгеньевна? Что там сохраняется, что не сгорает во вспышке — память, личность? Суть, как говорили наши деды? Мы теперь этого слова почему-то стесняемся, а нового слова, современного и адекватного, нету. Впрочем, если бы ЭТОМУ было нормальное, неэмпирическое название — оно было бы в учебнике биологии. А оборотничество принадлежало бы к числу нормальных, немагических явлений природы, как тот же метаморфоз бабочки.

— Сейчас у нас мало времени, а тема достаточно сложная. Об этом вам подробнее расскажут на занятиях по специальности.

Ага, как же. Пашечка Ламберт расскажет, дожидайся, Галина Евгеньевна.

...Урок окончен, пятерки за работу на уроке расставлены (в том числе Айрапетяну и долговязому Соколову, который сказал про бабочек), домашнее задание задано. Выхожу в коридор. Все под контролем, полет нормальный. Только почему-то в ушах стоит тихий звон, и предметы видятся не совсем там, где они есть на самом деле, как будто я гляжу через призму или перевернутый бинокль. В ранней молодости я однажды с разлету ударилась о витрину — очень схожие ощущения.

В учительской были двое: Наталья и Ламберт.

— Паша, я тебя прошу. Эти проверки не пустая формальность, последствия могут быть лю-бы-ми. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Я буду работать как обычно. Если у них будут вопросы или замечания, пускай обращаются ко мне, я дам разъяснения...

Тихонько шагнув назад, я прикрыла дверь и сделала вид, что меня тут нет и не было. Никак опять проверяющие нагрянули? В самом начале учебного года? Бедная Наташка.

Это, может, в Западной Европе магическое сообщество имеет собственное правительство, строго тайное и независимое от немагического. У нас подобный сепаратизм и невозможен, и не нужен. Символ нашей государственности — двуглавый орел, и правая голова у него никогда не знает, что делает левая, так что полную тайну можно соблюсти и в рамках одного правящего органа. Нашими школами занимается министерство образования (как бы оно ни называлось в конкретный исторический период — хоть наркоматом!), оборотнями, находящимися на секретной службе, занимаются секретные службы, а всеми остальными оборотнями... собственно, никто. Кому оно надо?

Таким образом, появление инспектора в нашей специализированной гимназии — событие естественное и понятное, но от этого не более радостное. Обычно приезжают деловые тетки, которые контролируют соблюдение учебных планов, количество часов, целевое использование выделенных средств и прочую нутоту. В том числе и на занятиях по специальности, то есть собственно трансформации (в нашей спортивной гимназии это уроки физкультуры, что не лишено практического смысла: в классе некоторым из учеников было бы тесно). Умеют ли оборачиваться сами проверяющие? Точно так же, как обычные методисты умеют преподавать: иногда да, но часто — увы, нет. У них другие задачи. Инспектор легко может оказаться обычным, нормальным человеком, который, однако, будет с пристрастием проверять, правильно ли оборотень учит оборотней принимать Облик. А чего

вы смеетесь? Бюрократия — оплот цивилизации.

Физкультуру в старших классах, то есть после четвертого, у нас преподают трое. («У нас»?!) Ну, Наталья, захомутала вольную птицу...) Один из этих троих — Павел Петрович Ламберт. Тот самый, который непослушных детей в клетки сажает. Бывший спецназовец, практикующий вервольф и прочая-прочая-прочая. В лицо я его Пашечкой не зову и не видела никого, кто бы звал.

Клацнула ручка двери. Ламберт повернулся всем телом — угрюмые глазки просканировали коридор, — быстро и беззвучно, рыскающей лесной походкой двинул к лестнице. Поравнявшись со мной, по-эсэсовски клюнул стриженной башкой:

— Здравствуйте, Галина.

Здравия желаю, ответила я. Про себя, конечно, а вслух бормотнула что-то вежливое. При таких внешних данных ему бы не в школе работать, а сниматься в каком-нибудь сериале про Меченого Бешеного. С матюгами, целомудренно прикрытыми бип-бип-бипаньем, и кровавыми брызгами во весь экран. В роли главного героя или главного злодея — особой разницы между ними по законам жанра не полагается.

То-то радости будет сейчас инспектору...

Наталья, когда я все-таки зашла в учительскую, свирепо курила в монитор. Услышала меня, обернулась, сосредоточилась, улыбнулась. По-настоящему улыбнулась, искренне и радостно, будто это не она только что собственноручно ставила клизму бывшему спецназовцу. Наташка — начальница милостью Божьей. И это не мешает нам быть подругами, а подруг у меня, если честно, не так уж и много.

У нас, оборотней, среди своих странные отношения. По настоящему своему возрасту Наталья годится мне в матери. Но у нас нет таких возрастных групп, как у нормальных людей. Мы стареем медленно, однако не все одинаково. Кто медленно, кто очень медленно... в общем, трудно разобраться, кого ты мог бы катать в колясочке, а с кем учиться в одном классе. Воспринимать Наталью как ровесницу мамы я могла бы только в одном случае: если бы она вдруг оказалась моей свекровью. Не дай Бог...

— Галочка, привет. Как первый урок?

— Отлично, — ответила я, не слишком кривя душой.

— Ну вот видишь, надо было больше часов брать.

Ух! И вправду начальница. Видеть цель, верить в себя и не замечать препятствий.

— К нам что, инспекция пожаловала? Или мне послышалось?

Госпожа директриса тут же помрачнела.

— Пожаловала. Начало сентября на дворе — с ума они там посходили, что ли?

— А повод? Опять стукнул кто-нибудь?

На нас периодически поступали кляузы, то в городской департамент образования, а то и прямо в министерство. В основном от нормалов, живущих поблизости и недовольных, что их одаренных детей не берут в спортивную гимназию. Разумеется, в бумажке писали не просто что дитя не приняли, а, например, что мы вымогали взятки за зачисление. Выше по инстанциям нас и наши проблемы хорошо знали, но сигналы о взятках время от времени все же пытались проверять. Борьба с коррупцией в образовании — это не фунт изюму, и начальству лучше потратить время и силы на инспекционную работу, чем просто так поверить, что места в нашей гимназии не покупаются в принципе.

— Да вроде нет.

— А что будут проверять, не сказали?

— Сказали, отчего же. Как мы готовимся к ЕГЭ.

Да, кажется, я превращаюсь в настоящего учителя. Последние три буквы тут же вызвали у меня типичный условный рефлекс: физиономию перекосило на сторону. И у Натальи лицо сделалось такое, как будто она откусила от целого лимона.

— И сразу к Павлу Петровичу?

— И сразу к нему. Они всегда начинают со специальности, ты же знаешь.

— Не поняла, по специальности у нас теперь тоже будет ЕГЭ?

— Что? А...

Мы встретились глазами. Перспектива единого государственного экзамена по оборотневой трансформации нас сначала ошеломила, потом ужаснула, а потом — еще один условный рефлекс — мы обе мысленно махнули рукой. Да и провались они все, пускай придумывают что хотят. Однако где же будут учитываться баллы по этому ЕГЭ? Разве что у Валерки в конторе...

— А он как отреагировал?

— Сказал, что будет работать как всегда.

— Могу себе представить.

— Галка, — Наталья затушила сигарету и стремительно подъехала ко мне на своем кресле, — у тебя есть конструктивные предложения?

— Ну...

— Что ты его не любишь — это мне известно. Ну нету никого другого у меня! Специальность — тяжелый предмет, а он его пре-по-дает. Результат есть. Да, многие дети его не любят, боятся, и за дело. Но им же на нем не жениться, верно? А закончат школу — еще и спасибо скажут. За результат!

Все-таки у Натальи весьма своеобразная манера выражаться. Думаю, на всяких там заседаниях и совещаниях она разговаривает иначе.

— Да я ничего не говорю. Как он преподает, я, кстати, и не видела... Натал, а можно, я на его урок посмотрю? Вот прямо сейчас?

— Можно, — разрешила Наталья. И добавила: — Только осторожно.

Глава 6

Волка на собак в помощь не зови.

Народная мудрость.

Урок у Ламберта был в спортзале на третьем этаже. Снаружи росла березка, как раз такой высоты, что верхние ветки доставали до забранных решетками окон. Правда, ветки довольно хлипкие даже с точки зрения небольшой галки.

Случалось вам видеть в городе птиц, которые с маниакальным упорством садятся на слабо натянутые провода или тонюсенькие веточки той же плакучей березы? Вместо того чтобы пересесть пониже и поустойчивей — болтаются вверх-вниз, как на батуте, машут крыльями, удерживая равновесие... Так это не тихое помешательство и не фитнес для летательных мышц. Попробуйте проследить, куда смотрит птица, и, возможно, поймете, почему ей так важен данный наблюдательный пункт.

Десять пятиклассников построились в одну шеренгу вдоль желтой линии на деревянном полу. Инспекторша была тут же, сидела на низенькой скамейке позади детей — стул из тренерской почему-то не пожелала взять, или же, что более вероятно, Пашечка ей не предложил. Дама предбальзаковского возраста, с пышной прической и в брючном костюме, очень мило смотрелась в этой оригинальной позе: практически на корточках.

Ламберт прогуливался вдоль строя — руки за спиной, с пятки на носок, от правого фланга к левому, разворот на пятке и пошел обратно. Прогуливался не молча, а доводил до личного состава задачу текущего момента. Форточки были открыты, и я хорошо слышала с моей березы ламбертовский голос, усиленный гулким спортзальным эхом. Вещал он со своеобразной гнусавой армейской растяжкой, которую передразнивает вся гимназия, и учителя, и ученики. Или восторженно копирует, кто их разберет.

Вот вам живое доказательство, что мужчина в самом призывном во всех смыслах возрасте, с модельной фигурой и медальным лицом, может быть не просто непривлекательным, а отвратительным. Не то чтобы я его боялась — еще не хватало! Просто мне даже стоять рядом с ним неприятно. Русые волосы, подстриженные машинкой, лежат

ровно, как шерстка на волчьей лапе, солдатским мыском находят на лоб. Когда поворачивается спиной, на затылке видны две пролысинки по форме шрамов. Брови двумя прямыми чертами, губы линейкой. Глаза под нависающим лбом, как два гривенника: такие же круглые и темно-желтые. Волчий взгляд скользнул по мне, я тут же сделала невинный вид и принялась искать под крылом.

Да, я его не люблю! Я вообще не люблю крутых парней, крепких орешков, рэмбо, командосов, крестных отцов и сыновей, а также батяней-комбатов, жиганов-лимонов и правильных пацанов. У меня аллергия на brutальных мачо: к какой бы культуре они ни принадлежали, — с души воротит. Так жизнь сложилась, что я предпочитаю восхищаться мужественностью в любых других ее проявлениях. Это только в романах крутой парень защищает детей и стариков, а свою единственную женщину любит нежной и чистой любовью. И то не во всех.

А если быть до конца честной — злюсь еще и потому, что лично мне дополнительные Облики даются плохо. Предпочитаю быть галкой. И то, что Ламберт этим искусством владеет в совершенстве — и сам себе, если не врут, наработал несколько десятков Обликов, да еще и знает, как этому учить, — симпатии к нему не прибавляет.

— В условиях города нам недостаточно владения единственным Обликом, — вещал Ламберт. Пятиклассники, особенно мелкие по сравнению с ним, в цыплячье-желтых футболках с гербом гимназии и синих трусах, стояли по стойке «смирно», дышали через раз и томились, как перед контрольной. Правофланговый, вихрастый и востроносый, то и дело нервно ухмылялся во весь рот. — Свободно перемещаться по городу могут следующие виды: крысы, собаки и кошки распространенных пород или беспородные, а также птицы — воробьи, вороны, голуби. Поэтому каждый горожанин должен иметь в своем распоряжении соответствующий Облик, а лучше два или несколько. Если ваш врожденный Облик не подходит для городских условий, вам надлежит работать над освоением дополнительных Обликов. У кого вопросы?

Дети молчали. Инспекторша вежливо улыбнулась со своей скамейки и переставила затекшие ноги.

— Вопросов нет, переходим к практике. Сегодня будем тренировать оборачивание собакой. Как я понял, ни у кого в этой группе нет врожденной собаки. Поднимите руки, у кого есть... Ни у кого нет. Действовать в этом случае нужно так. Сначала уйти в трансформацию обычным способом и постараться задержать переходную стадию по возможности дольше. Затем выйти из этой стадии не во врожденный Облик, а в собаку. Порода на этом этапе для нас значения не имеет, поэтому вы можете выбрать любую. Теперь — напра-во! Вокруг зала, не торопясь, бегом марш!

Зал наполнился топотом кроссовок — даже странно, как десять небольших существ могут производить такой шум. Дети бежали по кругу, аккуратно держа дистанцию: семеро мальчишек и три девчонки — одна высокая, взъерошенная, на тощих ногах, за ней две маленьких, с одинаковыми беленькими хвостиками, смешно подпрыгивающими на затылках. Через три круга Ламберт остановил их, порозовевших и вроде бы повеселевших.

— На первый-второй-третий рассчитайсь!.. Первые — пять шагов вперед, вторые — три шага вперед. Сейчас все оборачиваемся в свой обычный Облик, но стараемся растянуть вспышку подольше, кто сколько сможет. — Ламберт поднял секундомер. — Бояться не надо, я страхую. Кто будет бояться, у того ничего не получится.

Я с трудом удержалась от возмущенного вопля. Браво, Павел Петрович! Просто гениально, товарищ Ламберт! Это уметь надо — так подбодрить детишек! Если до сих пор не боялись, теперь начнут. Задерживаться в состоянии трансформации не то чтобы по-настоящему опасно, но... пробовали когда-нибудь задержать дыхание на сколько сможете, а потом еще на чуть-чуть, пока голова не закружится? Ну, вот что-то в этом роде. Только с трудом даются не лишние секунды, а лишние миллисекунды.

Ну-ка, а инспекторша куда смотрит?

Инспекторша вообще никуда не смотрела, а как-то странно потупила глаза, впрочем,

тут же снова вскинула их на Ламберта. Я удивилась, но тут же поняла. Вот что у нее в правой руке — цифровой диктофончик! У меня у самой такой есть, сама точно так же направляю его микрофоном на объект и так же скашиваю глаза, когда проверяю, идет ли запись и сколько времени осталось. Ну-ну. Выходит, каждое слово нашего великого педагога теперь на вес золота. Не забыть предупредить Наталью.

— На старт... внимание... марш!

Зал озарился разноцветными вспышками — от осеннего солнца они казались совсем бледными. На деревянном полу сидела и стояла всевозможная живность: молодой орел, серый кот в красивых мраморных разводах, маленький сычик, теленок какой-то антилопы... В середине третьего ряда, между медвежонком и кем-то вроде крысы, высокая девочка смотрела на Ламберта, испуганно приоткрыв рот. Длинная, вытянутая вперед шея, длиноватый носик; волосы скучного русого цвета; колени мосластые, как у моей Машки — лет через шесть-семь при надлежащем уходе и воспитании будет первая красавица курса, но эти шесть-семь лет еще надо прожить...

— Все — очень плохо, кроме Абакумова. — Ламберт щелкнул кнопкой секундомера. — Ковалева, тебе особое приглашение нужно? Давай одна. На старт... внимание... марш!

Вспышка. Лапки песчаного лисенка разъезжаются на крашеном полу.

— Ковалева, я о чем вам говорил, ты слышала, нет? — в голосе Ламберта отчетливее делается прапорщицкая сварливость. — Я говорил задержать вспышку, что непонятно? А ты сразу падаешь на все четыре, как кусок... золота. Ну-ка соберись. Давай одна обратно. На старт... внимание... марш!

Вспышка. Девочка медленно выпрямляется, встряхивает головой, отмахивая челку со лба.

— И куда мы так торопимся? Ковалева, вот ты ушла в трансформацию — и светись! Хотя бы на счет раз-два, удержи эту ситуацию, за тобой же никто не гонится. Поняла, да? Обратно в Облик. На старт... внимание...

Не могу больше видеть этого издевательства. Взрослых кицунэ, лисичек-оборотней, я не очень люблю, но к лисяткам у меня отношение особое. Что он к ней привязался? Подумаешь, пропустила старт. Обернулась чистенько, и вспышку задержала не хуже других, я следила — оборотни такие вещи чувствуют без всяких спортивных секундомеров, это у нас в пульсе. И где, спрашивается, повод устраивать китайское шельмование перед всей группой? Специально, что ли, чтобы до слез довести?! И ведь моя Машка, чего доброго, через два года тоже попадет к этому...

Делаю круг над школой и возвращаюсь на свой наблюдательный пункт. Ковалева в человеческом Облике очень старается не плакать.

— Абакумов!

Вихрастый правофланговый шагнул вперед.

— Ты у нас кто?

— Орел.

— Какой орел конкретно?

— Орел-карлик. Ну так называется.

Абакумов залился малиновой краской. Я ему глубоко сочувствовала. Зоологи, давая животным имена, совершенно не думают о том, каково оборотню представляться в обществе грязовиком или лысухой. Или как в данном случае — орлом-карликом, да еще будучи самым длинным в классе. А у галки, например, видовое латинское название, к счастью, мало кому известно, — монедула. Фиг его знает, что значит, но звучит обидно. Хотя... вот один мой приятель из Питера с некоторых пор представляется заковыристо: «Семейство собачьи, *Alorex lagopus*». Ну достало его дурацкое ржание и прибаутки! По-русски он песец. Просто песец.

— Ну чего, орел, давай ты первый. Становись вот сюда, на мат. Остальные следят. Я страхую. Масса у твоего орла меньше, чем у собаки, ты же не болонкой какой-нибудь

будешь? Значит, стараешься расслабиться. А те, кто существенно больше, олени, например — те, наоборот, будут группироваться. Смотри, что еще здесь для тебя важно? Во-первых, четыре лапы прочувствуй, опора на пальцы с когтями. Во-вторых, уши: знаешь, какие уши у собак? Большие и вислые... я не понял, кому тут смешно. В-третьих, шерсть: или густая, теплая, или совсем короткая, под ноль...

Да, грех придраться, излагает он четко. Когда находишь новый Облик — это вроде игры в угадайку с вопросами и ответами, где каждый новый ответ сужает круг возможностей: «Это человек? — Нет. — Это животное? — Да. — Домашнее? — Да...» И в самом деле, собаку находить проще всего по-ламбертовски, как он сейчас предложил: размер, четыре лапы, невтяжные когти, уши, для точности — шерсть. Ни с кошкой не спутаешь, ни с кем. Отольешься, как металл в форму.

А проблему страха перед новым Обликом, который обычно и становится главным препятствием, Ламберт решает просто. Гораздо больше ребята боятся его.

— Все понял? На старт... внимание... марш!

Вспышка. Ощутимо, до замирания сердца, медленная — как пламя, снятое рапидом.

Посередине черного прямоугольника блестящей кожи — нескладный щенок-подросток, белый в кофейных брызгах, кажется, борзая. Подбирает лапы, озирается, обалдело мотаает головой, будто после купания — большие уши громко хлопают. Ребята смеются, переглядываются с явной завистью.

— Абакумов молодец. Пять баллов. Иди походи, к лапам попривыкни. Кто следующий?

Я снялась с ветки и снова поднялась над школой. Сделала еще круг и еще, пока здание не превратилось в серый квадрат, окаймленный зеленью.

Ну и что, подумаешь, большое дело. Результат у него, видите ли. Все равно так с детьми нельзя... Но противная внутренняя справедливость, как обычно, лезла с комментариями. Если учитель — это тот, кто учит, то Ламберт — учитель.

Приглядывать за гимназистами всех возрастов, резвящихся в школьном дворе, — занятие непыльное, но нервное. О да, кто-то спокойно играет с мобилой, сидя на корточках, кто-то рисует мелом классики и сердечки, кто-то чинно ходит под руку с подругой, но большинство — носится и орет. Тут и младшие на продленке, тут и старшие на большой перемене, и каждый резвится кто во что горазд. А наши дети ох и горазды. Такой площадки молодняка ни в одном зоопарке нет.

— Катя дура, хвост надула! Катя ду... а-а-а, не бей меня!

— Рахманов, а тебе Ольга Валентиновна сказала, чтобы ты не летал! А ты летаешь!

— Отвянь, поняла?.. Я — черный дракон! Я лечууу! Я распр... распростир-ря... у меня черные кр-рылья!

— А у меня лазер! Пи-у! Пи-у! Бдыщ-бдыщ-бдыщ!.. Все, я подстрелил дракона! Эй, дракон, я тебя убил!

— Дракона нельзя убить из лазера!

— А у меня лазер с функцией ракетомета!

— Это нечестно!

— Честно!

— А давай я буду певицей Максим, а вы с Машкой — моим палантином?

— Каким палантином, ты че? Максим не носит палантинов.

— Да? А зимой она в тулупе ходит? Давай, садись мне на плечо... дура, что ли? Когти втяни, ты меня всю расцарапала!

— А без когтей я упаду!

— Не упадешь, я тебя под попу держу!

— Ай!л килл ю, слими феррит!

— Р-р-р... Ю шейм оф ёр спешис...

Наталин класс. Уверенное владение глагольными временами, богатый словарный

запас. Век бы слушала, но долг обязывает. Я поднимаю с газона обоих дерущихся щенят, Склизкого Хорька — левой рукой, Позора Своего Биологического Вида — правой, и слегка встряхиваю:

— Кто кусается?!

Потом ставлю на место. Пусть отрабатывают ритуальные позы, а угрызать друг друга, пусть даже за мохнатые воротники, у нас не положено. На глазах у педагога, во всяком случае.

Но мелкота — это пустяки. Маленькие детки — маленькие заботы, а большие детки — сами знаете. Вот, спрашивается, что понадобилось за углом моим недавним знакомым из седьмого «А», Марине Николаенко с дредами и мрачноватому Армену Айрапетяну? Чем могут заниматься мальчик и девочка на узкой, заросшей травой дорожке между кухонными окнами и мусорными баками?! Не будем озвучивать все версии, господа гусары, но хорошо если просто поцеловаться по-взрослому или покурить «Яву». А если косяк забить или что еще похуже? По делириям, блин, соскучились...

Прошу Бориса Дмитрича посматривать, а сама быстро, но не торопясь иду за ними.

Там они и были, за помойками, у кирпичной стенки, разукрашенной своеобычными надписями «ЗАЯЦ + ЛИСКА = SEX», «WEREWOLF RULEZZZ» и буквами «С» в ромбиках. Школа, как известно, — это гнездо мудрости и опора культуры, и даже гимназии — не исключение.

Первым, что я расслышала, было торжественно произнесенное слово. То, которое, ну... самое распространенное в наших широтах трехбуквенное слово. Малороссийский глагол «ховать» в повелительном наклонении. И в разных других наклонениях тоже.

— На х..!

Хмурое молчание.

— Видишь, ни фиги. По х..!

Снова тишина, прерываемая вздохами.

— А если просто: х..! Ну, или — х... тебе!..

Ребятки стояли друг напротив друга, шагах примерно в пяти, величественные и строгие, как Александр Невский перед Ледовым побоищем, и по очереди с пафосом обзывали друг друга. Особенно хорош был сурово насупленный Айрапетян. Хотя впечатляла и Николаенко, страшная в своем гриме, будто ведьма из фильма для самых маленьких. (Чтоб вы знали, не все барышни, которые пользуются черной помадой и черным лаком для ногтей — готы, некоторые из них — юные оборотни. Отличить просто: наши накладывают лак узкой продольной полосочкой, «собачьим когтем».) Сперва я просто остолбенела и молча любовалась. Потом до меня дошло.

— А чего это вы тут делаете? — с любопытством спросила я. Гимназист и гимназистка вздрогнули и застеснялись, будто я застукала их за разглядыванием «XXL» или еще какой-нибудь «Занимательной анатомии».

— А чего, — сказала Николаенко, — мы же не в здании.

Нецензурная брань в стенах гимназии запрещена категорически — не только в целях повышения культуры учащихся...

— А кто вас ругает? — поинтересовалась я. — Вас хвалить надо. За внеклассное чтение и отличное знание теории. Как это там говорится? Ключевая нецензурная трехбуквенная идиома — реликт ритуального праславянского проклятия «ты песье отродье, сукин сын», трактующееся как низведение противника до нечистого животного.

— Ну вот мы и хотели скастовать этот спелл! — с энтузиазмом подхватила Николаенко. — То есть научиться. Если волхвы это делали, значит, можно!

— Наложить заклятье, — машинально поправила я. Наталья мне уже разъяснила — с компьютерно-американским жаргончиком мы, педагоги, боремся. И сами стараемся к нему не прибегать.

— Наложить заклятье, — послушно повторила Марина. — Ведь должно быть несложно, раз они это делали быстро.

— В общем, да. Обернуть псом любого оппонента, до князя включительно, — сильный аргумент в споре, но только уложиться надо было в секунды.

— Ага, потому и слово короткое, — ухмыльнулся Айрапетян.

— Должно быть, поэтому, — согласилась я. — И очень вероятно, что слово то самое — в таких вещах предания не врут. Дело не в этом.

— А в чем? — жадно спросила Николаенко. Она так трогательно растарщила на меня глаза, что стала похожа на мою Машку. (Нет, русые дреды — это, вне всякого сомнения, круто, но надеюсь, что у Машки все-таки хватит ума не делать в мочке уха пятимиллиметровую дырку, да еще с латунным люверсом...)

— Слово-то не изменилось, но изменилось все остальное. Время, язык, нравы, словоупотребление. При волхвах это слово вместе с другими такими же было табуировано. То есть запрещено. («Мы знаем, что такое табуировано!» — с обидой заметил Айрапетян.) Эти слова были ведомы только тем, кто прошел обряд посвящения, и употреблять их можно было только в самых крайних случаях, например при угрозе жизни. А теперь?

— А теперь... его все употребляют.

— Совершенно точно, — похвалила я. — Все и всегда, начиная с детского сада. И говорят, и пишут, и печатают, — я многозначительно прищурила глаз на Маринину футболку, точнее, на самое распространенное английское слово.

— Ну, русское на одежде не печатают, — смущенно пробормотала красотка.

— Уже начали, — утешила я. — А при частом употреблении любое заклятие теряет магическую составляющую. Теперь это простое условно-неприличное слово. Ясно?

— Я-асно, — недоверчиво протянула Николаенко, — а почему тогда мат в гимназии запрещен?

— Да! — подхватил Айрапетян.

Так вам все и объясни. Я помедлила, подбирая слова.

— Потому что есть простое сквернословие и есть... ну, скажем так: виртуозная брань. Существуют люди, способные таким образом подбирать и комбинировать слова, что получается эффект, достаточно близкий к легендарному. Причем как эмоциональный, так и физиологический, и магический.

И добавила, строго взглянув в просветлевшие юные лица:

— Конечно, вы понимаете, что пытаться обнаружить эти заклятья методом проб и ошибок — все равно что подбирать тупым перебором восьмизначный код. Подобные комбинации уникальны, их надо или знать, или родиться настоящим охальником. Тут важен каждый суффикс, каждый эпитет, каждая интонация. Проклятье — дело тонкое. Иначе в Москве от собак ступить было бы некуда.

— А тогда почему мат в гимназии... — снова завел Айрапетян.

— Да потому, — значительно сказала я, — что организмы оборотней, особенно самых маленьких, чувствительны к вербальным воздействиям. И в первую очередь — к неумелым и грубым. В следующем году, на анатомии, мы с вами это обсудим подробнее, а пока просто имейте в виду: если у проклятия нет видимого эффекта, это не значит, что эффекта нет вообще. Бывает, что оборачивание, вопреки ожиданиям, и у прирожденного оборотня от этих слов нарушается. Так понятно?

Понятно, судя по вновь омрачившимся лицам. Наверняка опыты не прекратят, но это и неважно. Есть вещи, которых им все равно не достичь: должная концентрация и эмоциональный настрой. А плохие слова и в автобусе услышать можно. У нас в городе вообще экологическая обстановка скверная.

Кстати о собачках. Давеча во время урока Ламберт стоял ко мне спиной. Я не могла видеть, шевелил ли он губами, когда «страховал» этого долговязого и остальных. И не зря же он именно собак выбирает темой для первого урока. А потом гимназисты, наглядевшись на это дело, тянутся за наставником...

Глава 7

Конечно, это была довольно странная пара — лисенок и цыпленок. Но вместе им было очень хорошо.

Ян Экхольм.

Машку сегодня забирала моя мама, они собрались сходить в «Пять звезд» на просмотр полнометражного мультфильма с поеданием мороженого и соленого пенопласта в кулечках, который американцы называют попкорном. Программа увеселений у них составлена обширная — хоккей на магнитном столе, поезд в пещере, обход игрушечных лавок, — так что у меня есть еще по крайней мере четыре часа. И почему бы в таком случае мне не навестить Летчика Ли? Конечно, предварительно позвонив ему, дабы не пересечься с какой-нибудь другой... посетительницей. Кто там его знает, с него станется.

Этот тип не имеет никакого отношения ни к авиации, ни к Востоку. Его прозвище происходит от известной песни группы «Чиж». Ну, той, про американца, которого сбил вьетнамский летчик Ли Си Цын:

Вижу в небе белую черту,
Мой «фантом» теряет высоту...

Ли Си Цын — из-за основного Облика. А Летчик — из-за характера и склонностей. Любитель приключений, вероятно, рискованных и отчасти таинственных — именно потому таинственных, что он будет за рюмкой рассказывать вам о своей поездке, не упуская ни одной детали, за исключением самых главных. Но из всех своих квестов он тем не менее всегда возвращается в свою нору. Нора двухкомнатная, в смешном старом доме послевоенной застройки. Как он туда попал и что вообще поделявал до моего с ним знакомства, точно не известно. Я так и не рискнула даже задать ему прямой вопрос о возрасте. И не потому, что боюсь его смутить, — боюсь услышать подробный и правдоподобный рассказ о том, как он воровал кур в имении великого князя Николая Николаевича и что с ним в тот раз приключилось смешного. Кицунэ живут долго, даже дольше нас, врановых.

Только не говорите, что не поняли, кем мне приходится Летчик Ли! Не верю я в такую наивность у современного читателя. Имеет право мать-одиночка, муж которой сбежал так далеко, что дальше, пожалуй, только в космос, — имеет она право начать новую жизнь? Вроде бы имеет. Однако мнения бывают разные, взять хотя бы мою маму. Да и не только ее. В общем, это не то чтобы запрещено или противозаконно, но... не принято у нас. Я птица, он зверь.

Я уже упоминала, что недолюбливаю лисичек-оборотней? Нет, в своем роде прелестнейшие создания. Полная гармония души и Облика! Глянцевый мех, красное золото спинки, непорочная белизна грудки, изящество и грация в каждом движении, обманчиво-простодушные глазки... и пасть, как у небольшого крокодильчика. Что говорить, неприятные девицы. Но мужчина-кицунэ, лис-оборотень — это совсем другое дело, правда ведь?

Сев на выносную антенну, проволокой примотанную к балконным перилам, я заглянула в окно. Форточка была закрыта, наверняка из чистой вредности — день теплый. Но все равно отсюда я его видела как на ладони.

Галки не умеют улыбаться. Мне просто стало теплее, как будто бледное солнце жарче припекло спину и крылья. Русые волосы с единственным каштановым клоком на темени, отросший чуб косо свисает над бровью, тонкий горбатый нос нацелен в экран компьютера. Ли азартно шуровал мышью, судя по радостному оскалу — не работал, а в кого-то стрелял. Готовая иллюстрация к «Рассказам о животных» Сетон-Томпсона: «Мышкующий лис».

Налюбовавшись, я слетела на жестяной карниз и трижды стукнула клювом по раме. Ли повернулся к окну, приветливо кивнул. С места не поднялся.

— Опять через дверь не ходишь? — голос через стекло звучал приглушенно, на

пределе слышимости. — Я тебе зачем ключи сделал?

Откуда я знаю, зачем ты мне сделал ключи?! На фига они мне вообще? Ну вот разве что как символ высоких, но долгих отношений... А в подъезде у вас лифт совмещен с мусоропроводом, буквально в одной шахте: ты вверх едешь, а мусор за стенкой тебе навстречу, вниз. Красивое архитектурное решение, но что до меня — спасибочки, сами ходите через вашу дверь.

За что люблю свой Облик — можно разговаривать по-человечески, не прибегая к дополнительным ухищрениям.

— Ли, откр-рой фор-рточку!

Лис по-собачьи склонил голову набок:

— А волшебное слово?

Зараза какая!

— Быстр-ро!

Рыжие брови поднялись домиком: ну, как знаешь, дорогая... Ли очень убедительно повернулся к компьютеру. Я не менее убедительно перемахнула на перила: дескать, улетаю. Форточка распахнулась прежде, чем я расправила крылья.

То-то же.

В комнате тепло, пахнет старой московской квартирой — вянущими страницами старых книг, пыльной мебельной обивкой, молотым кофе и пряностями в баночках на кухне. Еще пахнет разогретой духовкой и «Лакостой». Господин фотограф у себя дома разгуливает в интенсивно-красной футболке с веселым растаманом в дредах как у моей новой ученицы: «Why drink and drive if you can smoke and fly» — ясное дело, камешек в мой огород. На мониторе в рамке фотошопа некий пейзаж вроде Кускова- парк, прудики, мостики; вода в пруду схвачена «лассо», перекрашивать будут воду в более товарный цвет... Все-таки работал? Ну, мне уже стыдно.

Делаю круг по комнате, нарочно поднимая крыльями ветер, чтобы полетели на пол листки с телефонами и прочий мусор, а прическа хозяина встала дыбом. Затем опускаюсь на журнальный столик. Вытягиваю шею вперед, чтобы, обернувшись, не поддать ему головой в подбородок — были прецеденты.

Как всегда, он даже не подумал отступить на шаг, только смешно прижмурил глаза от моей рыжей вспышки. И как всегда, сгреб меня в охапку едва ли не быстрее, чем я обернулась. И как всегда — дружески поцеловать его в щечку не вышло. Кого угодно, но не его.

— Ты на минутку или надолго?

— Как скажешь...

— А Машка где? С мамой?

— Да.

— До вечера?

— До вечера.

— Значит, останешься?

О лисах-оборотнях существует обширнейшая литература, начиная с японских средневековых сказок. Совесть им неведома, зато их собственные принципы тверды и неколебимы: хоть земля тресни и огонь сойди с небес, свежемолотого кофе в джезvu следует класть две ложки с горкой. Благодаря своей знаменитой хитрости они гениально водят за нос как нормальных людей, так и другие Облики, легко получая все, что им нужно, от денег до вечной и бескорыстной преданности, и отлично умеют устраиваться в жизни — но это умение ничто против их умения все растратить и забиться в нору, дабы предаваться там скорби и аскетизму. Они жестоки, коварны, эгоистичны и похотливы, но при этом способны на величайшее самопожертвование ради любимого существа. Разумеется, это неправда.

Это — хорошо если одна десятая правды.

— Какие перышки... какой носок... — томно простонал он мне в ухо. За это я хотела долбануть его клювом, но от переживаний забыла, что сменила Облик. И получилось так, что

мы снова целуемся. Причем почему-то уже сидя на кровати.

— Знаешь, а я думал, ты не останешься. Думал, просто так прилетала... кофе попить... и не надеялся... счастье какое...

Ох, сколько чувства было в этом шепоте! Сколько горького одиночества паладина в пустыне, которому судьба послала краткий сон про возлюбленную, покинутую в далекой Франции... Одна половина моего «я» всхлипнула от умиления. Другая половина моего «я» нервно хихикнула.

Ну конечно, он не надеялся. И не смел надеяться. И сатиновые простыни с ренессансным травяным узором постелил просто так. И мартини, сок и два стакана в прикроватной тумбочке — всего лишь для украшения интерьера. И побрился с одеколоном среди бела дня — единственно от нечего делать.

Кицунэ — это, девушки и дамы, не Облик, а диагноз. Впрочем, когда он врет, чтобы сделать вам приятное... это и в самом деле приятно, вот что я скажу.

...Я все-таки вывернулась из-под его руки и подскочила к окну, чтобы опустить жалюзи. Такая скромность у меня образовалась после того, как однажды вот в этой самой комнате мы услышали сквозь дрему демоническое «кар-кар-кар-кар», я оглянулась на окно и увидела, что на моей любимой антенне восседает жирная встрепанная ворона — вылитый Лебедев из «газеты моральной оппозиции», тот самый, которому я кое-чем обязана, — и нахально пялится на нас! Ли, проследив за моим взглядом, сонно пробормотал: «И пусть треснет от зависти», а потом без особой спешки приподнялся, достал с пола простыню и укрыл нас обоих. Ворона еще раз каркнула — как-то особенно гнусно, поднялась на крыло и исчезла из поля зрения. А Ли до сих пор всякий раз, как видит на лотках их мерзкий листок, глумливо предлагает его купить: вдруг, мол, там какие-нибудь интересные фотки... Ничего святого!

Галки любимому существу перебирают перышки на затылке. А мне нравится методично взьерошивать ему чуб, разорять всю прическу, а потом так же методично приглаживать. Он терпит.

Волосы у моего Ли русые. Рыжих среди них, вопреки распространенному убеждению, мало. Будь он ТАКИМ рыжим, как его Облик, на него бы в любой толпе оборачивались, как на ментовозку с мигалкой, а лисы не любят привлекать лишнее внимание. Зато все плечи в трогательных веснушках. И профиль — нос, лоб и брови... как бы это повежливее... мало поддаются трансформации. Из-под затылка змейкой выползает длинный белый локон, высветленный в парикмахерской.

— Зачем тебе хвост? — Чтобы было понятно, о чем речь, дергаю за оный.

— Вместо галстука.

— В смысле?

— Статусная вещь, лапа. Галстуков у меня нет, не люблю. Но раз у меня есть хвост... понятно, что галстука нет не от бедности.

Это точно: соблюдать дресс-код, полагающийся творческой личности с деньгами, мы не любим. Никаких костюмов, никаких замшевых курток и кожаных штанов. Когда я его впервые увидела в человеческом Облике — в протертых на коленках джинсах и ужасной серой жилетке — я чуть не подумала, что судьба опять посылает мне безденежного дона. Если бы не текила...

— Галочка. Галочка-цыпочка.

— За цыпочку в глаз, — шепотом огрызнулась я. Мне нравится, когда он говорит мне ласковые слова. И меня раздражает, что мне это нравится.

— Ну, лапушка. Лапушкой можно?

Да можно, можно. Я уткнулась носом в чисто выбритую щеку. Зажмурилась, чтобы он не увидел слез.

Как это все понимать, в самом деле? Знакомство при весьма романтических обстоятельствах, никаких серьезных объяснений, вообще — почти никаких слов, кроме

самых необходимых (тех, которые посчитал необходимыми он, — для меня, черной мрачной птицы, и того было слишком много). И... вот.

Классики литературы об этом пишут пафосно: так, дескать, поражает молния, так поражает финский нож... Может, и верно. Если только возможно по рассеянности пропустить момент, когда в тебя воткнули этот самый нож, идти дальше как ни в чем не бывало — и много дней спустя с удивлением заметить, что между ребер у тебя, оказывается, торчит наборная рукоятка. И теперь тебе придется жить с этим инородным предметом в боку, неудобным и опасным для здоровья.

Если не слышать его голоса дольше, чем один день, если видеться с ним реже, чем раз в неделю, начинается ломка. Если у него что-то не в порядке, ты не в состоянии думать ни о чем больше. Если у него все хорошо, ты думаешь, с кем он, и ревнуешь. Жизнь имеет смысл, потому что назначен день следующего свидания, и от одного дня к другому незаметно пролетает год.

Любовь — такая игра, то ли в покер, то ли в подкидного дурака. Карта на карту, валет на десятку, пошел — отбил. Улыбка на улыбку, вопрос на вопрос, если ты козырная дама, то букет роз и ужин в ресторане бьешь простым «спасибо», если козырей у тебя нет, то подбираешь по масти и старшинству, а если ты мастерица говорить, то тебя всегда выручит джокер, какой бы красоты сдача ни была у второго игрока. Слова, жесты, поцелуи, телефонные звонки и эсэмэски, влюбленность и безразличие, безумный темперамент и дефицитное в наше время целомудрие — размен цветных картонок по простым, но увлекательным правилам. Детская игра, а не соскучишься: под клетчатым крапом то червонный король, а то пиковый интерес, один партнер сразу швыряет все, другой экономит козыри, третий нагло блефует, напускает такую тень на плетень, что фиг угадаешь, туз у него или шестерка...

Только вот самый главный джокер, слово «люблю», мне раньше никогда не шел в руку: партнер предъявит свой, когда положено, а мне и крыть нечем. Многие даже обижались. Орали на меня, как поручик Мышлаевский на Лариосика, что играть не умею, раскладов не просчитываю, что ходы у меня дурацкие. Ну, извините, господа, как умею, так и играю.

И надо же было случиться, что мне разонравилось блефовать именно тогда, когда я села играть с лисом! Что говорить, радикальные идеи меня всегда посещают вовремя и кстати.

...Потому что иллюзии здесь создает он. Лисы-оборотни со средневековья известны своей способностью наводить наваждения. Причем не какие-нибудь мелкие, локальные, вроде второй луны в небе или призрака очаровательной девушки, а обширные и долгие, когда весь реальный мир становится театром или фильмом. Кажется — крестись, страшно — беги... но помни, что все это предусмотрено сценарием. Не случайно кицунэ и по сей день выбирают такие ремесла, где у них есть зрители. Мой был актером театра пантомимы, давно... или недавно, как считать... словом, еще до меня. А теперь он фотограф. И перемещение луны на небосводе, любимый фокус японских оборотней-тануки, для него ниже плинтуса: «Это ерунда, лапа, для этого есть фотошоп».

Все как настоящее. Полынный запах мартини. Дорогуший почти-натуральный апельсиновый сок, я такой покупаю только для Машки и сама разве что отхлебываю глоточек из ее стакана... Собственно, мартини я бы и неразбавленного выпила, люблю горькое. Но неловко перед кавалером.

Завернувшись в простыню и прихлебывая ледяное желтое солнце, я слушала сагу об очередной работе Ли — корпоративке, проходившей вот в этом самом пруду. То есть, конечно, в парке рядом с прудом, это и вправду оказалось Кусково. Топ-менеджеры, просто менеджеры, копирайтеры, промоутеры и секретари с секретаршами на вольном воздухе пьют пиво, слушают живую музыку и играют в воспитательные игры: ходят на одной паре лыж всемером, рисуют маркерами картинку размером три метра на три или бегают наперегонки, зажав воздушные шарики между коленей. Считается, что командные соревнования в этих видах спорта укрепляют кооперативное мышление. Или корпоративное? Во всяком случае,

Ли говорит, что на богатых свадьбах веселятся точно так же. Он фотограф со стажем, ему виднее.

На сей раз действие заметно оживило участие Гоши. Они с Ли давно знакомы, именно по таким мероприятиям.

— ...Татьяна — барышня габаритная, и оделась несколько, э-э... вызывающе. Джинсики на попе внатяг, вырез у кофточки вот по сию пору... лапа, мне НЕ ПРАВЯТСЯ полные девушки! Да, а Гоше нравятся. Так вот, как она пошла прыгать на батуте — он сперва замирать начал: остановится, стоит и смотрит. А потом и вовсе покинул площадку, народ за ним толпой... И она как раз слезла. Он подходит и прямо сразу суется к ней... в декольте, назовем это так. А там еще затухающие колебания после батута. Она хихикает, отмахивается, да поздно хихикать-то: он уже чуть ли не весь хобот ей засунул! У всех на глазах, никого нимало не стеснясь! Народ кругом ржет! Ну, тут, конечно, подбежала Наташка, врезала ему по попе, аж зазвенело, и кричит: «Ах ты скотина!.. «И дальше, в общем, все такое, что менеджерам младшего возраста слышать не подобает...

Не подумайте плохого: когда Летчик Ли упомянул хобот, он имел в виду хобот и ничего более! Гоша на детских праздниках и корпоративных вечеринках работает слонем. Среди московских оборотней считается моветоном подработка в Облике, но это правило придумали те, у кого среди Обликов нет ни одного экзота. А когда ты индийский слон, и деньги маячат буквально перед тобой — протяни этот самый хобот и бери... За тысячу баксов в день отчего ж не поработать?! Плюс «компенсация расходов на доставку животного в железнодорожном контейнере». На самом деле Гоша со своей Наташкой, исполнявшей роль дрессировщицы, приезжали на место в «газели». Где-нибудь в укромном уголке, подальше от любопытных глаз, раскидывали шатер, Гошка подлезал под седло с балдахином, оборачивался и шел трудиться. Слона Гошу знали все организаторы корпоративных увеселений, все их постоянные клиенты. И все поражались: до чего умное и доброе животное!

Все бы хорошо, одно не очень: страсть к женскому полу у Гоши была патологическая. Хотя, когда он в Облике — сами понимаете, абсолютно платоническая. И все равно никогда-то он не мог удержаться, каждый раз что-нибудь в этом роде да выходило. Клиентам и особенно клиенткам даже нравилось, а вот Наташке — нет...

Еще раз выпили. Пospела запеченная рыба в духовке (ага, он еще и готовить умеет!) К столу мы оба даже оделись, то есть отыскивали на полу некоторые предметы гардероба и натянули их на себя. И целоваться на некоторое время перестали: с рыбным филе во рту это решительно неприлично. Снова выпили и сели к компьютеру посмотреть картинки из Кускова.

Летчик Ли — репортажник милостью Божьей. Ему бы не куски сшибать на этих увеселениях, а... ну ладно, в конце концов, много ли я знаю о том, чем ЕЩЕ он зарабатывает, то есть — кроме упомянутых увеселений?.. Особенно здорово получилась крупногабаритная Татьяна с еще более крупногабаритным Гошей. Неземной кадр: щекастая физиономия девицы, выпученные подведенные глазки и разинутый рот (то ли визжит, то ли судорожно заглатывает воздух), морщинистый хобот, нахально лезущий к самому сокровенному, и надо всем этим серая Гошкина башка, профессионально добрый и мудрый слоновий глаз с пучком длинных ресниц... «Чистые эти, как их... Упанишады, вот», — прокомментировал автор фото. И ведь что обидно: нигде не опубликуешь, даже в Сети, а уж тем более на бумаге. Во-первых, корпоративные вечеринки — дело приватное и потому святое, чем бы они там ни занимались, во-вторых, Гошина Наташка со свету сживет и его, и фотографа.

— Ли, ты молодец. Очень здорово.

— Да? Правда?

Можно подумать, сам не знает, что хорошо. Можно подумать, мое непросвещенное мнение для этого профи действительно важно.

Ли подставляет щеку для поцелуя.

— А еще я красивый.

— Умный и скромный, — добавляю я. — И девушкам нравишься.

Знаете, как целуются лисы-оборотни? Так же, как они делают все остальное: хорошо ли, плохо ли, но захочешь — не забудешь.

Устами младенца глаголет истина, это как-то связано с оборачиванием. Вспышка в глазах, пропадают вес и ощущение тела, весь мир обращается в свет, а когда он гаснет, снова становишься собой, только уже в другом теле... Слишком красиво излагаю. Я люблю его.

...Резонный вопрос: почему мы не поженимся, не начнем жить вместе? Плевать, что птица и зверь, сейчас, говорят, и гомосексуальные браки скоро будут регистрировать. У меня две комнаты, у него две комнаты... Мой оклад полсотни в месяц, ваш оклад полсотни в месяц, на сто в месяц в Петербурге очень мило можно жить... То есть не полсотни, конечно, и не в Петербурге, но все равно, не в этом дело. Моя дочь — кошка по Облику. Мой кавалер — лис, дополнительные его Облики — как на подбор, собаки. (И какие собаки! Не кобели, а ночной кошмар заводчика. Будь они обычными животными — страшно вообразить, от каких союзов могли бы произойти подобные монстры. Все-таки Ли извращенец и сексуальный маньяк. Шила в мешке не утаишь, подлинная сущность — она всегда проявится через Облик.) И как, прошу прощения, мы при таких условиях будем жить вместе? Правильно: как кошка с собакой.

Ах да, чуть не забыла одну мелочь. Он мне пока еще не делал никаких предложений. А если спросить его прямо — спорим на десять долларов, я с удивлением узнаю, что он-то делал мне всяческие предложения, только я отказалась. И ладно. Пускай все идет как идет.

Все фотографии — солнцепоклонники. Не в меньшей степени, чем дневные птицы. А лисы, хоть и охотятся по ночам, в ясные дни спят на открытом месте, впитывают шкуркой солнечные лучи.

Янтарное окно потускнело, по монитору давно летели звезды, но темнее в комнате, кажется, не стало. Женщина в лоскутном трико пела на площади под скрипку и колокольцы, надорванное контральто легко пронизывало пыльный горячий воздух, заполняя и площадь, и нашу улочку, отражаясь от раскаленных камней, я слышала и понимала каждое слово, но при этом, хоть убейте, не могла угадать, на каком языке она поет. Если выглянуть из окна мансарды, затененного длинным козырьком, увидишь темную черепицу на крыше дома напротив, небо, выбеленное полуднем, и, в проеме между крышами, — короткую синюю черту горизонта...

Я неохотно высвободила голову из под крыла и приоткрыла глаз. Справа было оранжевое, лоснистое, сонно дышащее. Слева и впереди тоже. Сквозь плотную шерсть пробивался жар — я как будто уснула в солнечном пятне. В накидке лисьей — сама хитрей, чем лиса с холма... Лениво оглядевшись кругом себя, я отыскала, где голова, и легонько дернула клювом за ухо. Лис лязгнул зубами, не просыпаясь.

Психологи говорят: если взрослые спят вместе каждый в своем Облике, это высший знак доверия. Должно быть, и со стороны выглядит красиво: в гнезде из скомканных простыней свернулся клубком большой огненно-рыжий лис, а в центре клубка — глянцевые галочки крылья, исчерна-серый затылок... У кого, у кого, а у нас с Ли нет этой вечной проблемы: «кто спит у стенки?»

...Вечера в сентябре длинные-длинные, почти как летом, солнце заходит в девятом часу, темнеет еще позже, и моя тень пролетает по рыжей от заката стене. Окна вспыхивают огнем, из открытых форточек доносятся обрывки слов: «...мотри!..ащит что-то!..» Понимаю жильцов. Птица с огромной розой в клюве, как какой-нибудь голубь Пикассо, — такое не каждый день встретишь.

Что-то скажет Машка, когда увидит розу?

Глава 8

Взгляните мысленно сверху на все, что мы привыкли видеть в горизонтальной проекции. Вам откроется внутренность фортов, доков, гаваней, казарм, артиллерийских заводов — всех ограждений, возводимых государством, всех построек, планов, соображений, численностей и расчетов...

Александр Грин.

Четверг у меня был свободный: ни присутствия в редакции, ни уроков. И я посвятила этот день самосовершенствованию и профессиональному росту.

В гости к доктору биологических наук Рязанцеву я хожу через дверь. В этом доме, тридцать лет назад заселенном деятелями науки, такие бдительные жильцы, что и консьержки не надо. Особенно одна, соседка Рязанцева по площадке. Если эта дама зайдет к нему «за солью» либо «отдать долг» и увидит у него молодую особу, не проходившую мимо глазка за весь утренний период наблюдения, — ой, что будет... То есть ничего особенного не будет, но Святослава Николаевича мне жалко.

— Здравствуйте, Галочка, проходите. Чаю, кофе?

Рязанцев церемонно склоняется в полупоклоне, пропускает меня вперед. Высокий, худощавый — две вертикальные складки на щеках, упрямый чуб над широким лбом. Флигель-адъютантские манеры ему здорово идут. Больше, чем кое-кому помоложе.

Кухня чистая и светлая — никаких занавесок! Страшный линолеум горчичного цвета, сиротская мебель, тоже последних лет советского периода — пластиковое покрытие в немыслимых розочках, из обгрызенных углов торчат колючки ДСП. Ну, правда, есть еще электрочайник и брауновская кофеварка.

— Спасибо, Святослав Николаич. Давайте лучше сначала полетаем, а потом кофе.

— Как даме будет угодно, — галантно ответил хозяин. Указал мне на табуретку, а сам утопал в комнату за оборудованием.

Теперь-то кто мне поверит, но когда-то, давным-давно, заводя знакомство с Летчиком Ли, я корыстно надеялась, что он научит меня фотографировать. А то срам один — журналистка называется, а кроме «мыльницы», она же по-немецки «идиотенкамера», ничем не умеет пользоваться, при слове «экспозиция» впадает в ступор. Но до уроков фотографии у нас с ним дело так и не дошло. Все время что-то отвлекало. И вот сейчас мне потребовался такой навык... которого он бы мне все равно дать не смог. Не из-за недостатка профессионального мастерства. Просто здесь требуется узкая специализация.

— Вот, прошу внимания. Это мне, а это вам.

Рязанцев выложил передо мной на стол две миниатюрные камеры и две сбруйки, сделанные из резинок, вроде тех, с помощью которых орнитологи цепляют на спинки перелетным птицам маячки для GPS-пеленгации. Правда, с легкими модификациями. Наши рюкзачки мы будем носить не на спинах, а спереди.

— Галочка, вы чем на спуск нажимать будете? Лапкой или клювиком?

— Клювом, конечно. — Мои лапы во время полета сжаты в «кулачки», что-либо делать с их помощью мне очень неудобно — все равно как в человеческом Облике сгибать мизинец, не сгибая безымянный. Это только хищники могут в полете орудовать лапами, орлы или там совы.

— Тогда нет проблем. Вот большая кнопка, на торце — включение, это спуск, а это зум. Хотя он нам не понадобится.

— Понятно.

— Учтите, будет трудновато поймать момент, мы ведь не сможем смотреть в видоискатель. Это не критично, от объектива до глаза сантиметров пять, а снимаем мы с большого расстояния, — что-нибудь да попадется. Главное, нужно четко держать горизонталь, — Рязанцев показал ладонями, — иначе кадр уйдет в сторону. Ну, это с опытом приходит. Думаю, вы справитесь.

— Я тоже так думаю, — заявляю нахально.

— Что ж, в таком случае вперед. Лэдиз фёрст...

Как, прямо так сразу?.. Ну, а с другой стороны, чего тянуть?

Мир исчезает во вспышке. Встряхиваюсь, перелетаю с пола на стол... Кхм, неувязочка. Нескромный вопрос: как я теперь это надену?

— Галочка, я вам уже говорил, что в Облике вы очаровательны? — с невинным видом поинтересовался Рязанцев, будто и не заметивший моей растерянности.

— Спасибо на добр-ром слове, — ответила я как могла любезно. — Что дальше делать?

— Позвольте, я вам помогу.

Рязанцев взял одну из камер, растянул пальцами ляпочки. Я растопырила крылья, как орел на монете, он рассмеялся и показал руками: протяни, мол, вперед. Пальцы у Святослава Николаевича всегда ледяные, одно слово — запойный курильщик. Но очень ловкие. На моих крыльях ни перышка не заломилось. И никаких фамильярностей с Обликом, вроде как погладить меня-галку по голове, он себе не позволяет. Кокетничает только на словах.

Как пелось в одной песенке, популярной во времена молодости доктора Рязанцева, «мне известна давно бескорыстная дружба мужская». Ага, распрекрасно я знаю эту дружбу. Сначала чисто духовное общение двух свободных людей, потом есть хочется, потом переночевать негде, а там, глядишь, начинается деликатное выяснение, не тяжело ли мне одной с ребенком и не планирую ли я снова выйти замуж... Нет, дорогие друзья и соратники. Не тяжело и не планирую. (По крайней мере до тех пор, пока со своими планами не определится Летчик Ли.) Но дядя Слава — это другой случай. Он ко мне относится по-отечески. Вернее, по-учительски. И попрошу без комментариев, господа гусары! Бывают ситуации, бывают обстоятельства... В общем, мне с ним легко и спокойно.

— Ну вот, а я, пожалуй, сегодня буду весь в черном... (Синеватая вспышка)... Р-ради прекр-расной спутницы.

Черный гляцевый грач с белым, будто лайковым клювом действительно выглядел очень элегантно. Особенно когда подхватил клювом лямки и двумя быстрыми движениями натянул их на крылья. Вот этому, пожалуй, я еще не скоро научусь...

Мы оба, сначала грач, потом галка, вылетели в открытое окно, в слепящую дымку осеннего солнца.

Кто-нибудь знает, почему в межсезонье, весной и осенью, около дня равноденствия всегда так пахнет морем? Где бы ни находился ваш город, но в эти дни запах первых опадающих листьев и озона, запах талой воды время от времени перемежается самым что ни на есть неподдельным морским бризом, отчетливым до галлюцинации ароматом водорослей на мокрых камнях, и тяга к странствиям сжимает сердце, и острое шило колется сами знаете где... Мы, галки, — птицы не перелетные, городские. Но кочующие, склонные иногда собираться в стаи. А что сейчас испытывают оборотни перелетные — могу только гадать. И сама не знаю, завидовать им или нет. Хотя грач у Рязанцева — не основной Облик. Он вяхирь, а голуби в городах чувствуют себя как дома.

Я сразу понимаю, что грачом он обернулся не только ради возможности переговариваться на лету по-человечески. Грач все-таки существенно побольше голубя. А портативная мини-камера размером с сувенирную колоду карт — для человека, конечно, и в самом деле портативная. Будь она у меня в руке или в кармане, она бы просто исчезла при смене Облика. А так... одно слово: рюкзак. Ощущение неприятное и непривычное, но деваться некуда.

Съемка города с высоты — давнее увлечение Святослава Николаевича. Еще с тех времен, когда камеры были большими, и в птичьем Облике он мог только подбирать ракурсы и выискивать объекты. А потом, уже обернувшись человеком, с риском для рук, ног, головы, аппаратуры и личной свободы лез на какую-нибудь пожарную лестницу — и старался запечатлеть то, что видел глазами птицы. Но как только появились портативки, он освоил тот метод, с которым теперь знакомил меня.

Конечно, никакой конкуренции Яну Артюс-Бертрану, создателю непревзойденной серии фотографий «Мир с высоты», мы с Рязанцевым составить пока не можем. Даже

Рязанцев, а тем более я. Чтобы таскать в поднебесье такую камеру, как у француза, надо быть либо летчиком, либо кондором. А мыльница — она и есть мыльница, о высокохудожественных снимках на бреющем полете мечтать не приходится. Но Рязанцев берет сюжетностью и загадочностью. Как можно снять верхушку Останкинской телебашни с расстояния метров в десять, если ты не собираешься снести ее самолетом? Как запечатлеть изнутри стаю галок и их зыбкие тени-отражения в позолоте церковного купола?.. Такие и другие подобные картинки время от времени появляются на одном популярном в России фотосайте. Автор, некий Slava_The_Pigeon, скупно благодарит за комплименты и почти никогда не отвечает на вопросы. Не по причине конспирации и не потому, что не знает, чего бы наврать. Просто Святослав Николаевич утверждает, что не видит в интернет-общении ни пользы, ни удовольствия и не в его возрасте привыкать ко всяким глупостям. Пускай думают, что в Москве завелся спутник-шпион с моторчиком.

Впрочем, картинки-то он выкладывает. И я на девяносто пять процентов уверена, что комментарии поклонников читает внимательнейшим образом, а то и по два раза.

Листья тополей, жесткие и кожистые к осени, блестели, будто маленькие зеркальца. Желтая проседь в шевелюрах берез день ото дня становилась гуще. Мы летели, как договорились заранее: над улицей Вавилова, от бывшего рынка к институтским кварталам.

— Не тор-ропись! — крикнул грач. (В Обликах мы по традиции друг с другом на ты, и это вполне разумно.) Я послушно перешла на парящий полет.

Мир глазами птицы... как это рассказать тем, кто не летает? Вот, допустим, ты плавно набираешь высоту. Горизонт стекает вниз, будто глазурь с кулича, круг земной и в самом деле становится кругом, немного выпуклым в центре, края заволакивает голубоватая дымка, а в картине города, трогательно богатой мелкими деталями, все яснее проступает топографическая карта.

И другое дело, когда летишь низко. Пахнущие гудроном прямоугольники крыш — прямо под тобой, а кругом зеленая пена древесных крон. Нам трудно бывает объяснять нелетучим приятелям дорогу по Москве: один и тот же дом для них шестиэтажный и желтый, а для нас — в виде буквы Н и зеленый, по цвету кровли... Дворовый асфальт высушен бабьим летом до бледно-серого. А полосы шоссе — темные, будто влажные, глянцевые от шин, и по ним бегут зеленые, синие, вишневые лакированные чипы автомобильчиков, проползают под волосатыми линиями трамвайных проводов... Так, ну а что бы снять-то? Какие там внизу сюжеты, какие ракурсы и композиции?.. Ничего не соображаю, чему учили — все забыла.

Грач-Рязанцев поднялся повыше, заложил широкий вираж, будто коршун в поисках падали. Я последовала его примеру, стараясь не занимать его воздушный коридор. Подумала мельком, что в глазах окружающих птиц наша парочка, наверное, выглядит странно. Большие смешанные галочье-грачиные стаи — явление распространенное, а вот чтобы вдвоем?..

Прямо под нами детский сад. Серый брусочек здания, чахлые кустики, красно-бело-фиолетовые брызги клумб, полосатые шиферные крыши веранд, желтые квадраты песочниц, игровые площадки, стоптанные детскими ножками в белую пыль — или пустые, заросшие травой. На одной из площадок разноцветные конфетти сгребли в кучу — детишек куда-то поведут. Медные кудри и могучий заливистый голос воспитательницы, профессионально зычный голос, хорошо слышимый даже птицам в небе: «Дима! Дима! Ну-ка вылезай! Да что же это такое?!» А, вон где Дима: кепочка-шестиклинка, белая с синим, позади веранды, у стенки, кажется, специально спрятался... Опомнившись, клюю кнопку у себя перед грудью. Рядом смачно щелкает камера Рязанцева.

— Молодец, соображаешь! — похвалил он меня и снова взял курс на северо-восток. Я — за ним.

С такой высоты уже видны крыши престижных домов вдоль Ленинского проспекта, фигурка Гагарина на верхушке стелы, и еще дальше, в солнечной дымке — зелень Нескучного сада, «дом с мозгами», он же новое здание РАН. (Странное нечто на его

верхушке, сверкающее самоварным золотом, действительно напоминает парадный комплект мозгов для квадратной головы. А что помещается в этих мозгах, вы знаете? Ну да, под ними — кабак, это известный факт, а вот в самих мозгах? Э-э, никто не знает. Или почти никто.) Купола Андреевского монастыря, радостный блеск реки... Но снимать вид вдаль я еще не умею, для этого надо резко повернуть вверх и очень точно поймать момент. Да и не вытянет мини-камера такое расстояние. Ладно, полюбуюсь бескорыстно.

Под нами теперь проплывали институтские улицы между Вавилова и Ленинским проспектом. Крыши уже не гудронные, а двускатные, ржаво-красные либо изумрудно-зеленые, отсвечивают матовыми гранями. Исчезли детские садики и магазинчики — сплошные заборы, купы кустов да косые тропинки через газоны к дыркам в заборах, по которым ученые ходят друг к другу в гости пить чай. Вот параллелепипед коричневого цвета, похожий на ржаную буханку, а за ним, кажется, внутренний двор...

Меня ударило в плечо, так сильно, что я едва не перекувырнулась. Я даже не поняла, откуда они взялись. Отчаянно замолотив крыльями (гадская камера!), еле успела увернуться от следующего удара: жесткий черный веер с размаху смазал меня по клюву. Две вороны атаковали нас с такой злостью, будто мы покушались на их гнездо и самых красивых в мире воронят. Опухли, что ли, какие воронята в сентябре!!! Поубиваю придурков нафиг!

Я со всей ярости заорала, призывая на помощь окрестных галок: чердаков здесь полно, должны же у меня тут быть родичи! Против воздушного боя с воронами я ничего не имею. Особенно если он правильно организован, то есть на одну ворону приходится четыре-пять галок. Иначе нечестно: у них превосходство по массе. Но Рязанцев, само собой, не мог подвергать даму опасности.

— Каа, крраа! — И тут же «перевел»: — Галочка, чер-рт с ними, уходим!

Как скажете! Инструктора надо слушаться, хотя, конечно, жаль.

— Может быть, и вправду воронят защищали — лето было долгое, иногда они по осени делают второй заход. Наверное, там, в ИМЭФе, гнездятся, на чердаке. Да кто их знает, Галочка, что у них в голове, — весело ухмыльнулся Рязанцев, наливая из кофеварочной колбы благоухающий настой в две золотые «гостевые» чашечки, похожие на цветы из папиросной бумаги. К изысканному кофе полагались простецкие сушки, маленькие и хрупкие, будто безе, — другой выпечки в доме не нашлось. Он вообще редко покупает хлеб и хлебобродукты, не любит. Чернослив в шоколаде я принесла с собой.

Мы уже слили наши фотографии в компьютер, я списала свои на флешку. Святослав Николаевич был ко мне очень добр, даже перекосяченную перспективу чуть ли не на каждом втором моем кадре комментировал деликатно: «Это вы в повороте снимали, при поворотах всегда легкий крен». Да-а, если судить по моим фотографическим достижениям, летаю я не прямо, а крупным зигзагом, примерно как наш сосед по площадке в пятницу вечером! Ни кадра без поворота.

— У них бывают приступы агрессивности. Ну вот такие они дуры, когда выпьют! Опять-таки, грачей вороны недолюбливают — так сказать, поналетели всякие в нашу Москву... Спасибо, камеры целы.

Я покивала, соглашаясь. Как хорошо известно каждому оборотню, то, что животные якобы не сходят с ума и не совершают бессмысленных действий, — кабинетная выдумка. Аппаратура цела, крылья унесли, и отлично. Охота была с хулиганьем связываться.

— Не знаю, кем-кем, а вороной не бывала. Даже и представить не могу, хау ит из ту би крау...

Рязанцев рассмеялся, я тоже. Статью под названием «Каково быть летучей мышью» несколько лет назад опубликовал в одном знаменитом журнале один зарубежный ученый (обойдемся без имен). Статья наделала шуму в научном мире. Смысл ее состоял в том, что человек может разобрать летучую мышь по косточкам и перепоночкам, выделить из нее все химические вещества, прочитать все гены, смоделировать на компьютере эхолокацию — но тонкая и неуловимая психика животного навсегда останется тайной. Потому что не дано

человеку понять, как это — спать вниз головой и по отражению ультразвука находить в темноте летящего мотылька. Естественно, уважаемый автор статьи даже в шутку не предлагал спросить об этом у оборотней. Ученые в нас не верят. Кроме тех ученых, которые сами оборотни.

Кто любит книжки и фильмы про животных, тот, наверное, в курсе, что птицы могут ориентироваться с помощью магнитного поля и что магниточувствительный орган у них находится в голове. Опыты, в которых это установили, делались в 70-е годы на перелетных птицах и голубях. Так вот, одним из тех голубей был Святослав Николаевич. Работал он вместе с американской группой, что само по себе было удивительно: в те времена — совместный проект с потенциальным противником! Однако Лоуренс, тамошний его коллега (в обоих смыслах: биофизик по профессии и голубь по Облику) нажал на какие-то мощные рычаги. Рязанцев уехал, по его собственным рассказам, легко: без шума и пыли. Ну, правда, тогда он еще не был разведен...

Честно скажу: восхищаюсь работой, которую они проделали! Это только кажется, что оборотню легко: надел магнитонепроницаемый шлем на голову, полетал, обернулся, записал впечатления... Магниточувствительный орган у меня самой есть, и польза от него огромная. (Именно поэтому в человеческом Облике я себя чувствую страшно беспомощной, не могу сориентироваться даже по нормальным, видимым приметам, не говоря о картах, — в качестве человека я законченный топографический кретин.) А спросите меня, как он работает, отвечу — не знаю как, но работает! Просто, когда я галка и хочу понять, в каком направлении лететь, мир вокруг меня... ну, типа... не то чтобы поворачивается, а как бы находит направление. В нем появляются какие-то «там» и «тут». Или же все становится неоднородным. Как рифленая поверхность или кусок алтаса, когда по нему ведешь пальцем: вдоль — гладко, а поперек — не сдвинешь. Только это не осязание, а как бы внутри меня, но и снаружи тоже. И, конечно, не на плоскостях, а вокруг, вообще. Ну, или представьте себе, что к северу становится светлее — словно там у горизонта висит второе солнце, хотя это не свет...

Понятно объясняю? Сама вижу, что просто срам, а еще журналист, художник слова. То, что они с Лоуренсом смогли отыскать рациональное зерно в этом бреде, понять, какой механизм за этим стоит, — настоящий подвиг. Ну, вообще-то голуби известные специалисты по отыскиванию зерен.

— Как у вас в лаборатории дела? — задала я самый главный вопрос. — Я имею в виду — по закрытой теме...

Обычно Святослав Николаевич после этого вопроса оживляется и в продолжении получаса рассказывает мне, как у них дела. Но в этот раз он, прежде чем ответить, потащил из кармана свою омерзительную «Приму» (где он ее берет в XXI веке?!), вытянул до половины папиросу, вздохнул и запихал ее обратно. И только потом сказал:

— Ник от нас уходит.

— Ничего себе... — Я в самом деле удивилась: от Рязанцева сотрудники не бегали, тем более из так называемой закрытой темы. — Куда?

— А пес его знает, — с ожесточением сказал Рязанцев. — Какой-то коммерческий проект, какая-то фирма... Наговорил кучу слов, крутил-крутил хвостом, а чем будет заниматься, толком не объяснил. Стыдно, наверное.

— И провались он, — не слишком политично рыкнула я. — Вы же сами говорите: если человек уходит по своей воле, оставшиеся ничего не теряют.

— Это в теории, Галочка, — вздохнул Рязанцев. Глянул на кофейную гущу в чашке и снова полез за «Примой». — Это в теории. А на практике мне надо кого-то искать на его место, у нас рук не хватает.

— Найдете!

— Ох, постараюсь.

Мой оптимизм был, мягко говоря, неоправданным, зато пессимизм Рязанцева — вполне обоснованным. Заинтересовать молодого специалиста ему было бы нетрудно, денег в обоих

его проектах хватало. Обучить новичка — тоже дело не очень долгое, практически все эксперименты велись на стандартном оборудовании. Проблема только в одном: сотрудник проекта должен, во-первых, быть одним из нас, а во-вторых, иметь высшее биологическое образование в очень специальной области. Подозреваю, что всех таких людей Рязанцев знал лично. Если не всех в мире, то в Москве — наверняка.

— А если вам дипломника взять? — выдала я свежую идею. — Среди студентов, может быть...

— Искал, пока нету. В университете обе кафедры биофизики, биоинформатика, даже в медицинских вузах смотрел — нету.

— По нашей базе смотрели?

— Маруся смотрела. Такое впечатление, что вообще ни одного перевертыша с годами рождения с восьмидесятого по девяностый!

— Ну, такого быть не может! Дети-то есть...

Я попыталась припомнить детей-студентов в знакомых семьях. Настя Матвеева... Эх, бестолочь ты, Галина Евгеньевна, ничего не сделала, что собиралась, в базе пошарила — и отвлеклась. То про амёбу двоечникам излагала, то по мужикам бегала! Курица без мозгов.

— Наверное, просто в биологию никто из наших не пошел.

— Наверное, — Рязанцев снова вздохнул и свирепо забычковал недокуренную папиросу прямо в полупрозрачной серединке блюда.

Ну, Ник, попадись ты мне! Сколько же, интересно, ему посулили в этой фирме?! Свинья неблагодарная.

...После возвращения из Америки, на гребне славы, Рязанцев легко получил лабораторию под модную тему и продолжал изучать функции мозга животных, отсутствующие у людей — особенно те, что связаны с ориентировкой в пространстве. Сначала все шло хорошо, весело и интересно. А потом... сами знаете, что потом. В начале 90-х, когда российская наука подавала явные признаки смерти, их лаборатория оказалась последней в очереди на раздачу материальных благ: тут, мать-мать-мать, медицине с прикладной химией не хватает, а вы с птичками-рыбками! Полуофициальные покровители оборотней в белых халатах тоже разводили руками: душевно рады бы, да вот обстоятельства, потерпите еще полгода, а там, может быть... Но в науке, как и везде, кто не лезет вверх, тот падает вниз. Рязанцев тогда сказал моему папе (я была еще мелкой и как собеседница не котировалась), что он отвечает за своих сотрудников, что многих из них он сам заманил в эту безденежную область, в то время как они могли бы торговать китайскими пуховиками и горя не зная, что до Бога высоко, до президента далеко, до американского — еще дальше, и он, Рязанцев, все берет на себя. Мой отец тогда здорово на него наорал.

То, что было затем, объясняет и «Приму», и сиротские сушки, и прочие умильные привычки доктора Рязанцева. Как сказал один из героев Искандера, кто был бедным и разбогател, еще сорок лет чувствует себя бедным. Святослав Николаевич в течение почти двух лет был таким бедным, каких и в страшных фильмах про недоразвитые страны не показывают. В институте он проводил по восемь-десять часов, осунулся, пожелтел, тогда же, по-моему, и седина у него появилась. Квартиру сдал какому-то иностранному спецу, чья компания открыла в Москве филиал. А сам ночевал на чердаке своего же дома в голубином Облике. Спал, читал литературу, надклеивая страницы вместо пометок. Иногда вылетал поразмяться. Покупал раз в четыре дня батон хлеба, раз в месяц — упаковку птичьего корма и витамины. В институте обедал на помойке (и я не уверена, что ее содержимое в те годы радикально отличалось от меню столовой). На сигареты, конечно, приходилось тратить, на ту самую «Приму», — без курева голова не работала. Закупался у лоточниц. Не воровал, хотя голубю это было бы — раз клюнуть. Но не позволял себе.

Помню, как мама насильно усаживала его за стол, кормила макаронами с самодельной тушенкой, а потом плакала на кухне, шипя сквозь зубы слова, которых мы с сестрой и Машкой никогда от нее не слышали... Таким манером, откладывая зарплату, которую нормальные нищие ученые того времени тратили без остатка, плюс долларовую плату за

квартиру, Рязанцев скопил на мощный компьютер — и поставил это чудо техники в лаборатории. Таким же манером приобретались реактивы и оборудование.

Короче говоря, уже к середине 90-х его группа выкарабкалась из финансовой пропасти. Пошли гранты, молодые сотрудники начали ездить за границу (в том числе и предатель Ник). Официальная тематика была прежней: чувство магнитного поля, эхолокация и тому подобные вещи. А неофициальная...

Изучать оборотней с позиций науки — занятие безумное. Более того: нездоровое. Скомпрометированное в историческом плане. Понять тайну превращения человека в зверя или птицу, а там и сварить нужную микстурку, ясное дело, хотелось многим, начиная с халифа Аиста. Наиболее известные попытки такого рода в нашей стране предпринимали в 30-е годы, перед войной. Эксперименты велись в подвалах Лубянки, причем методы шли в ход самые что ни на есть... В общем, сегодня в среде оборотней отношение к подобным поползновениям неоднозначное, но скорее отрицательное.

И за всем этим невнятные слухи — дескать, возможно, дескать, были случаи, но уж больно высока цена и страшна расплата... Слухи не прекращаются с древнейших времен и по сей день. И среди наших, и среди нормалов — вон бизнес тренера Татьяны, мастерицы преодоления иллюзорных межвидовых границ, процветает же! Да и люди поумнее, скажем, наши министерские покровители, готовы щедро отстегивать на такие работы. Уж очень лакомый кусок — это во-первых. И как бы обратное зелье не открыли мимо них, чтобы не упустить момента взять под контроль и засекретить — это во-вторых. Так что без денег Рязанцев теперь уже не будет.

Я не очень верю, что это возможно. Если бы дело было в непомерной и страшной плате — на Лубянке вон были готовы платить и чьей угодно душой, и любым количеством жизней, а все равно ни хрена не добились. Называй это наукой или мистикой — или ты оборотень, или нет.

— Может, поискать среди каких-нибудь компьютерщиков? Мне нужно, чтобы человек мог заниматься обработкой данных, а эксперимент — дело нехитрое, кухонное, как-нибудь на всех разделим...

Поисками обратного зелья Рязанцев с коллегами не занимаются, они не психи. Они исследуют природу оборотничества: чем мы отличаемся от нормальных людей, почему не умираем, когда положено... Прежде копался в биохимии, делал томографию мозга в поисках Сути (но эта работа заглохла: очень много всего в мозгах, и те специалисты, которые продвинулись по этому пути дальше всех, предпочитают заниматься собственными исследованиями), теперь пытается зайти со стороны генов, благо теперь это проще, чем когда-либо. Берет кровь у себя и у помощников, в человеческом Облике и в других, сравнивает людей с другими людьми, голубей — с другими голубями... Все это, насколько я понимаю своим журналистским умом, здорово напоминает поиски иголки в стоге сена. Или даже не иголки, а одной отдельно взятой сухой травинки. С другой стороны, находят же другие исследователи нужные им гены — рыжих ли волос, или всяких болезней! А Рязанцев не остановится, пока не найдет. Дело не в деньгах, плевал он на деньги.

Над компьютером у него висит фотография в рамке. Старая, черно-белая, домашней печати. Две девочки, загорелые, с выбеленными солнцем волосами, в одинаковых цветастых сарафанчиках, старшая держит в ладошках голубя-вяхиря, младшая прижимается щекой к голому плечу сестры. Снимок недодержан, залит солнцем, и кажется, что это от солнца, бьющего в глаза, девчонки так улыбаются.

Теперь-то Лариса и Маргарита смотрят на папу совершенно по-другому. Как и бывшая жена Рязанцева, его дочери — нормальные люди. Собственно, поэтому он и живет один. Дочки уже взрослые, двумя-тремя годами младше меня. Обе замужем — тоже, конечно, за нормалами.

Все-таки до чего нам с Машкой повезло! Галка и котенок — это же в миллион раз легче и проще, чем голубь и человек.

Глава 9

*Если влезть на высотный дом —
все равно Москву не оглядишь.
Хоть сто лет просиди на нем —
ничего не видно, видно лишь.
Но зато мы все облазили тут,
хоть и нельзя —
и москвичами
нас назовут
не зря!*
Возможно, ранний Юлий Ким.

Все подростки мечтают лазить по крышам. А взрослые мечтают, чтобы они туда не лазили. И противоборство этих мечт не имеет конца.

Тегушку-инспекторшу, попади она на сегодняшний мой урок со столь относительной техникой безопасности, сто процентов хватил бы удар. Но она об этом ничего не узнает: согласно расписанию, уроки москвоведения проходят в Музее истории района либо на экскурсиях. Надо же как-то объяснить наше отсутствие в школе. Даже с учетом нашей специфики, официально урок на крыше нам никто не разрешит.

Можно подумать, я сама без ума от радости. Выпасть на высоте двадцатизэтажного дома десять подростков, то есть, пардон, девиц и молодых людей — ни почета, ни славы, одни нервы. (А ниже нельзя, иначе нас будет видно из других домов.) Да хоть бы и не на крыше — сомнительное это счастье. Габариты у них, как у взрослых, а толкаются и машут руками, как детсадовцы. Сосредоточиться им трудно, а смеяться готовы надо всем: хоть мудрость, хоть тупость, хоть бородатый анекдот или просто в рифму пришлось. Хорошо еще, если они строгого учителя побаиваются. А строгий учитель — это я, прошу любить и жаловать.

Пока их было не десять, а восемь. Мы поджидали двоих опоздавших. Кто-то уже обернулся, кто-то нет. Трое мальчишек сосредоточенно мерялись мобильными телефонами: давили на кнопки, разглядывали под разными углами, как ювелир — бриллиант редкой огранки, и громче, чем нужно, произносили слова «блютус» и «камера». Митя Баранов — весь из себя такой красавчик, выбеленные складочки под коленками джинсов, графичная блондинистая прическа — фотографировал остальных двоих и сливал им фотографии. Четвертый мальчик, ворона, барражировал над группой хихикающих девочек и вопил мультяшным сиплым альтом:

— Я-а — спутник Гу-угель! Вижу все-о-о! И все фиксир-рую! Пр-ролетаю над Ивановой... вау, какая блузка! Па-атр-рясный вид свер-рху!

— Симаков, ты дурак?! — проорала в ответ польщенная Алла, ее подруга изобразила, что стреляет из рогатки.

Фигура Речи была вычерчена тут же, белой краской прямо на асфальте крыши. Поэтому говорить у нас смогут все, не только врановые. Не оборачиваться же каждый раз, когда захочешь что-то уточнить у учителя. На московских крышах, да и не только на московских, написано и нарисовано много интересного. Такого, что хорошо видно с высоты птичьего полета, но неразлично с улицы.

Наконец появились двое раздолбаев-сизарей, торопливо обернулись и залепетали оправдания. Слушать я не стала.

— Обсудим позже, у нас мало времени. Точнее, у вас.

На крыше моментально стало тихо. Ребятки собрались вокруг меня в ожидании руководящих указаний. Первое практическое занятие — не хухры-мухры. Причем не в центре — Кремль, Большой театр и фонтан ВДНХ найдет и старая лесная сова — а тут, вокруг школы, где архитектурные памятники не выручат, потому что их нет. Тут надо знать карту. С виду узнавать улицы, потому как таблички с названиями и номерами домов

имеются лишь на очень немногих крышах.

— Я полагаю, теорию все усвоили. Общий вид округа сверху, названия улиц. Основные достопримечательности, видимые с высоты полета. Про соотнесение с севером-югом не говорю, это уже должно быть на автомате.

Группа застенчиво потупилась. Один Симаков ухмыльнулся.

— Сейчас каждый получит индивидуальное задание — да, каждому отдельный адрес, Алла, и не надо так пугаться. Стаей за вожаком летать все умеют, а сейчас я хочу посмотреть, как каждый из вас усвоил материал.

Я вынула из кармана маленькую плоскую картонную коробочку от швейцарской шоколадки. Коробочка для моей цели подходит как на заказ: и закрывается плотно, и ленточка есть, чтобы хватать клювом.

— Алгоритм действий у нас будет самый простой: летите по адресу, находите вот такую коробочку, приносите мне. Получаете пятерку. Или четверку, если не уложитесь в двадцать минут. Тот, кто провозится больше получаса, остается с тройкой... ну и так далее. Все ясно?

— А далеко... адреса? — спросил один из сизарей.

— В пределах округа, — успокоила я. — Только закрепление пройденного, ничего более.

— А можно уткой лететь?

— Кем?

— Ну, то есть селезнем?

— Нельзя, — ответила я. — Мы сейчас отрабатываем типичные для Москвы виды.

— Утки зимующие, они в Москве остаются!

— А кроме того, — невозмутимо закончила я, — уже начался сезон охоты.

— И если осталось всего две утки, как собг'аться в большой косяк? — печальным голосом спросил Симаков. Девчонки опять захихикали.

— Ну ладно, полечу вороной, — проворчал владелец «нокии».

— Если все понятно, приступаем. Алла, начнем с тебя.

— Ой... — Алла Иванова заморгала богато накрашенными ресницами. На первое практическое занятие девушка нарядилась, даже на мой непридирчивый взгляд, немного чересчур... нет, формально все правильно — черный низ, белый верх... вот только черный низ состоит в основном из колготок, юбку такой длины можно не брать в расчет, а под белым верхом (трикотажным, со стразами) явно не хватает лифчика. При некотором избытке всего остального. Ну и выбеленные волосы пониже лопаток. По чердакам лазить — самое оно. Аллу я нарочно пускаю первой. Все равно прилетит последней, но хоть минута форы ей будет.

— Ничего не «ой». Перекресток улицы Красного Маяка и Кировоградской, памятник у северного вестибюля метро, прямо на темечке у одного из героев. Вперед!

Остальные девицы (и кто-то из парней) завистливо взвыли. Симаков показал красавице «о-кей». Сама Иванова, однако, не оценила свалившегося на нее счастья. Голова у барышни — натуральное решето. Зачем учиться летать над городом, извозчик довезет куда надо. В смысле, папин шофер. Сдается мне, и Кировоградская, и северный вестибюль для нее китайская грамота. Не пользуется она метро. Ну, может, хоть памятник найдет. Надо же с чего-то начинать. А то, случись что-нибудь, потеряется над Москвой, как последний волнистый попугайчик. Будет потом папа — министерский работник искать дочку-ворону...

Каблучки Аллы опасливо зацокали к Фигуре Речи (ага, и обувь самая подходящая!). Для нормалов, не увлекающихся наблюдением за птицами, все вороны на одно лицо. На самом деле ворона Алла — это совсем не то, что ворона Сева. Небольшая, изящная, нисколько не взъерошенная, черные перышки отливают металликом, и даже, клянусь, коготки на лапах накрашены!

Алла отбыла, я вызвала следующего. Тут много зависит от того, как даешь вводную. «Памятник»- это уже подсказка, его сверху видно. Это только кажется, что птице

перемещаться по Москве очень просто. То есть перемещаться-то просто. Ориентироваться сложно, особенно без привычки.

— Нахимовский проспект, остановка «Ткацкая фабрика» по направлению к «Университету», крыша ларька, где продают блины — далеко, но зато прямо... Мить, не боишься так лететь? Поскромнее у тебя наработки нет?

— Не боюсь, не боюсь, — проворковал ослепительно-белый голубь с коралловыми лапками и павлиньим хвостом. — Я высоко полечу.

Еще голубь, но обыкновенный, сизарь с белыми пежинами, потом ворона, он же селезень, потом собрат-галка... Было мне мороки разносить эти коробочки перед уроком! И нечего, дорогой, ужасаться напояз: фонарь напротив Института генетики — задание почти такое же легкое, как и с памятником, и оторвать клювом от колпака фонаря коробочку, прикрепленную скотчем, — плевое дело. Особенно по сравнению с тем, как я его приклеивала.

Напоследок я оставила Симакова. Кто у нас самый умный, тому особое задание. Я сделала вид, что размышляю над вводной. Он сделал вид, что смущен и волнуется. А именно повесил нос на сторону, сцепил руки в замок и зашаркал кроссовкой.

— Ну что, Сев, порадуй меня, — сказала я, стараясь не засмеяться. — Перелет через железную дорогу и промзону, южнее платформы Коломенское, молокозавод, крыша проходной.

Парень просиял и ушел во вспышку.

Да, вообще-то могла бы догадаться. Для этого малого что молокозавод, что мясокомбинат — не проблема.

Казалось бы, теперь у меня настало свободное время — сиди, Галина Евгеньевна, любуйся солнечным деньком, жди учеников. Сидеть и любоваться не получалось — только ждать. И думать: а если бестолковая Алла умудрится не найти статуи, или коробочки на бронзовой башке, или дороги обратно, а если ретивый голубятник из тех, что еще остались в Москве, подманит и поймает породистого красавца-голубя, а если на молокозаводе водятся кошки?..

Кто бы сомневался — вопрос с молокозаводом разрешился первым. Даром что вылетел Севушка последним.

Черные крылья несли его стремительно, почти как ястреба, — ну как же, вдруг кто-нибудь его опередит! Коробочка выпала из вороненого клюва прямо мне в руки, я едва успела подхватить, и солнечная, бело-желтая вспышка ослепила глаза.

Я откинула картонную крышечку, вытащила сложенную бумажку, где было написано моей рукой: «Симаков — зачёт». Точнее, «зачОт»- жирная буква «о» вставлена в последнее слово синим фломастером. Хотите сказать, он еще и обернуться успел по дороге?! Или вороньей лапой держал фломастер?

Я засмеялась и отдала ему коробочку. Севка вытащил шоколадный квадратик в фольге и галантно протянул мне. Черные патлы густой штриховкой перечеркивают черную бровь и черный глаз — ох, вряд ли это креатив, скорее, просто лень стричься. Горбатый нос, большой улыбчивый рот... подрастет, станет красавцем, а пока смешной. Наталья однажды увидела, как мы с Симаковым сидим в «Перелетном Чердаке», и долго потом мне начитывала про ранимую психику подростков и про то, почему нежелательна влюбленность в учительницу. Ерунда. Наталья знает не хуже меня, кому отдано Севкино сердце. Нехитро заметить. Он потому и болтает со мной, а не с Ней, что меня, взрослую, не боится. А в Ее присутствии немеет. Или дуреет и отпускает плоские шуточки.

Сева Симаков — выдвиженец. Помню его маленьким: очень серьезный и безмерно обаятельный — чему нимало не мешали вечно взъерошенные вихры и кошмарный лексикон (выдвиженцы устойчивее к мату, чем оборотни-люди, до них семантика плохо доходит). Когда будущий Севушка попался на глаза Сереге, он был одет куда приличней, чем тот щенок, которого давеча нашли мы с Машкой. А подрабатывал в человеческом Облике

раздачей листовок — крохотный шкет, явно младше школьного возраста. Интеллект и предприимчивость московских ворон иной раз просто не умеются в уме! От милиции спасался в вороний Облик, в один из таких моментов его Серега и засек.

Воронят в Удельном обычно называют Петрушами, а кому сильно не повезет, того Карлушами. Почему этот найденыш оказался Севкой, я не спрашивала. Может, от Северного Бутова? А фамилия у него — от приемных родителей. Бездетная пара, оба врановые, забрали его к себе с семи лет... гм, насколько можно в случае выдвиженцев говорить о возрасте человеческого Облика. В общем, десять лет назад. Они были первыми из наших, кто решился повернуть полную официальную процедуру усыновления. И, насколько я знаю, последними. Усыновление вообще не самый простой юридический квест, а уж если у ребенка начисто отсутствуют какие бы то ни было документы о первых предположительно пяти годах жизни... Видимо, начальникам трудно смириться с мыслью, что часть детей в Москве возникает как бы из ниоткуда. А предоставить подлинные сведения о биологических родителях Сева не сумел бы даже Серега: нельзя же вписать в документы, что проживают они, вероятно, в Битцевском лесопарке, а жилищные условия у них — гнездо. Здесь у нас в законе белое пятно, сюда не простирается толерантность властей к оборотням. Документы мы должны получать как люди. А то мало ли какое животное захочет человеческих прав...

Кто знает, насколько бы это затянулось, но вот тогда-то мне и пришло в голову обратиться к Лебедеву из «Утра России». У ворон в обычае защищать птенцов, и никакая политическая ориентация этого изменить не может. После его статьи о том, как кровавый антинародный режим не только плодит беспризорников, но и мешает им найти новую семью, дело сдвинулось с мертвой точки. Кажется, даже взятки давать не пришлось. Но с этих пор в Удельном стараются любым способом выправлять найденышам липовые документы...

Я честно разломала шоколадку на две дольки и одну вернула Севке:

— Ешь-ешь. Летал быстро, энергию потратил.

— Галина Евгеньевна, я молодец? — ревниво поинтересовался он. — Пять с плюсом?

— Пять с плюсом, и хвалите его еще, хвалите! Сев, если бы у тебя были такие успехи и по другим предметам, ты у нас был бы гордостью школы.

— Я бы и сам так хотел, — протянул Симаков. И уточнил, ухмыляясь: — Чтобы и по другим предметам ничего не делать и пятерки получать. Особенно по алгебре и литре.

Я фыркнула. Ничего, голубчик, на алгебре для разнообразия поработаешь. И «Евгения Онегина» прочтешь, не заболеешь. А ты думал, быть человеком — это сплошные плюшки с пряниками?

— Сергея Вадимыча давно видел? — спросила я. Надо бы и мне, на самом деле, позвонить Сереге, узнать, как там у него наш с Машкой найденыш.

— Вчера, — с гордостью ответил Сев. — Сам к нему летал.

— В Удельное?

— Не, домой. У них там стряслась какая-то ж-ж... — Симаков запнулся и скромно перевел: — Шит хэппенз.

— Где, дома?

— Да нет, в интернате. Я не совсем понял, но вроде у него из младшей группы кто-то пропал.

— Как — пропал?

— А как, никто не знает. Вроде прямо несколько их исчезло, которые в одной комнате жили.

— Вроде?

— Ну... типа.

— То есть Сергей Вадимович так не считает? Что конкретно он тебе сказал?

Симаков скорчил рожу, которая, по-видимому, означала, что лично ему вообще никто ничего не говорил, а каким образом он получил эту информацию, он не готов мне сообщить. И тут же встрепенулся, и вместо ответа указал пальцем в небо:

— О, смотрите, Кравченко летит! Второй, блин!

За Кравченко появились и другие. В двадцать минут уложились две девицы и один парень. Еще четверо потянули на четверку. Недоставало Мити Баранова и Аллы Ивановой.

Время тикало, урок близился к концу. Я посмотрела на часы. Кравченко-селезень что-то пробормотал, несколько человек засмеялись. А Севка не засмеялся. Он был откровенно мрачен.

— Так, — сказала я. — Все остаются здесь, никто никуда не идет и не летит. К краю крыши не подходить, вообще никак перед нормалами не светиться. Володя, ты остаешься за старшего, а я полетела за нашими двоечниками.

— Можно, я с вами? — встрепенулся Симаков.

— Нельзя.

Чего и следовало ожидать... Коробочка Баранова осталась на месте (сомневаюсь, что он вообще летал в ту сторону), зато коробочки на голове у статуи больше не было. Кружить над окрестными кварталами мне пришлось недолго. А. и Б. сидели на трубе. На большой, квадратной в сечении вентиляционной трубе. В человеческом Облике сидели. Металлическая конструкция угрожающе поскрипывала. Черные Аллины колени были целомудренно сомкнуты, каблучки подломились — с ногами такой длины неудобно сидеть так низко. Вообще-то обниматься, сидя бок о бок, в любом случае неудобно, но понимание этого приходит только с опытом.

Забыла уточнить, что для посиделок парочка выбрала кирпичный домик в пять этажей, в старом квартале. Видно их было буквально отовсюду. И не только, скажем, мне, а и всем интересующимся на верхних этажах соседних домов. Но, похоже, такие мелочи их не беспокоили. Меня они вообще не заметили.

А я с удивлением поняла, что обижаюсь за Симакова. Променяла, называется, черна ворона да на бела голубя! Ладно, не ворона, а подлетка-ворону, но все равно — можно подумать, сама-то вся из себя горлица... С другой стороны, Севушкину манеру ухаживать трудно назвать неотразимой. Романтическая компонента у него недоработана, гламуру недостает. И вот результат.

— Та-ак, — каркнула я. Они шарахнулись друг от друга, Алла одернула свою так-называемую-юбку, Баранов пригладил волосы. — Обоим незачет и пер-ресдача. Обернулись и быстр-ро за мной.

Надо будет с Натальей посоветоваться, думала я, пролетая над Варшавским шоссе. Что полагается правильному педагогу делать в таких случаях? Шутки шутками, но могут быть и дети...

Глава 10

Ворон и ворона — нечистые и злоеющие птицы. Как и другие птицы семейства врановых (галка, грач). они объединены сходными поверьями и названиями. Воронье, гайворонье, гай, галь, галье, чернь — собирательные названия всех этих птиц в целом... Для поверий о Вороне характерен мотив кражи.

Словарь славянской мифологии

Выходные прошли лучезарно. Мы с Машкой валялись перед телевизором, играли во всякие игры, гуляли бесцельно, но при этом увидели много всего смешного и интересного. По вечерам я писала свою понедельничную колонку в номер. И так в этом преуспела, что понедельник у меня снова оказался почти свободный. По крайней мере, первая половина дня.

Ничто не предвещало беды. Я отвела Машку в школу, прилетела домой и, очень довольная жизнью, устроилась на кухне — позавтракать йогуртом и булочкой с корицей, разогретой в микроволновке, попить кофе, пока машина стирает белье.

Есть только одна вещь, которая может отвлечь меня от компьютера. Нет, не телевизор, куда ему. И даже не видео с последним модным фильмом — мой любимый форум все равно

интереснее, не говоря о блогах. А вот иллюминатор автоматической стиральной машины, за которым кружатся в бешеной пляске мои с Машкой вещички, — это да! Машина живет у меня уже больше года, но я все никак не привыкну к этому празднику.

Мужчине не понять. Дочке богатых родителей не понять тем более. Только мы, те, кто ворочали красными руками с набухшими жилами десятилитровый таз, изобретали хитроумные схемы развешивания мокрого белья, чтобы не капало на пол и быстро сохло, мазали йодом стертые суставы на указательных пальцах и потихоньку плакали, когда видели, что у мужа опять кончились рубашки, а у ребенка колготки, — только мы знаем, что такое блаженство. Сесть на кухне с чашечкой кофе и созерцать Большого Белого Друга за работой. Покой и воля; неземное злорадство; чувство глубокого удовлетворения — все это слабые, неточные слова, не выражающие сущности дао. Эзотерический опыт не поддается пересказу, попробуйте сами — тогда узнаете. Так-то.

...Медитациям моим помешало пение мобильного. Наталка.

— Галочка, привет. Ты где сейчас, можешь говорить?

— Могу, я дома. Случилось что?

Голос у Натальи был такой, что мое сердце тревожно стукнуло. Обычно в ее телефонном голосе слышна улыбка, положенная капля теплоты для собеседника, как у всех начальников, достаточно умных, чтобы не приказывать. Теперь улыбки не было, зато хрипотца слышалось отчетливее: как будто вместо трех сигарет с утра высмолила полпачки.

— Да нет, пока не случилось. То есть... Галочка, у меня к тебе личная просьба. Ты могла бы сейчас прилететь?

Ага, как же, «не случилось»!

— Что стряслось-то?

— Не телефонный разговор, Галь.

Здрасьте! Паранойей на тему «молчи, тебя слушает враг» Наталка отродясь не страдала. Или ей так важно, чтобы я приехала? Но тогда...

— С Машкой что-то?! — Сердце стукнуло, кофе на языке стал горьким.

— Господи, Галка, да нет, извини, напугала тебя! С Машкой все в порядке. Просто твой любимый человек сюрприз нам всем устроил.

— Кто? Какой сюрприз?

Перед моим внутренним взором встала дикая картина: Летчик Ли на одном колене с букетом цветов перед Наталкиным креслом.

— Ну кто у тебя самый любимый человек? — В голосе начальства наконец-то послышалось знакомое ехидство.

— Ламберт, что ли?

— Ну так.

— И что он сделал?

Трубка вздохнула: говорят же тебе, не телефонный разговор.

— Галь... это долго объяснять. Прилетишь?

Долго, да неужели? Дольше, чем мне лететь до школы?

— Сейчас буду.

— Давай, дорогая, жду тебя. Форточку открыла.

...Нет, что с Машкой все в порядке — это хорошо. И что Ламберт где-то накосячил — тоже неплохо (ага, говорила же я вам!). Но что такого мог сотворить этот бывший спецназ, что Наталке срочно понадобилась я? Или хочет меня бескорыстно порадовать, поделиться увлекательной историей про «моего любимого человека»? Ох, слабо верится...

Наталья и выглядела неважно. Бледнее обычного, вокруг рта морщинки, даже черно-белые кудри у щек заметно поникли. Я спланировала на ковер (столы скользкие, того и гляди, проедешь вперед с разгону и свалишься), обернулась и выдала начальству подхалимский полупоклон.

— Привет, Наталка. Я вся внимание.

На самом деле объяснение ситуации заняло несколько секунд.

— Паша в запой ушел, — сообщила госпожа директриса трагическим тоном. — Пятый день.

Я молча нащупала позади себя кресло, села и взялась за голову.

Запой. Пятый день. Оборотень с такими данными и такой биографией, как у Ламберта. В Москве...

— Елки-моталки, да у него еще и квартира в центре?!

— На Тверской, — обреченно подтвердила Наталья. — Внутри бульварного кольца. Папа-генерал оставил.

Выловила из пачки очередную сигарету и алчно затянулась, вобрав щеки. Я напомнила себе, что не курю, — хотя запах дыма в эту минуту показался приятным и соблазнительным.

— Ну и... как он? Что-нибудь уже?..

— Я звонила Виктории Олеговне, соседке его, — начала Наталка. Я не удивилась: у нее были не только телефоны всех сотрудников гимназии, но и телефоны их ближайших родичей, а за неимением таковых — соседей.

— Он в четверг не пришел, сказал, что заболел. В пятницу тоже не появился. Телефон отключен, мобильный заблокирован. Соседка сначала застеснялась, потом рассказала. Он дома, ночью свет в квартире. Выходил два раза, покупал водку и пищевой минимум — хлеб, консервы. Глаза, говорит, стеклянные, а волосы странные, будто штукатуркой присыпаны. А соседи снизу жалуются, что у него что-то — все время — падает.

— Ты и с соседями снизу переговорила? — машинально поинтересовалась я. Серые волосы — это хреново. Ну а коли что-то все время падает, похоже, делирии в полном расцвете...

— Нет, они Виктории Олеговне жаловались, — объяснила Наталка и глянула на меня в упор.

— Так. И чем я могу помочь? — Я постаралась, чтобы в моем голосе не прозвучало ни малейшего энтузиазма. Ну в самом деле, что может слабая женщина, она же мелкая птица из семейства врановых, против спецназовского вервольфа, или кто он там теперь?! Я уже догадывалась, куда ветер дует.

— Галь, — Наталка посмотрела на меня отчаянными глазами. — Ты, во-первых, разбираешься в этих делах куда как лучше меня — опыт был...

— Мой опыт, — я ехидно подчеркнула последнее слово, — кончился банальным некрасивым разводом. И в любом случае мой бывший и Ламберт — это разные весовые категории. Сама понимаешь.

— Галь, я не говорю, чтобы ты его повязала и обезвредила! Но... он же никого не впустит сам, ежику понятно. А замки там непростые, скрепкой не откроешь. Ну не ломать же ему дверь...

Вот теперь я поняла все. Не заводите, девушки, подруг. Одна подруга — и о таких понятиях, как «тайна» и «частная жизнь», смело можете забыть. Хотя с тех пор как я вошла в нашу добровольную народную дружину, о том, что у меня в левой ладони, все равно знает не только Наталья.

...Оборотни живут долго — «практически вечно, если только их не убьют». Ну, не вечно, это я завралась, но действительно долго. Бабушек у меня нет — одна была нормальным человеком, другая погибла в 38-м. А одна прабабушка с маминой стороны и сейчас есть. В Пермской области, на лесном хуторе в некотором отдалении от ближайшего села. Односельчане не подозревают ее в ведовстве и оборотничестве. Они знают наверняка.

Нас с сестрой впервые отправили к ней летом, когда мне было восемь. Папа сперва обратился к ней «Мария Тимофеевна», его поправили: «Марья». Безгневно, но так, что больше он ни разу не оговорился.

Мне, маленькой горожанке, у бабушки Марьи не понравилось. Большой бревенчатый дом показался старым и страшным. Особенно тоскливо было без музыки, без вечернего

бормотания телевизора — словно мы провалились в «темное прошлое», в «еще до революции», и всегда будем жить вот так, по старинке, по-старушечьи, и состаримся раньше, чем снова наступит современная веселая жизнь. А уж ночи, черные-пречерные, как подпол под домом, как глаз выколи — такой жуткой темноты в городе нет, там фонари и свет из окон, а тут еще кто-то кричит в лесу, а над ухом дышит некто маленький и невидимый, и бабушка на своей кровати, не просыпаясь, говорит что-то, а что — не разобрать...

Короче говоря, никакой тяги к истокам я не ощущала и не притворялась, что ощущаю, а ныла и канючила. Злилась и на родителей, которые, прилетая по выходным, занимались ерундой вроде купания и копания картошки, как будто это самые интересные на свете дела, и на трехлетнюю сестренку, за то, что она ничего не понимает, и на бабушку Марью, худую загорелую старуху. Разве старухи вообще-то бывают загорелые? Это же только молодые и дети загорают на пляжах! И бабушка она неправильная. (О том, какие бывают бабушки, я знала из детских книжек.) Не зовет меня ни Галочкой, ни даже Галкой, как мама, а Галиной, как взрослую. Не обнимает и не целует, не рассказывает сказок, не печет пирогов с ягодами, даже не хвалит, когда я сама застилаю постель!

День на четвертый, что ли, я надумала сама улететь в Москву, к дяде Коле, папиному брату. Обернувшись, взлетела, поднялась повыше, увидела внизу исчерна-зеленый ельник от горизонта до горизонта, сунулась туда, где, по моим понятиям, была Москва, потеряла из виду дорогу, деревню и хутор, поняла, что лес не кончается, и в панике метнулась обратно. Деревня и хутор исчезли. Совсем перепугавшись, я заорала во все галочье горло... и тут же мне ответило вороновое «крок... крок...», и черный силуэт с длинным хвостом скользнул подо мной откуда-то снизу, плавно описал вопросительный знак и полетел впереди, указывая дорогу.

— Заблудилась, городская птичка? Нешто можно так летать, пути не зная?

Когда мы сели во дворе и обернулись, это было первое, что сказала мне бабушка Марья. То ли я услышала в ее голосе что-то кроме строгости, то ли расхрабрилась с недавнего перепугу, но в ответ выложила все, что имела сказать: ничего я не заблудилась, а кричала просто так, и вообще я хочу в Москву, здесь плохо, скучно, ночью страшно, мало людей и нет машин и телевизора! И так себя пожалела, и так отчетливо осознала, что теперь мне точно влетит, что чуть не закапала слезами.

Марья Тимофеевна задумалась, склонив наш семейный клюв и внимательно разглядывая угрюмого стриженного галчонка в майке со значком — олимпийским мишкой и гэдээровских джинсиках.

— Вот так и я в городе ревела, — серьезно заметила она. — Автомобили шумят, себя не слышно, идешь как глухая. Взлететь страшно, провода кругом...

— Чего ж тут страшного?! — возмутилась патриотка мегаполиса. — Надо между ними лететь, вот и все!

Складки на худых щеках обозначились резче — это бабушка Марья улыбнулась.

— Не горюй, Галина. Не навек, чай, из города уехала. Будешь теперь спать со свечкой. А пойдем-ка пока хлеб с простоквашей есть.

Теплый хлеб с холодной простоквашей на ужин вместо котлеты и всего прочего — вот это мне в хуторской жизни нравилось. И репка с огорода тоже: сладкая, маслянистая, вроде бы твердая, а вгрызаться легко... Я потом просила маму купить мне в магазине репу, но в городе, оказалось, ее не бывает.

С этого дня и до отъезда бабушка Марья начала со мной разговаривать. Не то чтобы по душам, а просто так. Это зяблик, а это — зарянка. Облака, как сейчас, — к холоду. В жару огород не поливают, листья сгорают. Лебеда пахнет вкусно, ее и есть можно, если больше нечего. Это дудник, а это — другое совсем: белоголовник, порезная трава. А вот сушеница, серая, мохнатенькая, она еще лучше кровь останавливает... Дети, даже упрямые и вздорные, вроде некоторых, быстро воспринимают новое. К концу родительского отпуска тишина и лесной шорох стали такими же внятными и добрыми ко мне, как дома — бормотание телевизора и шум проспекта за окном. Впрочем, врать не буду: я не просила, чтобы меня

оставили у бабушки до конца каникул.

Так вот, за два дня до отъезда бабушка Марья окликнула меня:

— Галина, поди-ка сюда. Мать говорит, ты все время ключи от дома теряешь?

— Не все время, а только два раза, — буркнула я. Эта тема мне еще в Москве надоела. Ключи я, как и всякая самостоятельная первоклашка, носила на шее, но дома, когда уже можно было оборачиваться, зачем-то снимала. То есть не «зачем-то», известно зачем. Глазами галки смотреть на ключи — длинный стальной от нижнего замка, ярко блестящий, как зеркальце, и плоский желтый от верхнего, почти золотой, с цветочком, вытисненным на головке, — было так зыкински! (В переводе на современный русский, суперски.) Они сразу становились в пятьдесят раз красивее, прямо сказочные ключики из «Королевства кривых зеркал». Подумаешь, уронила один комплект с крыши в водосточную трубу, где он и застрял, а другой спрятала на чужом чердаке и не нашла!..

— Хочешь, сделаем так, чтобы матушка больше не ругала за ключи? — спросила бабушка Марья.

— Ну, хочу, — неуверенно протянула я. Вообще-то мама и так уже за ключи не ругала, но мало ли, пригодится на будущее...

— Тогда пей.

Травяными чаями бабушка меня поила все время, я даже разбираться начала — мята, чабрец, зверобой... Но этот был какой-то особенный, шибал в нос, будто нашатырный спирт, хотя пах приятно. А может быть, дело было в той песенке, которую завела бабушка Марья:

*Уж я золото
хороню, хороню,
уж я серебро
хороню, хороню,
я у батюшки
в терему, в терему,
я у матушки
во высоком, во высоком...
Гадай, гадай, девица,
в коей руке былица?*

Эти слова повторялись несколько раз, а других я не запомнила. Голос у бабушки был чистый, звучный, без старческой хрипотцы, пела она красиво и важно. В школе русские народные песни мне казались скучными, но теперь я слушала и слушала, и было так нужно узнать, какие слова будут дальше, что я не только без страха — даже без особого внимания смотрела, как бабушка берет мою левую руку, выгибает за пальцы, как гадалка, и своим личным ножичком, вроде маленькой финки, быстро и глубоко рассекает подушечку ладони, над линиями жизни, ума и прочего. Было совершенно не больно, как будто она резала варенку. Я засмеялась, а бабушка, не переставая тянуть песню, взяла узкий сухой листок и ловко вложила его в разрез, прямо в наплывающую кровь. Тогда стало щекотно, рана зачесалась, но бабушка уже туго заматывала мою руку белой тряпичной лентой. Потом, на завтра и в следующие дни, я таскала из повязки нитки, удивляясь их бесконечной длине, а тогда мне ужасно захотелось спать...

Насчет того, что мама не будет ругаться, бабушка не угадала. Мама, когда прилетела, долго с ней не разговаривала, а ругаться стала потом, через день, вечером, так что я все слышала. Правда, почти ничего не поняла, кроме того, что речь идет о моей руке и о сухом листочке. Бабушка молча слушала ее, не переставая месить тесто для шанежек, и ни словом не возражала, даже вроде бы делала виноватый вид. Тесто глухо шлепало о деревянный стол, а мама говорила, что «в городе это не принято», что «это могут неправильно понять» и что «нам не нужны проблемы». Особенно меня заинтриговало одно ее выражение: «Мы Галку не в медвежатники готовим!» Я подумала, что заполнить медвежий Облик было бы неплохо —

уж тогда бы я показала некоторым мальчишкам из класса. И потом, когда узнала, что на самом деле значит это слово, даже слегка разочаровалась...

Тот факт, что в ладони у меня разрыв-трава, я не очень-то скрываю — скрыть такие вещи от знакомых, как правило, и не удастся, — но в то же время не афиширую. Время показало, что моя мама, как всегда, была права. В городе это не принято, и это вполне могут понять неправильно — даже собратья-оборотни. Да и проблемы на свою голову можно приобрести очень легко, вот, например, как сейчас...

— Говори адрес, — сказала я.

— Гальчик! — Наталка прижала руку к груди. — Ты же не думаешь, что я тебя одну загоняю в волчье логово?! Я договорила, вместе пойдете. Сережу ты знаешь, с остальными познакомишься.

И то — давненько у меня не было боевых вылетов.

Глава 11

Сегодня после того, как у него отвалился хвост, он произнес совершенно отчетливо слово «пивная».

Михаил Булгаков.

Дом Ламберта был минутах в пяти ходьбы от памятника Долгорукому, а если по воздуху, так вообще рядом. Об этих домах на Тверской писали многие и в старом, и в новом веке. Сногсшибательно красивые с фасадов, где сталинская архитектура и гранитные мемориальные доски сосуществуют с пышным расцветом капитализма в виде кафе и бутиков. И те же дома, но замурзанные и провинциальные — со стороны двора и квартирных подъездов. Минуешь монументальную арку и пропадаешь в лабиринте флигелей, корпусов и строений, где под единственным номером дома скрывается целый маленький поселок. Здесь по облупившемуся желтому брандмауэру лезет пожарная лестница, вместо аристократических лип торчат плебейские тополя, здесь гнездятся самые неожиданные арендаторы, от престижной школы иностранных языков до редакции отраслевого журнала и студии тантрического секса... если бы не план, который набросала мне предусмотрительная Наталья, отметив ламбертовский подъезд и укромное местечко, где можно обернуться, пришлось бы поплутать.

Неподалеку от подъезда (но вне зоны обзора из окон) меня ждали трое. Моих знакомцев на самом деле оказалось даже два. Серега, антиконспиративно машущий мне рукой, был в обычных своих обтерханных джинсах и куртке. Зато господин оборотень в погонах... то есть волк позорный... в общем, Валера в штатском сиял неземной красотой. Такой прикид вполне годился и для лицевой стороны дома на Тверской, в таком в любой магазин пустят, не спросив о платежеспособности: длинноносые ботинки фасона «зачем нам лыжи», светлые брюки, замшевая куртка. Серега мне радостно улыбнулся, Валерка стрельнул в мою сторону глазами. Третий, незнакомый, ростом с Валеру и еще вдвое шире в плечах, вид имел серьезный.

— День добрый, Галина. Подполковник Бурцев, Геннадий Иванович.

А-а, так вот вы какие, северные олени! В смысле, бурые медведи. Бурцева-старшего, того самого, из чьего сына Ламберт делает человека, я с Наталкиных слов представляла иначе. Он оказался вовсе не таким уж бурбоном и монстром. Военная косточка, но на вид умный и симпатичный, и глаза вполтину не такие злые, как у Пашечки. Хотя, говорят, это только кажется, что у медведей морды добрые.

— Вы папа Вадика Бурцева? — поинтересовалась я.

— Да. Он и вас уже достал? — встречный вопрос был задан виновато и в то же время гордо. Одна из сложнейших педагогических проблем: родители современных хулиганов в глубине души вовсе не стыдятся за своих чад...

— Я у них не веду, — в тон ответила я, — но наслышана.

— Предлагаю о детях побеседовать потом, — сказал Валерка. — давайте сначала с учителем разберемся.

— Да, — подхватил Бурцев. — Галина, так вы, значит, дверной замочек любой... можете?

— Могу.

— Отлично. Значит, действуем следующим образом. Входим, поднимаемся к нему. Этаж шестой. Тихонько, без резких движений, подходим. Галина, вы — вперед, по возможности напротив глазка не светитесь. Дверь направо и прямо, не ошибитесь. Открываете замки, там у него их два, на всякий случай прощупайте оба. Если сможете сделать так, чтобы не щелкнуло, будет совсем прекрасно. И сразу назад и на лестницу, в стороночку, дальше мы сами. Все понятно?

— Все понятно. А что вы с ним сделаете?

Рысь, медведь и сокол переглянулись.

— Пальцем не тронем, Галочка, — ответил за всех Валерка. — Никакого членовредительства. Только посмотрим. А там по обстоятельствам.

Дверь зарешеченного лифта лязгнула так, что вся конспирация, на мой скромный взгляд, пошла прахом. Мужчины пропустили меня вперед, но Серега придержал за плечо и, протянув руку, щелкнул выключателем. Желтенькая лампочка в темном тамбуре погасла. Ну, спасибо тебе, дорогой. Хотя в чем-то он прав, лишний свет нам ни к чему, а я в темноте вижу похуже совы, но тоже неплохо. Галки при необходимости летают над ночным городом.

Только подумав об этом, я саданулась коленом о какой-то сундук. Молча обошла его и уперлась пальцами в крашенный металл.

Глаза уже начали привыкать, я различила по отблескам и выпуклые заклепки на двери, и сварные швы на косяке. Сзади осторожно дышала «опергруппа». Ага, вот личинка замка. Я обхватила ее кончиками пальцев левой руки, как бы собираясь щепотью вытащить из двери, потом медленно раздвинула пальцы в стороны и прижала ладонь к замочной скважине. Дома по своему замку я просто хлопаю, но раз велено аккуратно... Надеюсь, у него изнутри не вставлен ключ и он не вывалится на пол с оглушительным бряканьем. Вот выскочит хозяин — только меня и видали, и ребята ничего не успеют...

Щелкнуло тихо и сдержанно, но я все равно облилась холодным потом. Второй замок, куда более затейливый, провернулся с масляным скрипом. Все, господа. Милости прошу.

Не успела я повернуться в их сторону, как они двинули в тамбур: первым Серега, за ним Валерка и Бурцев. Меня оттеснили к стенке, Бурцев свирепо замахал рукой: дескать, вали отсюда быстро, училка, кому было сказано? Я бы и рада — сражаться с одержимым делириями вервольфом мне не хотелось, но проклятый сундучище перекрыл пути к отступлению. Я осторожно влезла на него: не толкаться же с ними.

Железная дверь бесшумно открылась, сперва чуть-чуть, потом настезь. За ней оказалось темно. Не так темно, как на площадке, но и не светло, прямо скажем. Внутрь никто не входил. Бурцев и Валерка молча глядели Сереге через плечо.

Дверной проем, ведущий в комнату, был забаррикадирован. В нем виднелась глухая спина какой-то мебели — шкафа или серванта. Между баррикадой и верхним косяком оставалась щель шириной сантиметров тридцать — сорок, и за ней тоже был полумрак. Будто в комнате задернуты шторы.

Думала я недолго. То, что Валерка не летает, я знала точно, Бурцев — тоже вряд ли, а Серега-сапсан плохо видит в темноте. И к тому же не говорит в Облике.

— Я только гляну и сразу назад, — прошептала я и обернулась. Быстрее всех сообразил Валерка и чуть не загреб меня рысьим взмахом руки — но не загреб все-таки.

Да, я разумная женщина, способная трезво оценивать свои возможности. Но кроме того, я невыносимо самоуверенная стерва. И у меня отсутствует пауза между принятием решения и его исполнением. А еще я в прошлом жена бытового пьяницы.

Перелететь с сундука через просторную прихожую на шкаф — секундное дело. Потоптавшись лапами по пыльному дереву, я сунулась в комнату и гаркнула:

— Паша, не стр-реляй, это я, Галка!

И на полу увидела его. И чуть не свалилась со шкафа.

В типичной комнате сталинского дома, под лепным потолком с хрустальной люстрой, происходил типичный правильно организованный запой. Коричневая штора в бурбоновских лилиях задернута, на кресле валяются джинсы и другие предметы одежды, на паркетном полу две гири чудовищного размера штанга. (Да, если ЭТО у него падало — хорошо, что перекрытия выдержали!) Овальный стол аккуратно застелен газетами, на нем три поллитры, столько же замызганных тарелок и вскрытые банки; комнату заполняет мерзкий запах несвежего томатного соуса... Это все понятно, но сам-то, сам хозяин!..

Никогда не знаешь, чего ждать от сильно пьяного оборотня. Когда у нашего брата сдвинуты точки сборки (это выражение здесь следует употреблять в буквальном смысле), он способен обернуться чем угодно. Никаких ограничений, кроме личной фантазии и чувства юмора. Ну, и законов физики, конечно.

Пару лет назад в Ярославской области был случай: один из наших, совершенно опустившийся, обернулся драконом. Если судить по фотографиям в местной прессе, это было что-то вроде Змея Горыныча из старого детского фильма про Илью Муромца, только с одной головой. Причем он то ли нажрался до потери баланса, то ли допустил конструкционный просчет, но летать мог только вниз. Что и выяснил опытным путем, бесстрашно сиганув с балкона, как Тимур Шаов. Хорошо, что зимой в семь вечера уже темно! Не слишком много народу видело, как в переломанных кустиках палисадника ворочается и матерно взрывает поверженный динозавр, да и некоторые из тех, кто видел, списали на собственные делирии... Но трезвые и с фотоаппаратами там тоже нашлись. Кто не снял самого ящера, тот утром запечатлел разрытый снег и следы когтей по краям лежки.

Смех смехом, но присутствие таких тварей посреди большого города неуместно. А если иметь в виду, что делирии бывают крайне агрессивными и малоадекватными — еще и опасно. На самом деле в популярной и художественной литературе «оборотнями» чаще всего называют именно делириев — странные существа, похожие и непохожие на животных, полностью зависимые от своего Облика и способные загрызть насмерть хоть лучшего друга, хоть любимую девушку. Только фазы луны здесь не играют никакой роли. Важна исключительно концентрация этилового спирта в крови. И потому борьба с пьянством и алкоголизмом — краеугольный камень наших добрососедских отношений с нормалами.

Насколько делирии опасны, я знала лучше всех. Мне приходилось бегать с маленькой Машкой на руках от существа, которым нечаянно обернулся Машкин папа... Короче, я думала, что готова ко всему. Но Ламберту удалось меня поразить.

По замусоренному полу бегал зайчик. Ну, не зайчик, а довольно крупный русак. И не совсем бегал, а неторопливо перемещался, подбрасывая круп: передние лапы рысью, задние — галопом. Нормально так подскакивал, даже лапы не заплетались.

— Паша, ты заяц?! — громко спросила я (чтобы слышали за дверью).

— Да заяц, заяц, — голосом Клары Румяновой в «Ну погоди!» ответил Ламберт. Слова он выговаривал четко, только немного медленно. — Слетай сюда, раз пришла.

Мне бы лететь обратно, к ребятам, но вместо этого я спорхнула на пол, обернулась, прошествовала к окну, нарочито стуча каблуками, и отдернула штору. Если я извлекла какие-то уроки из моего так называемого опыта, то первый из них такой: когда они в тихой фазе, жалость и мягкость неуместны, а спокойствие и уверенность в себе, наоборот, рекомендуются.

— Де-ень? — пискливо изумился заяц, щурясь и закрываясь лапками от света.

— И не первый, — отрезала я. — Наталья Пантелеевна интересуется, как твое здоровье.

Заяц отреагировал синеватой вспышкой. Я поспешно отвернулась: в пятый день запоя с него станет шлаться по квартире голым. Однако на Ламберте оказались широкие штаны с веревочкой в поясе. Кроме штанов, правда, ничего.

Хозяин прошлепал босыми ногами к серванту (теперь я увидела, что перед дверью стоит чудовищный шкаф, такие, наверное, назывались «славянскими») и достал хрустальный стакан. Я тем временем озиралась. Присмотрелась к компьютеру на родственном шкафу письменном столе, работающий, но с выключенным монитором, телевизор, на экран которого свисала углом трогательная вязаная салфетка, еще один вместительный шкаф у стены. Больше мебели не было, зато имелась вторая дверь в глубине — комната, значит, проходная.

А на полу, прямо на паркете, была аккуратно выведена Фигура Речи. Внаглую, даже не мелом, а чем-то черным. И, похоже, давно: линии нечеткие, затерты ногами. Поздравляю, совсем упился. А если бы соседка заглянула, эта самая Виктория? И зачем, интересно, ему сдалась Фигура Речи? Чтобы в заячем Облике народные песни орать?

А еще лучше — в волчьем.

— Будешь? — спросил меня Ламберт.

— Пятьдесят грамм, — ответила я честно. После пережитого страха мне это определенно не повредит. Я ожидала делирия агрессивного, страшного и косматого, убивающего без предупреждения, с клыками, с острыми рогами... а тут — зайчик. Правду говорят, что чужая душа — потемки.

Пашечка вскрыл новую бутылку «Ржаной», разлил — себе побольше, мне на донышко. Надо сказать, даже в нынешнем своем недостойном состоянии голый по пояс он выглядел здорово. На треугольном скульптурном торсе красовались шрамы, несовместимые с жизнью. Особенно впечатляла округлая глянцевая бляба величиной с ладонь, расположенная точно между лопаток. Когда он повернулся ко мне со стаканчиком, я увидела и выходное отверстие — чуть пониже грудины... Ох, кажется, я разглядываю его с каким-то не деловым интересом. И шерсти, вопреки мифам о вервольфах, почти нет...

Не увлекайся, мысленно остановила я себя. Красавец-мужчина, несчастный и всеми покинутый, да еще и проткнутый осиновым колом, — все очень мило, но это же Ламберт! И вообще верность — лучшая добродетель скромной девушки, и если уж выбирать между волком и лисом... Тут он отсалютовал мне стаканом — и наваждение как рукой сняло. Этот взгляд, когда субъект пьян до остекленения, — взгляд более бараний, чем волчий, — тоже был мне отлично известен из прошлой жизни. И романтических ассоциаций не вызывал.

— У тебя что-то случилось? — спокойно спросила я, когда он сглотнул свою водку и принялся закусывать хлебом с килькой. Для столь серьезного запоя типу вроде Ламберта нужна причина. Или хотя бы повод.

Он помотал головой — то ли отрицая, то ли помогая себе кушать.

— А если не случилось, тогда в чем дело?

Какой будет ответ, я могла угадать с легкостью: «Плохо мне, мне очень плохо...»

— Плохо, — сказал Ламберт. С усилием переводя глаза, заценил уровень в бутылке и, видимо, решил пока не повышать концентрацию. — Ты, Галь, и представить не можешь. Страшные это вещи, ты таких и в кино не видела. Я... Ты скажешь, это дело прошлое. Да! Я виноват, это я с себя не снимаю. Но когда приказ, тут уже не приходится. А что потом, это твои проблемы. Если я, допустим, его придавил, — а может быть, и нет! — то это судьба. Я бы тут и не парился, если бы только в этом было дело. Но дело не только во мне. И одно дело, что тогда, а другое — что теперь...

Сначала я напряженно слушала, но в конце концов потеряла нить. Все слова по отдельности он выговаривал внятно, зато выпускал логические связки (или, наоборот, добавлял лишние?). Хотя, в общем, чего ж тут не понять и без логических связей? Афганский синдром, или как там еще это называется. Жалко человека. И вервольфа тоже. Обоих жалко. Я вспомнила, как ехидничала у него за спиной, и мне стало неловко. Все-таки в психическом устройстве среднего москвича, суперзащищенного от чужих проблем, есть какой-то дефект...

— Ты понимаешь?!

— Пытаюсь, — честно ответила я. — Паш, ты только не переживай так. Ты же сам

говоришь, дело прошлое. Я тебе вот что скажу: ты теперь учитель, детей наших учишь, это самое важное, важнее ничего нет. Ты классный учитель. Я видела, как у тебя пятый класс находит собаку, это очень сильно. Паш, ты как педагог...

Кто бы мне сказал вчера, что сегодня я буду с чувством хвалить Ламберта как педагога... Однако договорить я не успела.

Оглушительно, как выстрел, стукнул о паркет отброшенный стул. Вервольф подскочил на месте, скалясь мерзко, как какой-нибудь доктор Лектер, глаза у него съехались к переносице — пока человеческие, но уже другие; человек мощно и молча вскочил на стол и прыгнул на меня, а синеватая вспышка полыхнула уже в воздухе.

Тут, по рассказам очевидцев, я завизжала. Завизжала так, что зазвенели стекла, задрожали стены и сбежались соседи, включая тех, кто был в это время на работе... словом, мои дражайшие соратники потом долго изощрались в остроумии. Вервольфа акустическая волна не остановила, мощные лапы ударили меня в грудь, и я упала, крепко приложившись затылком. Обернуться самой мне в голову не пришлось, может, и к лучшему: задавил бы, как куропатку. Зато моему воплю ответил крик сапсана, Серега оказался рядом, за спиной у волка, и тут же мохнатая серая туша и кошмарная жаркая пасть опять съежились до Ламберта, которому я немедленно залепила локтем по зубам. Пол подо мной вздрогнул от жуткого удара — вот теперь упало так упало! — и через поверженный шкаф перемахнула ощеренная рысь, а за ней полез медведь...

Как говорит мой любимый поэт — «Занавес. Обморок».

Нет, на самом деле я не потеряла сознания. Сидела на полу в тупой задумчивости, ощупывая ушибы и наблюдая, как Валера держит в заломе руку Ламберта, а Серега фиксирует вторую руку. Тот наконец перестает рваться, и Бурцев принимается его отчитывать.

— ...Паш, ты рехнулся, что ли? Зачем на девушку кинулся? Баррикаду выстроил, понимаешь, тоже мне, парижская коммуна! На службу не ходишь, до делириев допился, а теперь еще и на людей кидаешься? Ты за кого нас принял, за чертей зеленых?!

Ламберт молчит. Лица его я не вижу, но понимаю, что смотрит... волком. Только тогда меня начинает трясти, хочется заплакать, но я боюсь привлечь к себе внимание, а Валера говорит: «Он не нас так дожидался». И тогда Ламберт без всякой вспышки сжимается в комок и кидается в окно, и падает, сопровождаемый звоном стекла.

Бурцев вразвалочку подходит, нагибается через подоконник.

— Котлета? — спрашивает Валерка, в его голосе мне слышится что-то вроде надежды.

— Ага, размечтался.

— Нетопырь?! — Валерка оставил мое полудохлое тело и сам посунулся к разбитому окну.

— Валер, душевно рад бы соврать... Топырь. Он, родимый. Полный комплект: чешуя, жабры, стабилизаторы на хвосте. Давно ничего подобного не видел, нынешняя молодежь так уже не пьет. Вот генерал, тот, бывало...

При упоминании стабилизаторов во мне проснулась журналистка. Пусть мне голову открутят, но я должна это видеть! Я попыталась встать, но не смогла. Ноги почему-то не держали.

Глава 12

Мало мы их драли, товарищи! Мой олух совсем не попрощался. Сказал только вчера вечером: «Не дави мне, папаша, на психику». Ну, я его... кхм... Нет, мало мы их драли. Решительно мало.

Василий Аксенов.

Прибежавшей на грохот соседке Виктории я объяснила, что Павел Петрович пережил сильную моральную травму, но теперь ситуация под контролем и мы, друзья и коллеги, не

дадим ему пропасть. Она рассказывала о нашем вервольфе (который, похоже, не ответил на ее чувства — или ответил, но не как джентльмен...) много нового и интересного. Жаль, я не все запомнила.

Друзья и коллеги за самоуправство во время операции всыпали мне по полной программе. Не буду пересказывать все, что они говорили вместе и по отдельности, ограничусь избранными местами.

Бурцев:

— Чтоб я еще когда-нибудь имел дело, прошу прощения, с женщинами!

Валера:

— Ты извини, Галочка, но я считал тебя более вменяемым человеком.

Сергеа:

— Галка, я и не думал, что ты такая дура! У тебя же дочка.

Наташка:

— Слушай, я так жалею, что... что тебе позвонила!

Ну и пожалуйста, была бы честь предложена. А если бы кое-кто подумал, прежде чем обзывать, — ну, уронили бы они шкаф пятью минутами раньше, велика разница... Не люблю, когда меня ругают. Особенно когда за дело.

Дальше они отправились без меня: в любом случае искать в Москве лежку взбесившегося вервольфа дело не женское. С самого начала предполагалось, что его заберет Бурцев, вытрезвляться и приходить в себя. В их спецподразделении, насколько я поняла, для этого имеются особые комнаты, неоригинально называемые «обезьянниками». Но сначала его надо поймать. Не будет же он вечно летать топырем...

Назавтра, все еще злая и разобиженная, я отправилась в редакцию. Посидела на планерке, выслушала комплименты и критику, подрядилась написать о клубе авиамоделирования. Показала фотографии, народ впечатлился. Особенно всем понравилась моделька в полете над крышей, такая четкая на фоне размытого шифера и трубы. Это, в общем, дело нехитрое, объекты на земле снимать с воздуха гораздо труднее. Главное — лететь с той же скоростью, а остальное получится само.

Руководитель клуба был из наших. Из бывших наших. Папин приятель, галка, как и я, десять лет назад лишился Облика. Такое бывает: безденежье, несчастье в личной жизни, момент отчаяния, а иногда вообще никаких видимых причин — и птица уходит. Больше не можешь оборачиваться. Иногда потом возвращается, иногда нет. Почему так бывает и как это лечить, никто не знает.

Тот, о ком я писала, справился в высшей степени достойно. Вообще-то я не люблю писать для «Города» про наших, но в этот раз не смогла удержаться. А чтобы было не стыдно ему показать, постаралась обойтись без сентиментальных пошлостей про «крылья» и «мечту о небе». Писала четко и деловито: воздушные потоки, скорость, подъемная сила, радиоуправление. Моделями его, правда, повосхищалась. Ими все восхищаются. Они, правда, еще не били рекордов дальности, но летают... сказать «как живые» значит просто констатировать факт.

Матвей статью одобрил, и настроение у меня немного улучшилось. А в буфете ко мне снова подседа Катя. Ее интересовало, как был сделан снимок самолетика. Сообразительная у нас растет молодая смена! Пришлось сказать, что снимали телевиком из мансарды соседнего дома, где якобы жил один из модельстов.

— А как твои оборотные средства? — спросила я ее, просто чтобы отвлечь от стремной темы моих профессиональных методов.

— Матвейч зарубил, — сказала Катя беспечным тоном.

— Что так?

— Скучно, говорит, неоригинально. Жалко, эта Жарова мне уже два раза на трубу звонила, просила перезвонить, когда номер выйдет...

Кто тебе звонил? — хотела спросить я, но что-то внутри у меня внезапно осело, и дыхания хватило только на «кто?». «Катя удивленно хлопнула глазами:

— Ну, Жарова Татьяна, их инструкторша, которая им втирает всякое такое, про то, как легко человеку превратиться в кошку, я же писала. Фамилие у нее такое — Жарова. А что?

— Да не, ничего, — сказала я, стараясь выговаривать слова не слишком медленно, и сунула в рот кусочек шоколада, чтобы взять паузу.

Жарова, знакомая Матвеевых. И тренер Татьяна, тоже Жарова. Обучает менеджерских жен превращаться в кошек. Интересно... какое там интересно — все ясно! Нет, не все. Надо проверить. Убедиться.

— Слушай, а ты ей что — свой телефон дала? Я думала...

— Ну да, — Катя смешно подняла брови, — я ей сначала ничего не говорила, как будто просто на занятие пришла. А телефоны там все оставляли в анкетах. Она потом мне звонила, спрашивала, приду ли я на следующее занятие — которое уже платное. А я ей тогда сказала, что я журналист.

— А она?

— Она так вроде бы обалдела... а потом говорит — большое спасибо, обязательно напишите.

— Кать, я поговорю с Матвеевичем, — решительно сказала я. — По-моему он неправ.

— Ой, Галь, ну что ты... Спасибо.

— Только ты дай мне на всякий случай телефончик этой тетушки... как ее фамилие, говоришь?

— Жарова, — повторила Катя. — Она не тетушка, она скорее девушка. А тебе зачем?

К твоей славе буду примазываться, одаренная ты наша, — подумала я, а вслух сказала:

— Для шефа. Вдруг он захочет по ходу дела уточнить, какая такая Жарова.

— Это вряд ли, — протянула Катя с интонацией «если уж он мне отказал...». Но телефон продиктовала.

Шеф-то вряд ли захочет. А вот я захочу. И немедленно, прямо сегодня. Вот только Машку из школы заберу.

Катин файл у меня был. Простенькая верстальная программа в компьютере — тоже. И стандартный макет «Интересного Города» имелся. Бери мышью текст, волокни и бросай на колонки, всех дел на пять минут, плюс еще пять на причесывание, буквицы в начале главок и выбор шрифта для названия. «Оборотные средства» я решила заменить на что-нибудь менее ядовитое. Подумала немного и набрала «Поиски образа». Вместо картинки, вспомнив Пашечку, присобачила кадр из новогоднего «Ну погоди!», с Зайцем в маске волка и Волком в маске зайца. Дядя Петя за такой креатив меня бы убил на месте, но мне предстояла встреча с менее тонким ценителем.

Звонить или не звонить Валерке, я даже не колебалась. Конечно, нет! Во-первых, пусть ищет себе **ВМЕНЯЕМЫХ** информаторов. Во-вторых, пока что еще информации-то никакой нет.

Девушка, значит, а не тетушка? По Катиному описанию я представляла тренершу Татьяну дамой без возраста, от тридцати до пятидесяти. Но если сама Катя воспринимает ее как девушку...

Действительно, голос отозвался совсем девчачий.

— Здравствуйте, Татьяна, «Интересный Город» беспокоит. У вас есть пять минут? Мы подготовили материал про ваши курсы, хотите посмотреть?

— А-да-да-да, Катя, добрый день! — обрадовалась трубка. Я не стала разочаровывать собеседницу. — Сегодня собиралась вам звонить.

— Да, все готово. Хорошо бы сегодня встретиться, чтобы вы посмотрели текст. Если нет грубых ошибок, ставим в номер.

Вообще-то мы редко показываем бытописательские очерки их героям до публикации, но будем считать, что для мадемуазель Жаровой сделано исключение.

— Ой, у меня занятия до шести...

— Если это удобно, давайте встретимся у вас, — с готовностью предложила я. — Мне

это очень подходит, я как раз около шести буду в тех краях.

На том и порешили.

Центр «Омега-Поиск» располагался неподалеку от «Чертановской». Панельная трехэтажка, судя по всему, бывший детский сад, по крышу утопала в желтеющих кленах. Я немного полетала над ней, но ничего подозрительного не увидела. Обернулась в кустах у прудов и пошла по дорожке прямо на желтый рекламный щит: «Оздоровительный комплекс. Тренажерный зал. Салон красоты. Солярий эконом-люкс». Щит стоял прямо на асфальте возле ржавых ворот. Внутри заглавной буквы О была приклеена широким скотчем бумажка: «Омега-Поиск»- и стрелка к калитке.

Внутри оказался охранник, но пресс-карта его вполне успокоила — усатый дядечка даже проводил меня до нужного коридора. Коридор был тоже вполне стандартный: желтоватый мигающий свет, ядовито-зеленый ковролин и два ряда театральных откидных стульев у стен. Откуда-то из-за закрытых дверей просачивалась медитативная музыка.

На третьем слева сиденье, ближе к двустворчатой двери, восседала дама. Ничего себе дама, по западным понятиям — «средний класс», а по нашим так даже и выше среднего: осветленные волосы с черноватым подшерстком, холеные, почти не обвисшие щеки; копнообразный торс прикрывает черное пончо-букле, которое странно сочетается со спортивным рюкзачком на соседнем стуле.

— Добрый вечер, а я к Татьяне.

— Идет занятие, — строго ответили мне.

— Я понимаю, — сказала я, усаживаясь напротив, — я подожду.

— Девушка, а запись в группы вообще-то уже закончена, — сладким голосом сказала дама со злорадством, какое часто встречается в поликлиниках и других присутственных местах.

— Я догадываюсь, — я постаралась мило улыбнуться в ответ, — вообще-то я журналист.

— А-а. Будете писать заказную статью?

Интересно, какого зверя эта тетка ищет в себе? Хотя — чего там искать, все на поверхности.

— Нет, вы знаете, я — не — пишу заказных статей, — так же мило промолвила я, а про себя добавила: «...Село ты нерадиофицированное, а еще в пончо». Телепатия подействовала. Дама моргнула и взглядела в меня внимательней: не похожа ли я на колумнистку «Известий» или репортера центрального телеканала. — Нам показался интересным этот проект. Моя помощница посетила одно занятие, описала свои впечатления... да, действительно, очень интересно.

— Одно занятие? Самое первое, бесплатное? Не знаю, в нашей группе многие после первого занятия отсеялись, а там, собственно, ничего еще и не было... Ну, если ей это показалось интересным, это... очень хорошо.

— Я тоже так считаю. А вы разве настроены скептически?

— Я нет, — дама, кажется, обиделась. — Я посещаю уже пятое занятие и должна вам сказать, что ничего подобного... А вы откуда, извините?

— Галина Афанасьева, «Интересный Город». — Эти слова я давно научилась произносить так, чтобы собеседник физически не мог ответить «впервые слышу». — А вас как зовут?

— Людмила. Так вот, Галина, я поняла, что все это очень серьезно. Как ни трудно поверить, но это все вполне реально.

Отчего же трудно...

— Вы имеете в виду, почувствовать себя в шкуре животного? — Я постаралась, чтобы вопрос прозвучал глупо, но не издевательски — собеседница должна осознать, что она умная, а я дура.

Людмила поджала губы, красиво обведенные контуром, покачала головой, изумляясь

моей слабой профпригодности.

— Да, почувствовать... Можно это и так назвать.

— То есть... вы хотите сказать, с вами произошло что-то... необычное?

Польщенная Людмила приосанилась всеми своими габаритами, без особой необходимости поправила крепко приклеенную прядь за ухом.

— Ну, именно со мной — пока нет. Но видела я достаточно.

— А что именно, если не секрет?

— Знаете... мне трудно говорить о таких вещах. Пока вы не увидите своими глазами, все равно не поверите... Вы попросите Татьяну Михайловну, может быть, она вам разрешит...

В этот момент за дверями раздался топот, щелкнула ручка. Из зала начали выходить дамы в костюмах для фитнеса, Людмила сунулась навстречу им, я за ней.

— Татьяна Михайловна, здравствуйте. Я хотела спросить...

Жарова и в самом деле оказалась девушкой, а не тетушкой — лет двадцать с небольшим. Желтые волосы, подстриженные в каре, решительный нос долотом, подкрашенный рот, мешковатые штаны и тугой розовый топик поверх футболки-тренерша как тренерша. Она обернулась от группы учениц на Людмилин голос — откинула голову и расширила глаза — тут же снова сделала любезное лицо и быстрым шагом двинула к нам. Что за черт, не могла же она меня узнать?!

— Да, здравствуйте, какой у вас вопрос?

На меня она едва взглянула. Людмила принялась объяснять, что ей неудобно по четвергам, что она хотела бы заниматься с другой группой, если это возможно; Жарова, по-американски сияя во все шестнадцать верхних зубов, отвечала, что это не проблема, что это запросто, что сегодня как раз еще одна ученица из их группы попросила о том же, и пусть Людмила ей перезвонит сегодня вечером, а сейчас, извините, еще забот выше крыши, надо все убрать, а времени мало, в полдевятого тут все закрывают... — и говоря так, шажок за шажком провожала Людмилу к лестнице.

Я заглянула в спортзал. Все, как рассказывала Катерина, — темные шторы, странно сочетающиеся с волейбольной разметкой дощатого пола, подняты до половины, по полу разбросаны белые туристские коврики, пахнет курительными палочками. Коноплей не пахнет. Три девчонки в майках и штанах-велосипедках собирают коврики и складывают какие-то тряпки, похожие на театральный реквизит.

— Нась, ну ты как?! — в вопросе не столько сочувствие, сколько жадное любопытство.

— Нормально, — отвечает слабый голосок. — Башка немножко кружится.

Шагнув назад, я ухватила за косяк и осторожно, в три приема, перевела дух. Ага, попалась окаянная девка! Башка у тебя, видите ли, немножко кружится! А под хвостом у тебя немножко не чешется?! А ремнем тебя пороли давно?! Мать с отцом с ума сходят, а ты тут нормалов на бабки разводишь!..

— Слушай, Нась, а это как вообще... ну, когда... превращаешься?

— Ну как... я не знаю... так — р-рас-с-с — и все! Что-то вспыхнуло — и видишь, все кругом прям такое большое...

Силы небесные, ну и дуреха. Неужели девочки верят?! А ведь верят.

Еще бы они не верили, когда у них на глазах обычная девчонка, такая же, как они, обернулась кошкой и обратно. И Людмила, натурально, видела то же самое — в своей группе. За такой эзотерический опыт ста долларов не жалко. Только вот что она скажет, если заметит сейчас в другой группе эту же неприметную девочку Настю в дешевых велосипедках на тощих ляжках? Именно ту единственную, которой удалось превращение в зверя? Тут уж даже самая приятная дама заподозрит некую странность...

Тем временем Жарова наконец-то выпроводила Людмилу и вопросительно взглянула на меня.

— Здравствуйте еще раз, — сказала я, — я из «ИГ», это я вам звонила. Катя Потоцкая работает в моем отделе, мне очень понравился ее материал про вас. Вот, посмотрите,

пожалуйста.

Жарова приняла у меня фальшивую корректуру и с любезным выражением лица в нее вчиталась. Я надеялась, что ей понравится: ехидный пиар лучше, чем никакого, а то, что в материале не говорится о взаправдашнем превращении девочки в кошку, даже и к лучшему для нее, Жаровой. Великоватая могла бы получиться сенсация для ее маленького бизнеса.

А в сущности, и неважно, понравится ей или нет. Кончилась ваша развлекуха, барышни.

Девчонки вышли из зала, Настя вопросительно взглянула на Татьяну. (Надо же, как спелись, это к вопросу о сотрудничестве и взаимопонимании между оборотнями и нормалами...) Я деловито копалась в рюкзаке, отвернувшись в сторону.

— Иди, Настюсик, я щас, — сказала Жарова. Настя кивнула и посыпалась вниз по лестнице вслед за подружками. Похоже, меня она не узнала. Да еще бы: мама приятельницы младшего брата, подумаешь, важная персона... И пусть идет с миром. Время для воспитательных бесед у нас еще будет.

Жарова наговорила мне милых слов, я — ей. Я разрешила ей оставить у себя корректуру, она попросила поставить ее в известность, когда выйдет номер. Она осталась запирает зал, я вышла и обернулась.

Настя вышла с другими девчонками, на углу распрощалась с ними, сделала кружок и вернулась к воротам. Уселась на бордюр под желтым кленом, достала телефончик.

Жарова от подъезда пошла к забору, где были припаркованы новые «жигули» цвета «мокрым асфальт». «Иди, Настюсик, я щас» — ага, значит, Настюсик живет у старшей подруги. Вот почему ее никто не мог найти.

Как может птица задержать автомобиль? Десятком разных способов. Но чаще всего мы применяем самый простой.

Само собой, в человеческом Облике я как сотрудник солидного издания, стильная женщина и мать гимназистки никогда бы не позволила себе такой выходки. Но когда ты птица, многое меряется иной меркой. Я села на крышу «жигулей», честно издала предупреждающий крик и свесила хвост над лобовым стеклом...

— Эй, эй, брысь! Кыш! — завопила Жарова. Я послушно взлетела.

— О черт... — жалобно произнесла тренерша, чем выдала свое недавнее пребывание в московском деловом мире: бизнес-уимен у нас обычно выражаются покрепче. Порылась в бардачке, вынула гигиенические салфетки, пачку бумажных носовых платков и задумалась. Отлично: минут пять у меня есть, а то и все десять. Я сделала вираж и полетела к воротам, на клен.

Серый тротуар подо мной был испятнан лимонно-желтыми листьями. Покачиваясь на ветке, я разглядывала сверху непутевую дочку Матвеевых: белый пробор на черном затылке, серый ворот ветровки, вышитые стразами цветы на голубых джинсовых коленках, потертые тапочки серебряной кожи.

В принципе, ничего удивительного во всей этой истории не было. Не для оборотней. Мегаполисы конца тысячелетия — такие специальные места, где дети нормальных людей взрослеют поздно, если взрослеют вообще. В типичном случае подростковый бунт у них плавно переходит в кризис среднего возраста, и для мамы с папой тридцатипятилетнее чадо все еще остается «нашим мальчиком» или «бедной девочкой». И если вдруг дитяtko проявляет желание самостоятельно заработать много денег, родители ударяются в панику: не иначе как ребенка заманили в свои сети наркодилеры! Зачем бы еще ему деньги: на еду-одежду вроде бы хватает, машина есть, на свадьбу и внуков мы всегда подкинем...

Наши дети не такие. Оборотень взрослеет рано, и в двадцать первом веке — как в древние времена. Мы бы и рады оберечь их, продлить время опеки и обучения — но как оберечь, когда самую страшную опасность наш ребенок носит в себе самом? А того, кто научился справляться с этим, под крыло уже не спрячешь. Ни в какой ситуации. Жизнь свою он будет строить сам, начиная годиков с шестнадцати. Есть проблема — решит ее. Нужны

деньги — заработает...

Но не таким же способом, елы-палы!

Я спикировала на дорожку, прямо перед ней, и обернулась. Так резко и ярко, как сумела. Девчонка пискнула и шарахнулась.

— Здравствуй, Настя, — сказала я ласково. — Я мама Маши Афанасьевой, может, помнишь. У тебя совесть есть?

— А что такого? — огрызнулась Настя, моргая черными глазищами. — Вам-то какое дело?

— Никакого, — согласилась я. — Вся Москва тебя ищет, матери с сердцем плохо, а ты тут развлекаешься.

— Я не развлекаюсь! Я работаю.

— Твоя работа, Насть, упоминается в уголовном кодексе. В статье сто пятьдесят девять, если я ничего не путаю — «Мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору».

— Агащаззз! — опять огрызнулась девица. — Нормалы в нас не верят, какое вообще мошенничество? Просто шутка.

М-да, нетрудно догадаться, с чьего голоса поем. Старшая подруга научила.

— Настя, — проникновенно сказала я. — Для тебя новость, что в милиции работают не одни нормалы?

— А... ну и что?

— Да ничего. Ты же не считаешь, что законы писаны исключительно для нормалов? Думаешь, ты такой великий оборотень, что на тебя и управы нет?

— Так вы из милиции, что ли?

— Я журналист, но это к делу не относится. — Я вытащила из кармана визитницу, вынула одну карточку и протянула Насте. — Держи. Чем быстрее ты сама объявишься дома, тем меньше будет неприятностей у тебя и у Татьяны. Если боишься одна идти, позвонишь мне.

— Я никого не боюсь! Вот еще, бояться.

— А чего тогда сбежала?

— А потому что у меня своя жизнь! Нам деньги нужны, мы хотим квартиру выкупить, а потом может быть поздно. А они говорят — учись, но это смешно! Что я, со стипендии копить буду? Или Виктор один вкалывать будет, а я математику зубрить, да? Глупо!

Чувствовалось, что речь продумана давно и исполняется не впервые. Ах, дитяtko, — кто ж тебе подсказал копить на квартиру по сто долларов с клиента?! Или все-таки не по сто?.. Десяток человек в группе, групп, допустим, три, а возможно, и больше, минус аренда зала и прочие накладные расходы...

— Я не знаю, кто такой Виктор, — сказала я (хотя чего тут знать, подумаешь, бином Ньютона: Виктор наверняка и есть корень проблемы). — Но убегать из дома — это последнее дело. Взрослые люди не бегают от родителей, взрослые люди договариваются с ними по-взрослому. А попадать под суд по обвинению в мошенничестве — вот это на самом деле глупо и смешно. Тогда никакую квартиру вы точно не выкупите. Ты подумай об этом, Насть. Прячь визитку, сейчас твоя подруга подойдет. Я бы на твоём месте не говорила ей ничего, а ушла потихоньку. Обижаться ей не придется: она с тобой поступила, мягко говоря, не совсем честно.

Взлетая, я успела увидеть, что Настя засунула мою визитку в кармашек у пояса джинсов. Хорошо: значит, Татьяне не покажет. По крайней мере, не сразу.

Я проследила Татьянины «жигули» до их дома (всего-то в двух кварталах отсюда), посмотрела, в какой подъезд они вошли. А вот теперь можно и домой, к ребенку. Валере нужна Жарова — он ее получит.

Глава 13

Хунта был великоленным таксидермистом. Штандартенфюрер, по словам Кристобая Хозевича, — тоже. Но Кристобай Хозевич успел раньше. Он любил успевать раньше — всегда и во всем.

А. и Б.Стругацкие.

Валерке я позвонила в тот же вечер, сразу, как уложила ребенка. Он обрадовался, тут же начал профессионально бомбардировать меня вопросами: что за центр здоровья, что за группа обучения оборотничеству, давно ли работает (выходило, аккуратно с тех пор, как Настя ушла из дома — первое бесплатное занятие было в пятницу), какая из себя Жарова Татьяна Михайловна — рост и возраст, и вес, и адрес... Адрес с точностью до подъезда его вконец ошастливил. Но я его тут же и огорчила: созналась, что говорила с Настей и рекомендовала ей сдать себя самой.

Трубка угрожающе умолкла секунд на десять, затем спросила совсем другим, шипящим голосом:

- Можешь объяснить, зачем ты это сделала?
- Чтобы дать девочке шанс.
- Шанс удрать от нас?
- Не поняла, с какой стати ей удирать? И куда, главное? Или она идет домой, или она, как дура, остается со своей Жаровой, и уж тогда ты берешь их обеих. Жаровой что светит?
- Третий вариант тебе в голову не приходит? — шипела разъяренная рысь. — Девочка все рассказывает Жаровой, и они скрываются вдвоем!
- А занятия как же?
- А никак. Свобода дороже. Лягут на дно, потом наберут новую группу. Может, в другом городе. (Я промолчала.) Фактически ты их предупредила. Я не понимаю, зачем?!

Ночью я спала плохо. А назавтра, часов в одиннадцать, Валеркин звонок сорвал меня с совещания. На этот раз меня приглашали не в кафе.

Валеркин кабинет обставлен без показной аскезы, какую можно увидеть в телесериалах о бравых операх. Никакой желто-фанерной мебели, никакого портрета Дзержинского над столом. (Портрет есть, но не Феликса Эдмундовича — тот, кто изображен на нем, широкой публике не известен.) На полу между дверью и креслом посетителя расстелена огромная, прямо-таки невероятного размера бурая шкура. Не спрашивайте, кем был при жизни хозяин шкуры и за какие заслуги Валерка, добрый и незлопамятный, как все рыси, украсил им свой офис. Меньше знаешь — крепче спишь.

В обширном кресле коричневой кожи Татьяна Жарова, растерявшая весь гламур, ненакрашенная и зареванная, казалась маленькой, как птичка на бегемоте. Меня она узнала не сразу. А когда узнала — охнула и прижала пальцы к губам.

- Вы знакомы с этой гражданкой? — суконным голосом спросил ее Валера.
- Это... Галина, я не помню фамилии, она журналистка, — с готовностью ответила Жарова. — Она вчера ко мне приходила, статью приносила... То есть... она, что ли...
- Итак, Жарова Татьяна Михайловна, — тем же тоном продолжал он, не отрывая глаз от бумаг перед ним, — постоянно проживает в поселке Ароматное Московской области (Жарова тихонько заскулила), работает в Москве преподавателем художественной гимнастики... согласно трудовой книжке... Когда вы в последний раз видели Анастасию Матвееву?

— Я же уже сказала! Настя вчера пошла в «Копейку» за чаем и конфетками и не пришла! Двенадцать, час, нету! Звоню туда, сюда, на мобильник ей, нету! Я сама как раз собиралась к вам обращаться, и тут вы пришли!

— Надо же, какое совпадение, — задумчиво сказал Валерка. — Слабо верится, что собирались обращаться... Куда именно вы звонили, когда Матвеева не вернулась? Ее родителям?

- Н-нет... — Жарова вскинула глаза, в них блеснула надежда. — А она разве...
- К сожалению, нет, — ответил ей Валерка, глядя на меня. — Дома Матвеева не

появлялась. Так кому вы звонили? Туда и сюда — это куда конкретно?

— Ну... Оле, нашему бухгалтеру. Потом Светлане, это Настина подруга, Настя ей звонила, ее телефон в исходящих отпечатался... А больше никому, она никуда не могла пойти. А на мобильнике «абонент недоступен»...

— А Виктору вы звонили? — вмешалась я в ход дознания.

— Кто такой Виктор? — ледяным тоном спросил Валерка. Я кивнула на Жарову: отвечай, мол, тебя допрашивают, не меня. Жарова испуганно заморгала:

— Я не знаю... а, это Настин мальчик? Но он же в Питере живет?

Так, подумала я.

— Так, — сказал гражданин начальник. — Фамилия, адрес Виктора?

— Не знаю я! Вы думаете, что ли, она к нему уехала? Да она денег не взяла с собой почти нисколько, ни вещей...

Валерка глянул на меня, подняв бровь, я кивнула. Деньги, вещи... хи-хи. Девчонке из наших ничего не стоит уехать на ночной «Авроре» зайцем. В смысле, котенком. Не выбросит же проводница из окошка хорошенькую черненькую кисоньку! А что, запросто. Перепугалась и кинулась к любимому.

М-да, а Валерка прав насчет меня. Нелестные эпитеты и характеристики я заслужила. Теперь ему связываться с питерским оборотневым отделом, искать этого Виктора неизвестно-как-его-там-дальше... вся история по новой, все то же самое, что с Жаровой. Ну, немного попроще: оборотней в Питере не больше, чем в Москве. Странно, что Виктор до сих пор не всплыл в процессе дознания. Если верить Насте, у них такая большая любовь, что аж квартирный вопрос стал безотлагательным, — и никто ничего про это не знал? Ни мама, ни подружки?.. Впрочем, подростки-котятта бывают феноменально скрытными.

— Хорошо, если вспомните, сразу же сообщите мне. — Валерка нажал на кнопку диктофона, отключая запись. — Ну что, Татьяна Михайловна... я вам рекомендую оставаться в Москве, на той же квартире. То есть не то что бы рекомендую... просто оставайтесь там. Мошенническую деятельность, разумеется, придется свернуть... хотя так и так пришлось бы, без второй фигурантки... ну, будете учить людей чему-нибудь хорошему, светлому и доброму. Танцу живота, например. А если Настя появится на вашем горизонте, наберите один из этих номеров и точно следуйте инструкциям. Если вы сумеете нам помочь, думаю, доводить это дело до суда мы не станем. Вы меня поняли?

Жарова часто закивала.

— Тогда до свидания. Пропуск не забудьте.

Дверь за преподавательницей гимнастики закрылась. Валерка поднял голову и уставился на меня в упор...

— Лапа, ты дура, — сказал любимый человек.

— Без тебя знаю! — огрызнулась я. Продолжительная беседа с сотрудником МВД укреплению нервов не способствовала, тем более что моя личная совесть выступала в этом раунде целиком и полностью на Валеркиной стороне. — Спугнула девчонку. А теперь скажи мне что-нибудь хорошее.

— А я не это имею в виду, — безмятежно отвечал Летчик Ли, усаживаясь рядом со мной. — С Настей ты все правильно сделала, молодец. Во-первых, нашла ее, убедилась, что она жива-здорова. Для ее родителей это самое важное. Во-вторых, узнала, что она поехала к своему молодому человеку, который в Питере. Никто про него не знал, тебе она сразу сказала.

— А может, она не к нему поехала?

— А куда еще? — парировал любимый. И эти люди еще рассуждают о женской логике... — Подумаешь, придется твоему оперу немного посуетиться, ничего страшного. Волка ноги кормят, или кто там он — рысь? — ну, значит, лапы. Найдет девчонку, никуда она не денется. А дура ты не поэтому.

— А почему я дура?

— Она еще спрашивает, — Летчик Ли поставил на столик два стакана и полез в бар за мартини. — Мне позвонила Наталья и рассказала, как ты зажигала на квартире у этого вашего... вервольфа.

— Та-ак.

Я мысленно занесла на Натальин счет еще и это. Подруга называется.

— Лап, ну ты что, с ума сошла? — проникновенно спросил Летчик Ли, обнимая меня за плечи. — Я как представил все это... как ты к нему одна полезла... как он на тебя бросился... ох.

— Наталье-то откуда все это знать? — буркнула я. — Как полезла, как бросился... ее там не было.

— А почему, кстати, ее там не было?! Тебя послала, а сама...

— Потому что Наталья сорока, а я галка.

— И что?

— А у Ламберта квартира в центре Москвы.

— И? Думаешь, люди сильно удивились бы, если бы на Тверскую прилетела сорока?

— М-млекопитающее, — с чувством обозвалась я. — Зверь шерстяной. Жить меня учит, а простых вещей не знает. Ты когда-нибудь, хоть раз видел сороку в центре Москвы?

Летчик Ли задумался. Не иначе, добросовестно припоминал все свои встречи с сороками. Потом сказал:

— Нет, не видел. А почему?

— Потому что Москва заята от сорок, — объяснила я. — Заклял ее святой Алексей в шестнадцатом, кажется, веке. Согласно хроникам, распознал в одной сороке ведьму, ну, то есть не ведьму, а сам понимаешь кого — из наших. Но, видимо, тетка эта была большая зараза. (Может, Наталья прапрапрабабка, мысленно добавила я.) Что именно она делала, история умалчивает, однако святой так впечатлился, что воспретил всем сорокам появляться в Москве. В тогдашних пределах города, естественно. И оборотням, и обычным птицам. До сих пор действует. Наталья даже в человеческом Облике на совещания в центр ездить очень не любит. Говорит, депрессивно.

— Ох, мать... — Летчик Ли уважительно покрутил головой. — В смысле, какая силища. Четыре века. Интересно. Не знал. А от лис он Москву не залял?

— Дай подумать. — Я огляделась, выискивая вокруг лис, потом сфокусировала взгляд на любимом и радостно показала пальцем: — А, нет, похоже, не залял! Лисам можно.

— Это хорошо. Ну, за здоровье и процветание...

Не успела я трех глотков сделать, как он вернулся к теме. Сбить кицунэ со следа вообще очень сложно.

— Галка, я тебя очень прошу, не рискуй так больше. Я все понимаю, группа, спецзадание, но больше никогда так не делай. Пожалуйста.

Я промолчала. Честно говоря, просто не знала, как реагировать на этот приказ. Или просьбу. До сих пор наши отношения не заходили так далеко: не случалось еще Летчику Ли мне указывать, что я должна делать и чего не должна.

— Ладно, обо мне не хочешь думать, — гнул свое любимый, — подумай о Машке. Как мы будем без тебя?

«Мы»?! С каких это пор вы с Машкой «мы»? А ты без меня будешь, подозреваю, нормально. Судя по тому, как к тебе липнут разные пушистые зверушки в «Фокс Систерз». И не надо мне рассказывать о глубоких и искренних чувствах кицунэ, а тем более о единственной любви лиса-оборотня.

А то, чего доброго, поверю.

Ага. Открыла рот, чтобы осадить нахального любовника, и произнесла совсем другое.

— Хорошо. Больше не буду.

Театр. Чистый японский театр.

Он сгреб меня в охапку.

— Я не могу без тебя.

Неужели можно так врать? А почему, собственно говоря, нет? А потому, что мне хочется верить.

— Ладно. Сказала же...

Душевный и тактичный ответ. Ну, как умею, не взыщите.

— Сейчас я тебе картинки покажу. Со вчерашнего. Так, ничего особо интересного, опять корпоративка, но есть неплохие кадры.

— Опять девок снимал?

— Лапа, — укоризненно сказал Ли. — Девок снимают в других местах. А я фотографировал сотрудников компании.

— Ну если сотрудников компании, тогда ладно.

За компьютером вдвоем мы сидим так: один в кресле, другой на том же самом катучем столике, с которого едим. Тут главное — не спихнуть задом тарелку или стакан.

Я добросовестно смотрю в монитор, на людей в деловых костюмах, вечерних платьях и почему-то в желтых касках. Что они символизируют, эти каски? Ах, это у них новый деловой центр только что открылся, этому важному событию будет посвящен рекламный фотобуклет, и все сотрудники в едином порыве — строители и созидатели. Мыкоманда-мыкоманда. Ясно.

Итак, Ли щелкает мышью, я припоминаю все, что мне известно об искусстве репортажной съемки, стараясь понять, чем отличаются неплохие кадры от неинтересных. Гоню неуместную мысль, что, возможно, на «неинтересных» кадрах присутствуют молодые девицы, слишком уж интимно улыбающиеся фотографу. Ерунда — во-первых, он там был на работе, во-вторых, на фига ему офисные барышни и тетки, когда есть модели и девочки из «Фокс Систерз»... почему вы так фатально убеждены в мужской порочности, Галина Евгеньевна? — личный жизненный опыт меня в этом убеждает, граждане; — а стоит ли обобщать единственный результат на все остальные объекты? — не знаю, не знаю, но лучше думать о людях хуже, тогда разочарование будет приятным... впрочем, вот в этом пропущенном кадре девица не такая уж молодая, строго говоря, вообще не девица... что?!

— Стоп!

— Тебе эта нравится? Да нет, лапа, тут, видишь, мужик глаз зажмурил, а дама разулыбилась несообразно. Эту я сотру.

— Погоди-погоди! Это кто?!

— Это? — Ли подхватил курсором кадр, увеличил лицо женщины, крутанув колесико. — Это Тамара, их пиар-менеджер или что-то вроде. Дама неприятная, мне с ней пришлось говорить, когда время уточнял. Ты ее знаешь?

— Не то чтобы лично... — протянула я. Накрыла его руку с мышью, потаскала кадр туда-сюда. Никакого сомнения: у фуршетного стола, рядом с двумя мужиками, одним лысым и одним кучерявым, грациозно поднимает бокал белого вина — та самая инспекторша, проверяющая из наробраза, что сидела на уроке у Ламберта. Даже брючный костюм тот же самый! Даже страсовая брошечка на лацкане!

— Лап, да ты чего? Ревнуешь, что ли? — с ужасом спросил Летчик Ли. — Не подумай плохого, я таких не обслуживаю, честно! Только деловые отношения!

— То есть она в этой фирме работает, — задумчиво сказала я. — Что за фирма, я прослушала?

— Сейчас скажу, — Летчик Ли подтащил поближе свой лист для записей — любопытный человеческий документ, который заменяет ему ежедневник. Лист был исписан вкривь и вкось, слева направо, сверху вниз и вверх ногами, а с нижнего края оборван — видимо, чтобы взять с собой нужный телефон или адрес. — «Веникомбизнес».

— Чем бизнес? — не удержалась я.

— Веником, — подтвердил Ли.

— Шваброй и тряпкой. Хорошее название у конторы. Что-то связанное с уборкой? Или они аксессуарами для бани торгуют?

— Вряд ли. Они медициной какой-то занимаются, насколько я понял.

— Все ясно... То есть ничего не ясно. По четным — пиар-менеджер, а по нечетным рыбу удит. В смысле, инспектор.

— Не понял, — подумав, произнес Ли.

Я объяснила про открытый урок. Летчик Ли взял бутылку и налил нам обоим martini на два пальца.

— Да нет, лап, я думаю, тебе показалось. Наверное, все-таки не она. Где этот бизнес вениками и где Министерство образования?! Или, может, эти тетki — сестры. Близнецы.

— Может, и сестры, — неуверенно согласилась я. Нет, конечно, в Москве уйма похожих лиц, и мне уже приходилось встречать двойников — иной раз и вовсе не родственников... ха, можно подумать, я по лицу ее узнала! На лицо я посмотрела во вторую очередь. Костюм песочного цвета, с дурацкими лацканами о трех зубцах каждый, на левом лацкане приколата стразовая брошка в виде лилии — я же помню, как эти стразики отражали солнце, лучик попал мне в глаз, когда я качалась на березовой ветке. Волосы выкрашены в натуральный пшеничный цвет, пышно уложены, а затылок подстрижен «лесенкой» — вот спорим, если он ее хоть раз снял со спины, эту «лесенку» мы и увидим на фото! Костюмы, брошки и прически — тоже близнецы, что ли?!

Вообще-то лицо не так уж похоже, если приглядеться. На фото она не хмурилась начальственно, а скалилась в улыбке, которую сама, очевидно, считала голливудовской. Получилось и вправду страшненько, особенно впечатляла золотая коронка на нижнем зубе. Может, все-таки не она? Или просто макияж другой?

— Зачем бы пиар-менеджеру притворяться инспектором?

— Вот и я о том же.

— Инспектировать Ламберта, это ж ни пользы, ни удовольствия! А с другой стороны...

Мы посмотрели друг на друга. Инспекторша, которая на самом деле, очевидно, не инспекторша, сидела на уроке у Ламберта, и тот на следующий день запил...

— Ладно, возьми эту картинку себе на флэшку, завтра покажешь Наталье, — быстро сказал Летчик Ли. — пусть она разбирается.

И вернулся к основной теме:

— Галка, ты-то только не суйся в эти вервольфовские дела! Очень тебя прошу, пусть они теперь сами.

Еще бы они не сами. Я теперь, считай, отстранена от операций.

— Плевала я на вервольфа, — вежливо сказала я. — Ли, скажи честно, ты как думаешь: Настя найдется?

— Найдется, — уверенно сказал Летчик Ли. Обожаю его за эту безапелляционность.

Глава 14

Сквозь решетку, защищавшую окно, арестованный мог видеть только дома и мостовую. Но коренной парижанин, каким был Бонасье, узнавал каждую улицу по тумбам, вывескам и фонарям.

Александр Дюма.

Летчику Ли хорошо говорить, а я, уложив Машку, уснуть не могла. Лежала в человеческом Облике, косилась на светящиеся цифры часов. Времечко перевалило за два пополудни, а сна ни в одном глазу. Валерьянка не помогала, феназепам я пить не хотела: после него летать не могу. То есть могу, но до первого препятствия.

А может, Настя уже объявилась, только Валерка мне не отзванивается из вредности? Чтобы помучилась подольше и прониклась чувством вины? Сама звонить ему я боялась. А если не объявилась? Если с ней действительно произошло что-то совсем плохое? Если испугалась моих слов и связалась не с теми людьми? Ох, горе-злосчастье. Прав Валерка, права Наталья, оба они правы: я натуральная кретинка.

Поперек подушки лежала утешенная у ребенка меховая рыжая собака. В детстве никогда не спала с игрушками, но... от некоторых привычек, приобретенных позже, трудно

избавиться.

...А было это зимой, в один из морозных дней, все более редких в нашем городе. Закатное солнце заливало Москву клубничным соком, дым из многочисленных труб не растворялся в воздухе, а застывал, наплывая сам на себя. Город лежал внизу, окоченевший, тихий и неподвижный. В этот день я сбросила Машку на маму, а сама полетела якобы по делам. Не было у меня никаких дел. Ничего больше у меня не было.

Такой закон природы: даже если твой муж совершенно ничем не напоминает золото с бриллиантами, и ты много чего можешь ему припомнить — все-таки неприятно, когда тебе заявляют: «Я тебя больше не люблю, и ты сама в этом виновата». Тяжело, больно. Стыдно и унижительно. Сколько ни твердят окружающие, что это ему должно быть стыдно, — про себя думают другое: неудачница ты, дорогая, лузерша последняя, соломенная вдова и мать-одиночка. От правильных женщин мужья не уходят. У правильных женщин не рушится семья, родной человек не становится врагом. Правильным женщинам не приходится произносить эту глупую фразу: «Папа в командировке». Брошенная жена с ребенком — самая пошлая роль в мелодраме.

Галочий крик далеко разносится в холодном безветрии, под гаснущим небом. Мы кружимся черным вихрем, соседи по стае косятся на меня: с ума ты сошла, что ли, зима на дворе — не время орать о любви и одиночестве, вот настанет весна, тогда...

Минус двадцать градусов ледяной коркой ложатся на оперение, высасывают тепло из тела. Если долго так кружиться, можно замерзнуть насмерть. Последняя супружеская пара, отчаявшись позвать меня на протопленный чердак, спускается вниз. Ну, простите, ребята, мне с вами не по пути.

Белое, черное, прямоугольники, провалы. Шпили, антенны, трубы, розовый с синими тенями, будто выточенный из мрамора, застывающий морозный дым. Синий горизонт позади, розовый со светящимся алым диском — впереди. Мне нельзя замерзать насмерть, у меня Машка. Но потерять счет времени можно? Нет, тоже нельзя.

Город пуст и тих. И нижний город, и верхний — наш. Птицы помельче меня в такую погоду стараются вовсе не летать, «Кафе На Крыше» не работает, «Перелетный Чердак» тоже: зима, зима. Зато «Локи» открыт. А что, полечу и в «Локи», что мне терять, кроме репутации: если он со мной так, я — вот эдак... глупо. Нет, к чему экстрим, ведь «Азazelло», конечно, тоже открыт. Известнейшее заведение, не путать с «Азazelем», существует еще с советских времен. Не иначе, с помощью нечистой силы мог работать в условиях планового хозяйства ресторанчик на последнем этаже сталинского дома, посетители которого прибывали исключительно по воздуху! Прибывали по воздуху, а покидали заведение — как получится. Хотела сказать — в человеческом Облике, но не уверена, что это выражение здесь уместно. В общем, не на крыльях, а пешком или на руках товарищей, в лифте и через служебный вход. О банкетах в «Азazelло» ходили легенды, еще когда я была маленькой, а папа с мамой молодыми. Крошечный ресторанчик, тесный и темный, настоящий голубиный чердак, но — веселый. И только для своих. Для летучих оборотней.

А что же, можно и в «Азazelло». Денег нет практически совсем, но на чашечку кофе хватит. С сахаром и сливками, чтобы согреться, а маленькую шоколадку там дают бесплатно. Ага, ехидно добавил внутренний голос, а там, глядишь, и спонсор какой-никакой сыщется... Еще бы ему не сыскаться. «Азazelло»- место встреч олд-таймеров, пожилых холостых дядек. Выбирай кого хочешь — известные в узком кругу поэты, все еще славные барды, разной степени знаменитости журналисты, авторы повестей, бизнесмены, богатые и не очень, и просто хорошие люди. Французские бородки, неухоженные русские бороды, goatee а-ля Матвейч, концептуальные небритости и не менее концептуальные глянцево-лысые головы. А я по тамошним меркам — прелестное дитя, как по внешности, так и по возрасту. Редкая птица на этом чердаке. Даже если буду сидеть, угрюмо уставясь в чашку, кавалера долго ждать не придется. Кофе, коньяк и водка. Стихи, цитаты, хвастливый треп. И у каждого — пустая квартира в пяти минутах лёту... Умеешь ты, Галина Евгеньевна, цитировать

Булгакова? Легко: «О боги, боги мои, яду мне, яду!..» А поживее, поближе к теме что-нибудь? «Только бы выбраться отсюда, а там пойду и утоплюсь». — Молодец. С таким настроением в самый раз в «Азazelло».

Вот ведь в чем штука: мстить мерзавцу, поломавшему твою жизнь, нужно так, чтобы это доставляло удовольствие. Иначе месть не получился, получится ерунда. А нет сил радоваться. Замерзнуть бы на лету... или упасть в облако раскаленного газа, рвущегося из трубы... Скорая птичья смерть. Да ладно тебе трепаться, тоже мне — самоубийца.

А кстати о самоубийцах...

Я заложила резкий вираж и снова пролетела над заснеженной плоской крышей. Так и есть, не померещилось: на белом квадрате — огромная рыжая меховая шапка, серый рюкзачок и цепочка следов. Больше никого и ничего.

Кто-то снял шапку, скинул с плеч рюкзак и прыгнул... Внизу, во дворе, густые синие тени, ничего не видно. Что же в рюкзаке, интересно? Гениальный роман? Водородная бомба в двадцать килотонн? Ноутбук с секретными файлами?..

Любопытство сгубило не только кошку, но и многих других зверей и птиц. Забыв о своей незадавшейся жизни, я начала снижаться, из осторожности — кругами. (И жаловаться теперь некому и не на кого: сама прилетела куда не звали...)

Что-то очень уж большая шапка! Целая папаха, только рыжая.

Да это не шапка, это лиса свернулась клубком!

Не лиса, а лис, судя по размеру человеческих следов!

Которые, конечно же, ведут не к краю крыши, а наоборот — от чердачного выхода к «шапке».

Ну, здравствуй, коллега.

Мои крылья подняли маленький вихрь, сверкнувший на солнце, снежинки замели мех. Лис поднял голову, щелкнул зубами на наглую птицу. Я щелкнула клювом в ответ — и обернулась.

— Добрый вечер.

Теперь и ему придется обернуться, хотя бы для того, чтобы послать меня лесом. Если он, конечно, не может говорить в Облике — но Фигуры Речи на снегу не видно.

— Вечер добрый. Извините, что сразу не признал, думал, просто птица.

Что меня сразу поразило: он был в ветровке. А на голове бейсболка с опущенными ушами. В такой морозище — смело даже для оборотня! Хорошо, допустим, рыжая шуба у него всегда с собой. Но ведь добирался сюда он в человеческом Облике? Или нет?

— А можно узнать, что вы тут делаете?

— Жду, — коротко ответил он. И пояснил: — Когда солнышко зайдет.

— А когда зайдет, что будете делать? Нетопырем обернетесь?

— Нет, нетопырем я не умею. Буду снимать. У меня там камера, — он показал на рюкзак.

Ну, поздравляю тебя, Галка! Больше часа мотаться над пустынной, вымерзшей Москвой и в итоге сесть прямо на джентльмена, который терпеливо и с улыбкой отвечает на самые идиотские вопросы! Будто ты не с неба свалилась, а заранее договорилась об интервью.

— Что снимать?

— Вон там. Видите? — Он точным жестом отмерил кусок закатного горизонта. И когда он показал, я сразу поняла, что он имеет в виду: бело-сизый лилипутский город, подсвеченный розовым, и конкретно вон та труба и этот шпиль высотки — будто строка, набранная рубленным свинцовым шрифтом на фоне неба.

— А мне можно посмотреть?

— Ради Бога.

— Я не помешаю?

Он посмотрел на меня, потом на солнце, потом снова на меня — с уважением:

— Насколько я знаю, это еще никому не удавалось. Оно вроде всегда заходило...

Я засмеялась. Впервые за месяц. И он тоже, и тоже будто бы удивился. Но выяснить, откуда взялась на его голову эта ненормальная птица, не успел: солнце действительно зашло.

Снимал он долго. Я в своем коротком пальто изо всех сил старалась не дрожать. Обернуться было бы еще хуже: слишком много растратила тепла, пока летала, в птичьей Облике и вправду недолго замерзнуть. И когда он снова глянул на меня, я попыталась вымолвить очередную светскую фразу, возможно, даже остроумную, и вместо этого позорно застучала зубами.

— Так, — сказал Летчик Ли. — Спускаемся.

На чердаке было темно и не намного теплее. Под ветровкой у него оказалось серая жилетка с десятком карманов, и он вытащил из верхнего булькающую фляжку.

— Золотая текила. Пей быстро.

Почему текила? Нормальные люди зимой во фляжках носят коньяк. И почему китайская жилетка с оптовки, если серебряная фляжка с золотой текилой и профессиональный «Кэннон» за немеряные тыщи долларов?.. Обязательно спрошу... как только перестанет трясти, а то и язык прикусить недолго.

Фотограф-кицунэ тем временем вытащил из рюкзака шоколадку, быстро, прямо в обертке поломал на кусочки. Потом развернул и протянул мне.

— С-с... спасибо. Ты всех птичек так кормишь?

— Не только кормлю, но и пою. И не всех, а только замерзающих. Мне учительница в школе говорила, что вам не так страшен холод, как голод.

— Врала! — с чувством ответила я. — Страшнее холода ничего нет.

А может, и не так все было, или не совсем так, потому что я уже начинала задремывать...

Темноту озарили синие вспышки, тишину прорезала до боли знакомая классическая музыка. Ну вот, как всегда, на самом интересном месте.

Я подскочила в кровати и попыталась сфокусировать глаза. Мобильник полз по столу, подрагивая, как игрушечный трамвайчик: вибровывоз тоже был включен. Неужели Валерка?! Номер незнакомый...

— Да.

Это был не Валерка. Придушенное, еле слышное мяуканье в трубке.

— Але, тетя Галя! Это Настя Матвеева, вы мне визитку давали, помните?

— Настя, ты где? — полусшепотом (чтобы не разбудить Машку) заорала я.

— Я не знаю. Меня... похитили. Правда, честное слово, я не шучу!

— Как похитили?!

— Вчера, когда я в магазин пошла, ко мне подошли двое. Сначала говорили всякие гадости, потом обернули, сунули в переноску и в машину...

— Куда повезли?

— Не знаю, я же в переноске была! По-моему, на кольцо свернули, а потом в центр, а потом направо.

— Сейчас ты где?

— Они говорят, это секретный медицинский центр. Я им соврала, не сказала, что я с детства оборотень, а говорила, будто у меня прорезался дар на Таниных занятиях, ну, чтобы ее не запалить! А они начали говорить всякую чушь, что это очень опасно, что это разрушает организм и можно умереть...

— Что опасно?

— Ну, оборотничество! Что оборачиваться опасно. И предложили меня вылечить, сделать нормальной! А я сказала, что подумаю. Просто я растерялась, я так и не сказала, что с детства оборотень...

— Почему ты не ушла? Они тебя не отпускают?

— Они говорят, что я представляю опасность... — в трубке всхлипнуло. — Что меня могут использовать преступные группировки. Они сами из ФСБ или типа того. Спросили,

надо ли мне предупредить родителей, а я по глупости сказала, что не живу дома, они у меня машину забрали... чтобы не было утечки информации...

— Им нужно твое согласие на это... лечение? — спросила я. Чушь полная: никакого вреда здоровью оборотничество не приносит, скорее наоборот, может существенно продлить жизнь, и вылечить от него нельзя... насколько мне известно.

— Вроде да, пока уговаривают. Я не соглашаюсь и не отказываюсь, тяну время, типа я такое тупое кисо, думаю, что оборачиваться прикольно.

— Правильно, продолжай в том же духе... Э, а сейчас ты откуда звонишь?

— Я у соседки телефон взяла, у нее не забрали. Я по вентиляции умею ходить. Потом звонок сотру и назад отнесу. Тетя Галя, помогите мне, пожалуйста! Я боюсь!

— Ты через окно бежать не можешь?

— Тут высоко, шестой этаж, наверное. И решетки, но через решетку я пролезу. Рядом с моим окном труба водосточная, но я...

— Трубу отставить, — быстро сказала я. Не хватало еще, чтобы девчонка разбилась. — Пожарной лестницы нет?

— Нет, я смотрела.

— Ладно, что за дом? Говори быстро.

— Большой, старый, не панельный, окна высокие. Несколько подъездов, я не вижу точно, три или четыре.

Я чуть не взвыла.

— Что еще из окна видишь?

— Улицу маленькую, вроде проезда. Под окнами деревья, тополя, но я прыгать боюсь. Дальше вроде стоянки, днем тут машины паркуются. И на другой стороне тоже деревья, тополя и, по-моему, лиственницы, а за ними дом, а справа машины шумят, там вроде большой проспект... — голос Насти угас, видимо, она сама поняла, что дает адрес «на деревню дедушке». Толку-то от этого телефона, самсунг его с сименсом!.. стоп-стоп-стоп...

— Насть, посмотри, у тебя в трубке, по которой ты говоришь, функции GPS нет?

— Откуда?! — очевидно, эта гениальная идея — определить свои координаты с точностью до метра по сигналам из космоса и сказать их мне, чтобы выручала, — Насте тоже приходила в голову. — Это совсем дешевая говнотрубка, в ней нет ничего! Тетя Га-а-аля...

— Спокойно, Настя, не ругайся и не реви. Вспоминай как можно точнее, что ты видела, пока ехала. Ничего не бойся, разберемся, поможем.

На самом деле до меня все яснее доходило, что бояться есть чего. Хотя понимать я ничего не понимала. Да что же это за хрень такая делается, Пращур-Ворон?!

— Ну, сначала вроде бы на кольцо выехали — долго крутились, там у нас выезд сложный, а потом поехали прямо. Потом снова по развязке, а потом в центр.

— Откуда ты знаешь, что в центр?

— А куда еще? Сначала кусты, остановки, потом магазинчики...

— Значит, что-то все-таки видела из машины?

— Почти ничего, он переноску на коленях держал.

— Настя, я тебя прошу, вспомни все, что видела, пока вы ехали.

— Сейчас, тетя Галя... Вообще плохо было видно, темно, фонари...

— Понимаю. — Кошки прекрасно видят в темноте, но ночное городское освещение слепит их чувствительную сетчатку. — Неважно, перечисляй все, что видела. По порядку, что сначала, что потом.

— Так, сначала, до поворота, совсем ничего не видела, а потом они переноску подняли, потому что я орать стала, и по-другому поставили. Но он курил в окно и обзор мне закрывал.

— Насть, ближе к делу.

— Ага... Значит, там был магазин «Плитка», потом ювелирный с таким бриллиантом. Потом почта и сбербанк, а потом салон красоты, такая зеленая вывеска, и цветочный ларек...

Опомнившись, я перехватила первую попавшуюся письменную принадлежность и принялась карябать на листе для записей. Судя по Настиному отчету, вид из кошачьего

домика через окно быстро едущей машины открывался неважный: первый этаж домов. Главным образом в районе витрин.

— ...Так, а потом «Ароматный мир»... ой, а перед ним был перекресток. Потом «Офисная мебель», и улица шла под горку, а потом опять цветы и вроде бы площадь, и там, кажется, игральные автоматы или что-то такое, синим мигало. Вот... А потом обувной, а потом «Кофе-Хаус»...

Гадский листок ездил по столу, придержать его было нечем — левой рукой я прижимала к уху трубку, отчаянно надеясь, что следующая примета наконец-то все прояснит.

— ...А потом решетка вдоль тротуара, и там, кажется, парк, а потом опять перекресток. И дальше я ничего не видела, а потом повернули направо и почти сразу остановились. И меня принесли сюда.

— Название улицы нигде не заметила?

— Нет! У него заряд кончается...

— Настя, ну, может, ресторан, кинотеатр? Хоть что-нибудь, что одно в Москве?!

— Нет, я только...

«Соединение завершено».

Некоторое время я любовалась на экранчик своего мобильного, где завершение соединения сменилось обычной заставкой. Время — 4:17. Потом включила настольную лампу. Гарвардская футболка, заменяющая мне ночную рубашку, промокла от пота, в ушах звенело.

Письменная принадлежность оказалась Машкиным коричневым тупым карандашом, и прочитать налезающие друг на дружку «пл», «ам» и «юв» в моей записи не смог бы никто, кроме меня. Да и то пока не забыла, что имела в виду.

Настя жива, это хорошо. Все остальное плохо. Страшно и непонятно. Какие-то спецслужбы, которые лечат оборотней от оборотничества, — полный бред. Спецслужбы нас не лечат, они нас сами используют. Какая-то соседка, у которой телефон не отобрали... их что там, много — пленников? И каждый заперт в отдельной комнате?

То, что неизвестные сумели обернуть Настю котенком, — не фокус: именно это, например, проделал Серега с мальчишкой-выдвиженцем. Но сам факт, что они знают, как это делается, наводит на размышления.

Дом большой, не менее чем шестизэтажный. Не хрущоба, не панельный. Высокие окна и удобная для лазания вентиляционная система. Сталинская постройка, до- или послевоенная? И что нам это дает? А ничего. Такие дома есть и по Варшавскому шоссе, и по Ленинскому проспекту, и по проспекту Вернадского, и по Ленинградскому шоссе. Десятки таких домов. И все — недалеко от шумной улицы. И возле каждого дерева. «Ароматный мир» своих магазинов везде понастроил, «Кофе-Хаусов» тоже десятки, если не сотни, а игорный зал и цветочный магазин, не говоря о сбербанке и салоне красоты — просто суперские, уникальные приметы! Дура ты безголовая, не спросила, в какую сторону они ехали по кольцу! Хотя бы — сколько времени ехали от ихнего Чертанова...

Ночь, ветер за окном. Из форточки пахнет опавшими листьями. А где-то стоит огромный дом, и в нем полно непонятной сволочи, то ли из спецслужб, то ли совсем наоборот, и по пыльной вентиляционной норе ползет маленькая черная кошка, карабкается вверх и катится вниз, тащит за ремешок чехол с разряженным мобильником... девочка, рядом с которой я стояла позавчера и вместо того, чтобы взять за руку и отвести домой... «Тетя Галя, помогите мне, я боюсь».

Самое примечательное, что я пообещала ей помощь. А к обещаниям мы относимся серьезно. Есть причины.

Рыжая собака валялась поперек подушки пузом кверху. Я перевернула ее, заглянула в пластмассовые глаза. Что сказал бы по этому поводу Летчик Ли? «Не лезь в это дело, дорогая, хватит уже, хорошенького понемножку». И был бы прав, между прочим.

Можно, конечно, включить компьютер, выйти в Интернет, найти сайты сети кофеен и

сети винных магазинов, на сайтах найти адресные листы, проверить совпадения улиц в адресах (это если еще будут совпадения — «Ароматный мир», насколько мне удалось понять, стоит на перекрестке, он запросто может числиться и по другой улице...), из них отобрать те, что подходят по другим параметрам... Нет, нефига ерундой заниматься. Уступи эту работу тем, кто умеет ее делать.

Взяв новый лист, я аккуратно, полными словами переписала все, что мне рассказала Настя. А потом снова подобрала мобильник и вызвала Валеркин номер.

Судя по голосу, да и по тому, как быстро Валерка ответил, я его не разбудила. То ли еще не ложился, то ли уже встал.

Новости выслушал внимательно и примолк.

— Валер, ты только не ругай меня, — попросила я, не выдержав тишины в трубке, — мне и так паршиво. Никогда себе не прощу.

— Чего ты себе не простишь? — рассеянно поинтересовался Валерка. — Тут уже совсем другие дела. Ты-то как раз молодец, что дала ей свой телефончик. Хотя, скажем прямо, информации негусто, но от этого уже можно плясать.

Теперь замолчала я. Нормальная женщина поинтересовалась бы сладким голоском, давно ли гражданину начальнику известно про эти другие дела, и неужели у паршивого оборотня в погонах отсох бы язык сказать мне, что я не виновата в исчезновении Насти, и не хочет ли кое-кто извиниться за отдельные перегибы, допущенные в работе со свидетелями, — такие, например, как «дура-баба» и «журналистка хренова»... И вправду дура ты, Галка. Где повод для радости?! Что ты не виновата, это, не спорю, великолепно. А вот то, что девчонка действительно влипла в серьезную историю, куда серьезнее, нежели любовь с неизвестным Виктором и даже честный отъем денег у населения в компании с Жаровой... Тут у меня возникла очень неприятная мысль.

— Валерка, а вы этого Виктора из Питера не успели найти?

— Не успели. Похоже, никто из окружения Насти о нем ничего не знал.

— Никто ничего?.. — переспросила я. А что если никто эту кикимору не похищал, а сидит она сейчас у своего молодого человека, в Питере или на съемной квартире в Москве? А мне она просто морочила голову сказками о негодях с переноской? Нет, так изображать страх и слезы, это надо незаурядные актерские способности иметь... а кто сказал, что у Насти их нет, после жаровской-то аферы? Но зачем? Ведь от таких новостей все кинутся ее искать, а если она решила исчезнуть, отчего бы не придумать что-то более безопасное? Или ей стыдно, что не хочет возвращаться к своим, и легче все свалить на зловещих похитителей, чем оправдываться? Идиотизм, но юные девицы способны и не на такое, помню по себе... И зачем, кстати говоря, она вообще уходила из дома и поселялась у Жаровой? Чай, не маленькая, преспокойно могла соврать матери, что идет в институт, а сама отправиться промышлять в «Омега-Поиск», и никто бы ничего не узнал... Говорить об этом Валерке я не стала. В конце концов, на то он и оперативник, чтобы прорабатывать версии, и Виктора он в любом случае будет искать.

Заснула я где-то через час, в обнимку с рыжей собакой. Думала, не проснусь, но как только увидела записку на столе — сон слетел.

Ну, по крайней мере, еще одно я могу сделать: поставить в известность Наташку. Уроков у меня завтра нет, у нее первого тоже нет, значит, сразу же, с утра.

Глава 15

*Я рассказать вам не могу,
Как много меток на снегу,
Их понимать умеет каждая собака...*
Виктор Берковский.

— Ната-алья Пантелеевна, а за что три?

— За четыре ошибки.

— Да, а Кореновой четыре поставили, а у нее тоже четыре ошибки...

— Саша, — железным голосом сказала Наталья. На месте четвероклассника я бы испугалась уже сейчас, не дожидаясь продолжения. — Кореновой поставили четыре, потому что она заслужила эту оценку. И ошибки у нее... не такие, как у тебя. Вообще я бы посоветовала тебе поменьше оглядываться на других и побольше следить за собой. Все понятно?

— Наталья Пантелеевна, а можно я сейчас вам отвечу? Я вспомнил...

Далеко пойдет ребенок, подумала я. Редкий взрослый решился бы качать права после Натальино «все понятно?».

— Хорошо, отвечай на вопросы другого варианта. Назови мне первую русскую летопись.

Пауза. Четыре, три, два, один с половиной...

— «Песнь о вещем Олеге».

Я быстро сделала вид, что у меня зачесался нос. Надо отдать Наталье должное, ее лицо осталось каменным.

— Два балла.

— За что-о-о-у?!

— Вот когда поймешь, за что, — ласково сказала Наталья, — тогда придешь требовать повышения оценки.

— Но в учебнике же...

— ДО СВИДАНЬЯ, САША.

Когда борец за свои права закрыл дверь с той стороны, Наталья глубоко вздохнула, будто вынырнув из воды, и произнесла одно непедagogичное слово. Я согласилась.

— Чье это чадо? Похож на кого-то.

— Неважно. Что-то хотела, Галь?

Ага. Можно сказать, мечтала. Я еще раз пересказала свой ночной разговор.

Наталья выслушала, закурила. Сигареты были не ее, розовый «Парламент». У детей конфискованные, что ли?..

— Кольцо, а потом в центр... Направление она тебе не сказала?

— Наташ, кошки не чувят север-юг так, как мы.

— Чуют.

— Ты мне рассказывай, — буркнула я. Как видят мир кошки, я выяснила в деталях еще давно. Сразу, как только стало ясно, кто Машка.

— Они прекрасно ориентируются по звуку, — без выражения сказала Наталья. — У них в ушах звуковой портрет местности, как у нас с тобой — образ. Она должна была узнать улицу.

— Значит, не узнала, раз не сказала.

Молчание было мне ответом. И в самом деле, странно: разве она могла не разобрать, по Ленинскому ее везут или по Варшавскому шоссе? Неужели все-таки пудрила мне мозги? Ведь и вправду звуковые портреты должны быть разные... Хотя — настолько ли разные? Сама я в человеческом Облике, выйдя из метро, не всегда ведь соображаю, что за проспект передо мной. И зрительные образы не помогают.

— Ладно, — подытожила Наталья. — Рысь наш пестрый хотя бы спасибо тебе сказал?

— Ну... в некотором роде.

— Очень на него похоже. — Наталья улыбнулась. — Галь, ты не бери в голову. Будем решать проблемы по мере поступления. Теперь пусть Валерка работает. Ты дала ему достаточно информации, компьютеры у них мощные, думаю, место вычислят сегодня же. А дальше по обстоятельствам.

— По обстоятельствам... Натал, ты что-нибудь понимаешь в этой хрени? ФСБ, лечение обратной — что вообще происходит?

Наталья покачала головой. И твердо ответила:

— Я думаю, все прояснится, когда Валеркины ребята ее найдут.

— Что ж, логично. Наталья? А мы не можем...

— Нет. Это не наше дело.

— Понятно.

— Галь, не обижайся, — Наталья обняла меня за плечи. — У них свои способы. Пошлют по человечку на каждую подходящую улицу, отснимут приметы, составят описания, выловят совпадения. Ты же не собираешься сама этим заниматься?

— Не собираюсь.

Если бы речь шла об ориентировании над городом, тогда бы собиралась. А когда в числе примет идут витрины, столбы, киоски и автобусные остановки — это не ко мне.

Столбы и киоски — это собачье дело.

— Вообще-то я думала поговорить с Сергеем, — осторожно сказала я. — Ты же понимаешь, его ребята, которые выдвиженцев ищут, они город знают как свои четыре...

— Галь, — голос Натальи стал холоднее на градус. — Я считаю, Сережу сейчас трогать не надо. У него своих проблем хватает.

— А у него что? Я слышала...

— У него всякое-разное. При его хобби, ты понимаешь, проблемы есть всегда.

И улыбнулась вместо извинения за столь исчерпывающий ответ.

— Ладно, предложение снимается.

Я уж совсем собралась уходить, как вдруг вспомнила:

— Наталья, погоди, еще одна деталь. Тебе знакома такая контора — ООО «Веникомбизнес»?

— Не припоминаю, а что?

— А то, что в ней работает дама, которая тебя инспектировала. То есть школу.

Наталья подняла бровь.

— Объясняю медленно: та самая тетка, что сидела на уроке у Паши, в миру известна как пиар-менеджер компании «Веникомбизнес». Ли фотографировал какое-то их мероприятие, я узнала ее на фотке.

Тратить время на дурацкие вопросы — почему я решила, да уверена ли я, — начальница не стала. Мой птичий глаз ей давно известен.

— Так.

— Тебе это что-нибудь говорит?

— Безусловно. Спасибо, Галка. Безусловно.

Ясное дело, тратить время на ответы она тоже не будет.

— Ну ладно, тогда пока.

В холле на третьем этаже, который почему-то называется словом из позапрошлого века — «рекреация» — так просторно, что даже поселилось маленькое эхо. Клетчатый пол истоптан до белых пятен, на подоконнике выведены ручкой имена и знаки. Подоконники у нас в школе широкие, можно сидеть на них с ногами. Когда никто не видит.

Машку сегодня забирает няня, может, мне имеет смысл пока остаться в школе? Если вдруг чего, отсюда и полетим...

— Она вас даже слушать не стала.

— Ч-что?

Мне показалось, хриловатый девичий голосок раздался прямо у меня над ухом! Я вытянула шею — так и есть: из соседней оконной ниши торчит нога в кроссовке с кислотно-зеленым шнурком на толстом подъеме. Чуть выше покачиваются кончики дредов.

Но я могу поклясться, что здесь только что никого не было... никого крупного, хочешь сказать? Забыла, где работаешь?

Я сползла с подоконника и подошла к Марине.

— Привет. А ты почему не на уроке?

— Я говорю, Наталья Пантелеевна вас даже не стала слушать! Сразу «нет», и все! А я думаю — почему мы должны по каждому пустяку обращаться в милицию?! Мы же сами

сила!

— «Мы»?

— Ну... отряд.

— Откуда ты знаешь про отряд?

— А что, это тайна, что ли?

Вообще-то нет, но... Вот бы ей познакомиться с Симаковым. Два сапога пара.

— Марин, тебе мама с папой не говорили, что подслушивать некрасиво?

— Говорили, ага, — дреды утвердительно заболтались вверх-вниз. — Но у меня само получается. Мне это легко — я летучая мышь.

— Вино и мужчины — это моя атмосфера, — машинально продолжила я. — Извини. Я думала, ты еж.

— Еж в анкете записан, — загадочно сказала Марина. — А я еще в простую мышь могу, то есть в полевку. И в крысу капюшонную. У меня только крупные плохо получаются, я зачет по собакам и кошкам так и не сдала. Ну, просто не повезло!

Я вообразила Марину Николаенко, пусть даже немного поменьше и без дредов, как она стоит, набычившись, перед Пашей Ламбертом, — и посочувствовала обоим. Ох, где-то сейчас наш Пашечка? И не много ли у нас форсмажоров в последнее время?..

— Галина Евгеньевна, возьмите меня в отряд.

— В смысле?

Я этого не ожидала, но не очень удивилась. Не в первый раз слышу эту фразу и ох не в последний.

— В прямом! Я летать могу по ночам, с эхолокацией, а днем на роликах, роллерский стаж у меня семилетний. Слух стопроцентный, — она ухмыльнулась, — обоняние нормальное. Попроюсь куда хотите. И с нервами все в порядке. Возьмите.

— А лет тебе сколько?

— Ну и что? — вопросом на вопрос ответила Николаенко из седьмого «А». Маленькая, шуплая. Лицо... азazelловские старомодные пошляки сказали бы «пикантная мордашка»: круглые щеки, острый подбородок, носик вздернутый, глаза — две большие блестящие бусины, а рот широкий, и вредная ухмылка открывает мелкие острые зубки. На самом деле насчет летучей мыши могла бы и сама догадаться, Галина Евгеньевна. Но ясно и другое: при таких внешних данных приходится прикладывать много усилий, чтобы заставить окружающих воспринимать тебя уважительно. А не как забавную миниатюрную девушку-ребенка.

— Марин, ты сама понимаешь, что вопрос о возрасте — принципиальный, — сказала я так уважительно, как только могла. — Ты можешь иметь массу полезных навыков, но представь себе, как взрослый человек будет себя чувствовать, если ему придется поручать рискованное дело... не вполне взрослому человеку. А что мы скажем твоим родителям, если, не дай Бог, чего? А они что нам скажут?

— А ваши родители что говорят?!

— А я и постарше тебя буду, — ласково ответила я. — В разы.

Может, меня и обозвали дурой трижды в течение двух суток, но это еще не повод всяким ежам летучим дерзить преподавателю!

— Заканчивай учебу, а там посмотрим. Учиться тебе осталось пять лет, а впереди у нас века интересной жизни. Ты девушка перспективная, не спорю, но срывать тебя с уроков на задания было бы неправильно. Я, в конце концов, учитель твой или кто?

Николаенко, естественно, на улыбку не ответила. Не та особа, которую можно лестью сбить с толку.

— Я слышала, о чем вы говорили с Натальей Пантелеевной. Кого-то похитили?

— Раз слышала, чего спрашиваешь?

— Она сказала, что милиция будет искать местонахождение. Типа проедут, на видео снимут, — Марина скроила жуткую летучемышиную гримасу, — потом словами опишут... жуть, хы-хы-хы.

— В чем юмор?

Марина ответила не сразу. Свесила ноги с подоконника, поводила пальчиком по кривым синим буквам «ВЫПУСК 2005 УРА!!!»

— Я могу это место за пять минут найти. Хоть прямо сейчас.

— Серьезно?

— За пять минут. Ну, может, за пятнадцать. Если скажете мне вводную.

— Это каким же способом?

Летучая мышка оскалила зубки-гвоздики.

— Способы есть. На всякий хитрый винт, Галина Евгеньевна, есть отверточка. Если вы ко мне лицом, то и я к вам лицом.

— А конкретнее? — ледяным тоном сказала я.

— А конкретнее так: я называю вам место, а вы мне все рассказываете.

— Не пойдет. «Все»- это не конкретно. — Я задумалась на одну секунду. — Если ты мне называешь место, я рассказываю тебе, кого мы ищем.

Марина слетела с подоконника, пару раз подпрыгнула на месте, потом вспомнила о солидности и протянула мне ладошку. Я легонько хлопнула по ней: мол, договор. (А заодно и первый урок молодой смене...)

— Пошли-те!

— То есть пойдете?

— Один фиг.

— Куда идем?

Глазки-бусины уставились на меня изумленно.

— В компьютерную. Куда еще?

Компьютерный класс у нас в гимназии хороший. Грех жаловаться. Сейчас он был наполовину пуст, лишь несколько старшеклассников за дальними столами трудились над чем-то умным, да из-за монитора в первом ряду раздался знакомый обиженный голос:

— Слушай, а че, Владимир Высоцкий, что ли, в двадцатом веке жил?!

— В двадцатом, в двадцатом, — ответила Николаенко. — И жил в двадцатом, и умер в двадцатом. Тебе компьютер больше не нужен?

— Вот, блин, засада... — пробормотал давешний четвероклассник, борец за свои права. Подхватил сумку и потащился к выходу. Марина плюхнулась на его место, цопнула мышь и защелкала, закрывая лишние окна. Наконец осталось последнее: синий прямоугольник поисковой системы «Рамблер» со свежеработанным запросом «песня о вешем олеге».

Пока я хихикала в кулак, представляя себе следующий раунд переговоров юного невежды с Натальей, Марина быстро набрала какой-то адрес, повелительно топнула на «энтер»... и я перестала хихикать.

Плохо, плохо не спать по ночам. Сразу не заметно, но голова тупеет. Ответ-то был рядышком: «Блюз Бродячих Собак»! Я, правда, до сих пор с ними особо тесно не общалась. Чего явно не скажешь о моей ученице.

Не задерживаясь на новостях и баннерах, она нырнула в форум, так же молниеносно прошла регистрацию, кликнула «написать», наколодила в заголовке «ХЕЛП!?!?!!!!!!!», чего-то еще набарабанила, видимо, для приветствия, и обернулась ко мне.

— Диктуйте вводную.

Я в третий раз принялась зачитывать с бумажки Настины показания (скоро наизусть выучу!) Пока Марина стучала по клавишам, я рассматривала хвостатые буквы заголовка. Мохнатые хвосты лихо закручивались бубликами. Под заголовком пробежала мультяшная черно-белая собачка — страшенькая, в стиле Масяни, с консервной банкой-баннером на хвосте: «ДО СТАРТА 6 ДНЕЙ» Села, попытала, свесив сиреневый язык до полу, и побежала дальше. Под собачкой были форумы. Просмотрев заголовки сообщений, я без труда определила ловушки для нормалов. Люди, перепутавшие эту ссылку с «Бегущим городом» или другими подобными мероприятиями, быстро убеждались в том, что здесь

ничего интересного не происходит, а просто какие-то фрики развлекаются стебом. Ну нельзя же, прикиньте, в столице нашей родины на самом деле устраивать гонки на собаках!

...У нормалов городское ориентирование вошло в моду сравнительно недавно. А столичные оборотни в эти игры играют не первое десятилетие. Да что я говорю — не первый век! Старшие рассказывали — еще при Гиляровском наши спорили на обед в трактире, кто первым доберется от Разгуляя до Александровского сада и оставит метки во всех контрольных пунктах. (Что-что, а система контрольных пунктов у городских собак отработана и отшлифована многовековой практикой.) Для четвероногих, знаете ли, эта игра — пройти через город из пункта А в пункт Б на максимальной скорости, без потерь и не прозевать ничего из того, что следует заметить, — это и не игра вовсе, а образ жизни. Как, впрочем и для двуногих.

Мы, летучие оборотни, играем в другие игры, а в том, чтобы пересечь Москву из конца в конец по любой траектории — для нас ни почета, ни славы. К «Блюзу Бродячих Собак» мы относимся снисходительно, еще с тех пор, когда он назывался «Мраморным Львом» и «Песым Трамваем». А вот и зря, получается. Ибо сказано: недооценка чуждых субкультур ведет к сужению кругозора...

Марина набрала последние слова и отправила сообщение. Через три секунды гордо ткнула пальцем в экран:

— Вот! Сейчас все будет.

Я поглядела. Аватарка рядом с новым комментарием — подсвеченный сзади черный силуэт головы, поросшей дредами. Ник «Баба ЁЖЖЖка». (А вы думали, откуда в ребячьих форумах такое количество звериных самоназваний? Нет, я не хочу сказать, что все они из наших. Которые «криведко»- точно не наши, беспозвоночных среди оборотней нет.) Статус участника... ого, четыре звезды из пяти!

Набирала она принципиально без заглавных букв.

«люди добрые помогите кто местный. что это за тропа? марков не знаем, только визуал. магазин «плитка»- типа все для ремонта, ювелирный, почта, сбербанк..»

Дальше в таком же стиле излагалась моя «вводная».

— «Переулок или проезд направо, слева за деревьями старый дом не меньше шести этажей, на фасаде водосточные трубы, — прочитала я вполголоса. — Очень нужно, и не спрашивайте почему ежика трахнуть нельзя ни хрена». Кхм... ну... обычно считается, что...

— Это подпись!

— А, извини. (Ну и зачем ставить такую подпись, если сама потом смущаешься?..) Так ты думаешь, быстро ответят?

— Сто пудов! Минут пять-десять, и ответы пойдут. Вы подождите, а я пока форумы почитаю, ладно?

Я кивнула. Марина погрузилась в обсуждение живо трепещущей свежими ссылками темы: что круче и правильнее с точки зрения идеологии игры — ездить на метро в собачьем Облике или несколько раз оборачиваться во время прохождения маршрута. Дискуссия кипела, кто-то уже переходил на личности и морды, кто-то советовал «сначала пересчитать своих блох, потом искать чужих», модераторы принимали меры. Марина азартно ерзала на стуле и дергала себя за дреды, потом снова застучала по клавише, внося посильный вклад.

Вот зачем ей так надо научиться оборачиваться собакой. Хуже нет, когда желания не совпадают с возможностями.

— А-ха! Вон он!

— Что, так быстро?!

Марина, не отвечая, отъехала со стулом в сторону и ткнула пальцем в экран.

«как два байта, бабуля твоя тропа называется ленинский проспект, а поворот на право — улица какого — то типа блин забыл. лови ссылку на гугель, твой дом

второй от проспекта».

За мышь мы схватились одновременно.

— Этот? — Марина ткнула в дом.

Не отвечая, я переключилась с карты на спутниковую съемку.

Спутники, конечно, летают повыше галок, но все равно картина знакомая.

Зеленоватые и серебристые двускатные крыши, как тусклые кристаллы. Бурая шерстка деревьев, лишаи газонов (весенняя съемка, что ли?) Второй от проспекта дом: квадрат из четырех корпусов.

Что там, Рязанцев сказал, находится? Какой-то институт. Что-то с Ф и Х... но это ничего не значит, там наверняка сидит куча арендаторов... как вороны в опустевшем скворечнике... Ага, вороны. Вот они-то и не дали нам посмотреть поближе тот дом. Не птенцов они защищали, нас выдала оптика на пузе. Или все-таки это была случайность?

Я кликнула на увеличение, еще раз и еще, пока картинка не начала рассыпаться на квадратики. Как раз с нужной стороны виден желтый фасад. Сколько этажей — разумеется, не понятно, но если участник собачьих бегов говорит, что это наш дом, значит, не меньше шести. А бурая поросль перед домом вполне может быть тополями. Ну-ну.

— Ну? Ну?! — Марина дернула меня за рукав. — Вы что-то поняли? Вы знаете, кто там сидит?

Наталя всегда говорила, что мимика — мое слабое место.

— Нет, — ответила я честно. — Но то, что мы знаем адрес, это отлично. Пойдем?

У нее хватило терпения дожидаться, пока мы окажемся в холле. Но там уже не смолчала.

— Галина Евгеньевна. Уговор?!

Оборотни не нарушают слова, коль скоро дают его. И ей это известно.

— Конечно. Но ты не будешь пытаться туда пролезть никаким способом. Считай, что это приказ.

Николаенко польщенно зарделась.

— Мы ищем Настю Матвееву. Ту пропавшую девушку, помнишь, в городском форуме обсуждалось? И ты нам очень помогла. Спасибо.

Произнеся это со всем возможным пафосом, я постаралась побыстрее смыться. Пока до Марины не дошло, насколько неравноценным был обмен информацией. При полном соблюдении уговора, что особенно обидно.

Я не собиралась туда соваться. Что я, совсем дура и ничего не соображаю? Или мне мало неприятностей? Или я забыла, что обещала любимому человеку? Все, чего я хотела, — провести рекогносцировку. Умное слово.

Тот самый дом я увидела минут через десять после того, как вышла из школы и обернулась. Помня о том, что произошло в прошлый раз, я пролетела вдоль чердачных окошек нескольких домов, во всю глотку вопя: «Наших бьют!» По-галочьи, естественно.

Опытные наблюдатели за птицами время от времени видят, как на помощь сороке, выгнанной из гнезда воронами, или наоборот, прилетают родичи. Солидарность и взаимовыручка у нас, врановых, развиты хорошо.

Дом накрыло черной сетью. Огромная стая орущих галок, несколько сотен, огибала его по спирали, следуя моей траектории. Не знаю, что делали вороны-охранники, — поди разгляди их в такой стае.

Повторяю, никуда лезть я не собиралась. А собиралась полетать вдоль фасада, позаглядывать в окна (этажей оказалось семь), попытаться определить подозрительный этаж... может быть, повезет, замечу Настю... Но когда я села на ветку тополя, перед самым моим клювом оказался непреодолимый соблазн.

Пятый этаж. Открытая форточка на гребенке. А за ней — крошечная комнатка, закрытая дверь напротив окна. Восхитительная вешалка с синими рабочими халатами. Очень перспективные ведра, просто замечательные щетка и совок-коробочка на ручке. А долго

думать — вредно для здоровья: другие галки разлетятся, я останусь на виду. Если кто-то там есть, просто сразу вылечу обратно.

Глава 16

Тут Вольга слетел вниз воробышком, обернулся горностаюшкой. У него тело узкое, зубы острые. Побежал горностай по царскому двору, пробрался в глубокие подвалы царские. Там у луков тугих тетивы пооткусывал, у стрел древки перегрыз, сабли повищербил, палицы дугой согнул.

Былина о Вольге Всеславьевиче.

Вообще-то в Москве, чтобы проникнуть на охраняемый объект, не надо быть ни оборотнем, ни большим начальником, ни спецназовцем, прошедшим мастер-класс у ниндзя. Ребята Рязанцева мне рассказывали за чаем, как сотрудница одного академического института — проходная, круглосуточная охрана, все дела — придя утром на службу, обнаружила в лаборатории бомжа, мирно спящего на полу. Вошел через дверь со двора. Незапертую, так что и взлома ему не пришьешь. Холодно было мужику, пить хотелось, зашел погреться и отдохнуть...

Осторожно, балансируя крыльями, я пролезла в форточку и слетела на пол. Действительно, никого нет. Дверь, скорее всего, заперта, но это не проблема.

Я приняла человеческий Облик и оглядела себя. Черные джинсы, кроссовки, вельветовый пиджак. Макияжа почти нет, лак на ногтях прозрачный. А хоть бы и непрозрачный, кого это волнует?

Широкий халат налез на пиджак, как по заказу. Я взглянула в мутное зеркало, привинченное к стене у двери. Стерла с физиономии профессиональную приветливость, тяжело вздохнула, набычилась, выпатила губу — «навезли-тут-грязищи-а-мне-выгребать». Так, все хорошо, кроме стрижки. Из нее так и светят тысяча рублей плюс чаевые мастеру, для работника метлы не годится. Задрав полу халата, я выдернула из кармана косынку, фальшивый Кельвин Клейн — с шелковистой лицевой стороны логотипы на черном фоне, изнанка серовато-белая. Сойдет. Пара минут ушла на то, чтобы завязать узел на затылке, вытащить из-под серой косыночки уши и пару унылых прядок. Вот теперь аутентично.

За помойным ведром обнаружился веник. Лысенький, правда, но я же не подметать сюда прилетела! Провела ладонью по двери, простенький замок щелкнул. Подхватив совок на ручке, я двинулась искать приключений.

Запереть за собой не забыла. Нечего кому попало расхищать инвентарь.

Самый обычный коридор. Ненатертый разохшийся паркет, по обе стороны — двери с номерами, темноту местами рассеивают неоновые лампы, горящие через одну. У стены стоит нечто вроде маленького зеленого холодильника — только дверца у него сверху и над ней застекленные табло со стрелками.

Вы не поверите, люди добрые, но это и в самом деле институт. Академическое научное учреждение на госфинансировании. Непохоже, чтобы здесь водились секретные службы и пленные оборотни. Может, спец по спортивному ориентированию все-таки ошибся?

Я побрела вперед деловито-расслабленным шагом человека, у которого весь рабочий день впереди и надбавок за инициативу не предусмотрено. Одни двери были глухими, другие со стеклянными переплетами, но стекло узорное, непрозрачное. Где-то было тихо, где-то слышались разговоры и механическое гудение. За спиной у меня открылась дверь, мужской голос буркнул «здрассь», и меня обогнал человек в белом халате. Вежливый, однако. Впервые видит, а здороваается.

Ладно, сюда вернуться я всегда успею. Настя говорила, что ее окно достаточно высоко. И кстати, теперь я вспомнила, что окна шестого этажа забраны решетками. Точно — на каждом окне толстые вертикальные прутья, такие сейчас многие ставят. Будь это первый

этаж, ничего удивительного... А ну-ка посмотрим, что у них на шестом.

Лестница, как ей и положено, оказалась в конце коридора. Я поднялась на один пролет, повернулась... хорошо, что на площадке в тот момент никого не было.

Этажом выше имелаась одна железная дверь. А рядом с ней на косяке — селекторное устройство, кнопка и маленькая табличка: «ООО «ВЕНИКОМБИЗНЕС»».

Воскликать «ага!» было некогда: по лестнице поднимался давешний тип в белом халате, с сигаретой в зубах и зажигалкой в руке. Я тут же брякнула совковой коробкой и принялась заматывать пепел на полу. У них свой бизнес веником, у нас — свой.

Да, кажется, это я удачно зашла. Что будем делать дальше, Галина Евгеньевна? Пойдем в гости? Я успела заметить рядом с кнопкой металлический кружок для прикладывания электронного ключа. Разрыв-трава в ладони, как мне уже случалось убедиться, успешно заменяла «таблетку».

Ну и толку? За любой дверью, снабженной звонком, в рабочее время всегда кто-то сидит. Охранник, консьержка, секретарь на ресепшене... Кто бы ни сидел, поймет ли он явление уборщицы с персональным ключом?

Думай, голова, картуз куплю. «Веникомбизнес» занимает не менее одного этажа в одном корпусе — кто бы ему дал поставить железную дверь, если бы он арендовал три с половиной комнаты? Других кнопок и названий на двери нет, да и быть не может: учитывая, что у них за дела, свою площадь они должны занимать в одиночестве. Значит, такой же коридор, как тот, по которому я сюда пришла. А еще точнее — коридор аккурат над ним. Не в правом крыле, потому что окно Насти выходит на проезд. Стало быть, если я спущусь назад и пройду по коридору до лестницы в противоположном конце...

Ученый с сигаретой недовольно покосился на меня и придвинул ближе банку из-под оливок, играющую роль пепельницы. Все, все, ухожу.

Проход на шестой этаж и там оказался закрыт. Плюс дополнительное разъяснение: на дверь наклеен скотчем белый лист с крупно отпечатанной надписью «ПРОХОДА НЕТ». Очень похожая железная дверь, только без селектора. Заперта на простой замок.

Я прижала ладонь к черному железу и загадала, чтобы внутри не оказалось еще и висячего замка. Против этого варианта я бессильна... Но нет, дверь беззвучно открылась. Ну еще бы, не станут же приличные люди запираяться на амбарный замок.

А лучше бы он там был.

Вот здесь государственным финансированием и не пахло. Пахло кофе, какой-то едой, дорогими сигаретами. На полу плитка, на стенах панели «под кожу», двери — дубовый шпон с новенькой фурнитурой и трехзначными номерами: 603, 604, 605... В целом похоже на мотель с почасовой оплатой. Панели и дубовый шпон в целом напоминали тот интерьер, что я видела на фотках Летчика Ли, — где пиар-менеджер, она же инспекторша, пила шампанское. Впрочем, на сто процентов я не была уверена, не вглядывалась, какие там панели.

Так, сначала соображаем, потом действуем. Настя сказала, что ее окно — рядом с водосточной трубой. (И ведь я же собиралась сначала посмотреть снаружи, балда!) Труб на фасаде две, на равном расстоянии друг от друга. Делим коридор на три части, оперативно проверяем комнаты в точках раздела — при максимальном невезении это восемь заходов. Четыре в одном месте, четыре в другом. Тук-тук, уборка. Заодно посмотрим, что в них...

Невезение оказалось больше максимального. Напротив первой трети был холл. А в холле ошивался мальчишка лет двенадцати, в джинсах и футболке. Ни дать ни взять ходячий пациент в больнице, устав ожидать выписки, слоняется без дела.

Проверять комнаты при свидетеле не хотелось, может, дождаться, пока он уйдет? Я подошла к огромной квадратной кадке с монстерой, принялась шуршать веником. Пацан не уходил, топтался у меня за спиной. Делать нечего балбесу. Или шугануть его? Я обернулась: мальчишка осторожными пинками гонял по полу крышечку от пепси-колы.

— Крышка не нужна больше? Дай замету, — сварливо сказала я.

И мы молча уставились друг на друга.

Загорелая физиономия, коричневые глаза обалдело моргают. Карие с золотом. Нос шмыгнул, еще раз — не жалобно, а деловито, будто принимаясь. Одет чисто, бурые вихры исчезли — в Удельном их стригут сразу же, собачьим блохам трансформация нипочем, им без разницы, кого кусать.

— Не было, говоришь, вчерашнего МК? — полушепотом спросила я.

— Тетя... а вы что тут делаете?

Он шептал чуть слышно. В щенячьих глазах было отчаяние.

— Гуляю, веником машу. А ты почему не в интернате?

— Я... они меня забрали. Скажите Сергей-Вадимычу, что я хочу назад! Пожалуйста, скажите, что я тут не хочу! Я буду слушаться, честно, скажите ему, пусть он меня назад заберет!

— Хорошо, скажу обязательно. Как только увижу. А чего ты не хочешь, можешь объяснить?

Ответа не было. Мальчик вытянул шею, оттопыренные уши приметно шевельнулись. А потом он сорвался с места и метнулся в угол, притаился за креслом.

В холл вошло несколько человек. Я продолжала шаркать веником, хотя сразу почувствовала, что концерт окончен.

— Ага, — сказали у меня за спиной. — Добрый день.

Их было трое. Один в серой форме, с коротким ежиком на голове — не иначе, тот самый охранник от парадного входа. Другой — в костюме, низенький, пожилой, с зачесом через лысину. И третий... То есть первый. Куда моложе лысого и гораздо хлипче охранника, но видно, что главный.

— Добрый, — равнодушно ответила я.

— Скажите, пожалуйста, как вы прошли сюда?

— Через ту дверь, — я махнула рукой в сторону «черного входа». — А чего такое?

— Та дверь заперта, — заметил охранник.

— А когда я там шла, было открыто.

— Она и сейчас заперта.

Я дернула плечом: дескать, это ваши дела, заперта или нет.

— Девушка, а вы кто вообще? — поинтересовался лысый.

— Я уборщица! А в чем дело?

— Кто вас нанимал?

— Это вас, может, нанимали, а меня принимали на работу в отделе кадров ИМЭФ! — я наконец-то, как раз вовремя, вспомнила аббревиатуру, названную Рязanceвым.

— А тут вы что делаете?

— Мету.

— А мы уборщиц не приглашали, — сказал лысый, по-змеиному улыбаясь. — У нас свои кадры.

— А тут чего, не ИМЭФ уже, что ли?

Неужели повезло и сейчас мне удастся уйти отсюда своим ходом?

— Да нет, не ИМЭФ.

— Ну извините, я не хотела... А где тогда можно выйти?

Охранник заступил мне путь.

— Хорошо, — сказал молодой, до сих пор молчавший. — Должен сказать вам, Галина Евгеньевна, что ожидал чего-то большего. После статей для «Интересного Города» — как-то это, воля ваша, мелко. Не тот уровень профессионализма. Не согласны?

— А кто вы такой, простите, чтобы судить о моем профессионализме? — холодно поинтересовалась я. Удар был настолько резким, что запаниковать я попросту не успела.

— Меня зовут Антон Михайлович. Рад сделать знакомство.

— Не могу ответить взаимностью, — огрызнулась я. Помолчала и добавила: — Сударь. Блондин, а точнее, белобрысый: и ресницы, и брови белые. Возраст — около тридцати.

Действительно хороший костюм, модный узкий галстук (сливочного цвета при черной рубашке — скорее клубный, нежели офисный вариант). На лоб кокетливо спадает широкий локон, как у Дугласа Фэрбенкса в роли беспутного брата Греты Гарбо. В общем, мужчина-фотомодель. Но выражение лица совершенно другое. Жестяное, хоть и улыбается. Никакого обаяния, ни природного, ни профессионального.

Есть, есть у меня приятели, в чьем исполнении и «сделать знакомство», и «воля ваша» звучат абсолютно органично. (В основном это те, кто говорят, как привыкли в молодости, и не дают себе труда переучиваться.) Но сейчас передо мной явно не тот случай.

— Предлагаю пройти в мой кабинет для продолжения беседы.

— Не возражаю.

Белобрысый Антон сделал приглашающий жест. Я сделала вид, будто не замечаю, неторопливо расстегнула халат, сняла его, набросила на рукоятку совка, прислоненного к подоконнику, так же не спеша сняла и свернула косынку. Потом протянула веник, совок и халат стриженному:

— Пожалуйста, отнесите на пятый этаж.

Он скривился, но взял. Пусть прогуляется, гад. Как я не подумала: если у черного входа не сидит охранник, значит, там висит камера!

Меня провели прямо в кабинет. В секретарском предбаннике сидел еще один стриженный тип, но молодой и в костюме без галстука. Пол в ковролине, на креативном столе из почти настоящего дерева — «макинтош», раскрытый ежедневник и пара модных офисных игрушек: шарики, подвешенные рядом к двум никелированным рамкам, шарики для успокаивающего катания в ладонях — в специальной, умрите все от зависти, чаше черного мрамора... Целая куча нефритовых шариков, штук пять. Должно быть, работа нервная. У стены шкаф, на полках пронумерованные папки.

Глядя на интерьер — деньги в конторе водятся, но не запредельные, считать приходится если не каждую тысячу, то десятки тысяч точно. Интересно, откуда вообще у них деньги?..

Антон качнул крайний шарик, и весь рядок закачался, защелкал: редко, чаще, чаще-чаще-чаще... Указал мне на кресло напротив стола. Я кивнула, прошла по кабинету. Оконные рамы новые, пластиковые, форточка открывается в секунду. Снаружи тоже решетка, но прутья не очень частые, в Облике протиснусь. Успею ли открыть окно и выскочить прежде, чем прибежит охранник с оружием? В принципе да. Можно еще ляпнуть этого Антона по затылку подставкой с шариками, когда он повернется спиной. И для надежности, и на счастье, и потому, что хочется.

Хозяин «Веникомбизнеса» проследил мой взгляд и ухмыльнулся.

— Не советую, Галина Евгеньевна. Подойдите к окну, не стесняйтесь.

Окно выходило во внутренний дворик, там росли все те же тополя. На ветках примостились вороны, пять штук. И было в них что-то мерзкое. Не всегда легко отличить обычное животное от оборотня, но эти — они сидели тихо и ровно, не перекаркиваясь, и, одинаково повернув головы, смотрели на окно кабинета. И еще... в общем, я поверила, что вылетать в форточку — себе дороже. Птицы не часто заклеывают друг друга насмерть, но это не птицы. «Ворон ворону глаз не выклюет»- не про них.

— Поняли? — тихий вопрос прозвучал над ухом. Я вздрогнула, надеюсь, не слишком заметно. Повернулась на пятке и проследовала к креслу.

— Ну что ж, Антон Михайлович, рассказывайте. Чем занимаетесь?

Он удивленно поднял брови. Нет, не такой уж красавчик, если приглядеться. Тонкий хрящеватый нос, губы узенькие. И блондин все-таки не натуральный — осветленный до соломенного цвета... ого, а сам-то он, похоже, не из наших.

— Вы что же, интервью у меня хотите брать?

— Не то чтобы хочу, но раз пришла...

— «Интересный Город» это напечатает?

— Да нет, едва ли.

— Значит, личный интерес?

— Можно и так сказать.

Мы перебрасывались дурацкими репликами и разглядывали друг друга.

— А может быть, вы здесь... э-э-э... в другом качестве?

— В каком?

— Ну, я не знаю... в качестве наблюдателя? Разведчика?

— Отчего такая идея?

— Галина Евгеньевна, давайте рассуждать логически. Успешная женщина, модный журналист переодевается уборщицей и тайком проникает в арендованное мной помещение. Должны ведь быть какие-то причины для столь... экстравагантного поведения? Или у вас такое своеобразное хобби? Опасное хобби, Галина Евгеньевна, если говорить откровенно...

Пока он трепался, я соображала. Говорить про Настю нельзя, про мальчишку-выдвиженца — тоже...

— Откуда вы знаете мое имя? Я вашего не припоминаю.

— А, ну это понятно. Вы, как я уже сказал, известный журналист, постоянно на виду. А я — простой предприниматель, моя работа публичности не требует.

— И вы узнали меня по фотографии над моей колонкой в ИГ? (Ага, точно! По черно-белой фотографии два на три сантиметра, где я на четыре года моложе, в кепке и солнечных очках. Скажи «да», и я посмеюсь.)

— Нет, отчего же. Просто я слежу за успехами людей с определенными способностями.

— Кто вы по Облику? — беспечным тоном спросила я. Этот вопрос и среди своих считается не очень-то деликатным, а уж в данном случае... Тем более, он вообще не был похож на оборотня. В человеке, как и в животном, распознать оборотня на глаз можно не всегда. Но я готова была поставить евро против рубля, что не ошибаюсь.

Улыбка соскочила с его лица, будто лопнувшая резинка. Губы так и дернулись. Я думала, он заорет на меня, но он заговорил тихо.

— По Облику, Галина Евгеньевна, я могу стать кем захочу. А от природы я, как это принято у вас называть, нормал.

Здратье-пожалуйста: псих. Только этого мне не хватало. Надо же — «кем захочу»! Я бабочка, бабочка... Видимо, не было похоже, что я благоговею и трепещу: хозяин окончательно обиделся.

— Я повторяю свой вопрос: чем обязан визитом?

Ответ я успела придумать.

— Спросите об этом у ваших ворон.

— О чем я должен их спросить?

— Ну, например, чего ради они кидались на меня, когда я пролетала мимо.

— Кидались?

— Еще как. Подумайте сами, Антон Михайлович: каждый раз над одним и тем же домом на вас нападают безумные вороны. Сначала я решила, что у них брачный сезон...

— Так. А потом?

— А потом поняла, что они защищают гнездо.

Антон Михайлович одобрительно улыбнулся и кивнул.

— И вы решили наведаться в это гнездышко? Чтобы посмотреть, что тут происходит?

— Ну да, — я сделала честные глаза. — Здесь же не происходит ничего плохого?

— Конечно, нет. Ничего противозаконного.

Скорее всего, так. Покажите мне в уголовном или в гражданском кодексе хоть один закон, который касался бы оборотней!

— А чего же тогда вы так себя защищаете?

— Время такое, Галина Евгеньевна, — белобрысый продолжал мило улыбаться. — Сами понимаете. Двери нараспашку держать нельзя.

— Но птицы-то вам чем не угодили?

— Наша деятельность имеет свою специфику. — Мне не понравилось, как он посмотрел на часы. Вряд ли чего хорошего дожидается. — Не все оборотни хотят оставаться оборотнями.

— Да ну? — удивилась я. — Сроду не встречала оборотня, желающего стать нормалом.

— Возможно, вам имеет смысл расширить свои представления о жизни. Случаются разные ситуации. Например, представьте себе такой вариант: девушка-оборотень влюбляется в нормального человека, ее чувство взаимно. Вы понимаете, что родные ее избранника не в восторге...

Теперь он говорил как перед камерой, на смену старорежимным оборотам пришли газетные. А когда сказал про избранника, опять дернулся. Или попытался подмигнуть?

— ...Сейчас, конечно, время цивилизованное, оборотней на кострах не жгут, ни в Европе, ни у нас, но... вы понимаете, ни одна мать не захочет, чтобы их сын соединил свою жизнь с НАСТОЛЬКО странной девушкой. Опять же, многим не позволяют религиозные убеждения...

— Вот этого только не надо, — попросила я кротко. — Значит, здесь у вас собрались оборотни, влюбленные в нормалов, и всем этим нормалам резко поперек, что их возлюбленные — оборотни? И этих бедняжек так много, что пришлось развернуть целое дело?

— Ну зачем же все доводить до абсурда? — укоризненно сказал белобрысый. — Бывают разные обстоятельства. Человеку это может мешать и в бизнесе, и в семейной жизни... Неужели вы не понимаете?

— Нет. Лично мне ЭТО всегда только помогало. И в бизнесе, и в семейной жизни... нелепость какая-то, прошу прощения!

Он оставался спокойным. И, кажется, слегка злорадствовал.

— У нормальных людей, Галина Евгеньевна, — он подчеркнул слово «нормальные», — такое случается. Разве вы не слышали историй о том, как ученые уходят из науки, чтобы больше бывать с семьей, актеры — со сцены, балерины — из балета... Если в вашей жизни такого не было, значит, вам повезло. Но не у всех так удачно складывается.

— Понятно, — сказала я. — Спасибо. Так значит, у вас благотворительный проект?

— Можно и так сказать.

— И в качестве источника финансирования — какой-нибудь грант на возрождение... скажем, человеческого фактора в России?

— Да нет. Наш проект самокупаемый. Более того, он приносит прибыль.

— Самокупаемый. Хотите сказать, ваши клиенты платят вам? За то, чтобы избавиться от дара?

Белобрысый рассмеялся.

— А неплохая идея, мы об этом подумаем! Пожалуй, это было бы респектабельно, бесплатные услуги не вызывают доверия. С другой стороны, наживаться на чужом горе... как-то нехорошо, вам не кажется?

Глаза у него были светлые и пустые. Как дырки в бумажном листе, наклеенном на стекло. Ну, не хватало еще оказать страх перед этим красавцем!

— Значит, сейчас у вас другие источники дохода?

— Совершенно верно. Видите ли, конечно же, не всем этот дар мешает, тут вы абсолютно правы. Многие были бы готовы заплатить любые деньги, чтобы приобрести его.

— Приобрести? Это невозможно.

— Почему нет? Ведь оборотни, если не ошибаюсь, в течение жизни приобретают новые Облики, кроме врожденных?

— То оборотни.

Выражение лица моего собеседника внезапно изменилось.

— Ну да, разумеется. Оборотни, всемогущие и почти бессмертные, обитающие в своем замечательном мире, закрытом для презренных нормалов... Вам, лично вам, никогда не приходило в голову, что нормалы могут дать сдачи?!

— Не приходило, — ответила я. — Я нормалов первая не была, с чего бы им давать сдачи?

— Не били, конечно, я понимаю. Не снисходили.

Он взъерошил себе волосы обеими руками, вскочил, прошелся по кабинету.

— Вы умная женщина, Галина Евгеньевна. Вот как по-вашему: все люди и кучка оборотней — это хорошо, правильно?!

— Правильно? Что именно, простите?

— Вот это самое! Все человечество веками мечтало о победе над старостью, об умении превращаться в животных, о свободном полете, наконец. И потом все это достается кучке... неких существ, которые воображают себя избранными. Летают над Москвой на своих крыльях, пока быдло парится в пробках. Вот это — нормально?! Только честно, подумайте и ответьте!

Я подумала очень хорошо. От ответа зависело многое. Если не судьбы человечества, то моя персональная участь — наверняка.

— Это печально, Антон Михайлович. Но это естественно. Ведь есть, как вы говорили, гениальные актеры, балерины, ученые. И есть люди, которые с детства мечтают стать актерами, но не становятся. Или становятся всем смертям назло, но нет им от этого ни пользы, ни удовольствия. Просто у кого-то от рождения есть способности, а у другого нет. Вас это не возмущает?

— Мы говорим о разном, — резко ответил он. — Если человек хочет выучиться на актера или там певца, он может брать уроки, прикладывать усилия. В конечном итоге это все достижимо.

— А если человек страшненький брюнет ростом метр с кепкой, а хочет быть красивым высоким блондином?

— Какие проблемы? — Он пожал плечами. — При современной медицине и это достижимо, были бы деньги. А деньги — вопрос упорства.

— А если человек интегралов не понимает, а хочет стать математиком?!

— Да запросто. Или для вас новость, что при разумно сделанных вложениях поступление в определенный вуз гарантировано?

— Поступления вообще-то мало... — пробормотала я. — Знаете, Антон Михайлович, а ведь сами математики и актеры считают иначе. Никто из них не думает, что этот путь открыт для любого.

Он пренебрежительно хмыкнул.

— Это они вам на интервью говорят? Еще бы. Всякая привилегированная группа старается показать, какая она закрытая и избранная. А на самом деле по большому счету это вопрос чьего-то желания: кто войдет в группу, кто ее покинет... Это и к вашей группе относится, Галина Евгеньевна. Теперь — и к вашей. Легко, без п. ды, б...

Нецензурные слова прозвучали у него крайне неестественно. Как у младшеклассника, который впервые в жизни нашел случай произнести то, что давно репетировал в уме. Если Антон Михайлович рассчитывал меня шокировать, он прогадал: я слишком удивилась. Наверное, и это было заметно по моему лицу, потому что он покраснел.

— Всякая элитарность, Галина Евгеньевна, — это зло, с которым борются прогрессивные силы. Элитарность развращает, она порождает чувство превосходства — замечу, ложное чувство, ни на чем не основанное.

Где-то я это уже слышала. А, ну конечно: Лебедев с его панегириками советским школам и призывами упразднить нашу гимназию.

— Вы левый по убеждениям?

— С чего вы взяли? Я демократ. Я за равные возможности. Само понятие элитного кружка, в который никак невозможно проникнуть, оскорбительно для тех, кто не причастен к элите. Это понятие, применительно к вам, мы разрушили. Теперь нормал может стать оборотнем. Понимаю, вам неприятно это слышать, и тем не менее такова объективная реальность.

Я посчитала за лучшее смолчать. Все-таки он сумасшедший. Это никак не может быть правдой. В тридцать седьмом тайну оборотничества не смогли вымучить, ученые во всем мире бьются, а мне тут хиленький блондинчик, зеленый чай с зачесом, рассказывает, что умеет отнимать оборотневый дар... или наделять им нормалов... Бред. Но — деньги? Деньги у него откуда?

— Я удовлетворил ваше любопытство? — самым светским тоном спросил Антон Михайлович. — Теперь удовлетворите и вы мое. (Он нагнулся к селектору.) Вань, зайди на минутку. Вы прекрасно понимаете, что не сможете сослаться на этот разговор со мной. А если и сошлется, ничего страшного, у нас мощное прикрытие. Но все-таки, для порядка... передайте Ивану, пожалуйста, ваш мобильный телефон, он ведь со встроенной камерой? А также иные носители информации, если они при вас есть.

Секретарь-бодигард подошел ко мне, мягко ступая, и протянул руку. Сопротивляться было глупо, я отдала свой телефончик. Как диктофон я его не использую, фотографий там, кажется, три, все они сделаны Машкой и представляют вдумчивому ценителю смутные образы уток в пруду. В записной книжке пусть роятся... ох, вот же ж блин! Входящие! И почему я не стерла номер, с которого мне звонила Настя? Ведь собиралась...

— Еще какая-нибудь техника с собой есть? — безлично спросил Иван, отрывая глаза от экранчика моего «самсунга». Что было на экранчике, я не могла разглядеть. Но не картинки точно.

— Вы уже закончили смотреть фотографии? — вопросом на вопрос ответила я. Что за хамство, в самом деле, — речь была о встроенной камере, а не о просмотре звонков.

Иван так же молча положил телефончик и бесцеремонно принялся меня обыскивать. Игры в политес кончились, и я не стала скандалить. Даже тогда, когда бодигард выудил из заднего кармана моих джинсов флешку.

Первая мысль — как жалко, любимая игрушка была. Синенький металлик с колпачком, обратно, небось, не получу. И только вторая: теперь всё.

Иван присвистнул, поманил хозяина рукой. Монитор стоял ко мне спиной, но я догадалась, на что они смотрят: в режиме слайд-шоу перед ними нарисовалась фотография пиар-менеджера компании «Веникомбизнес». Отлично сделанное, профессиональное фото... И зачем я, идиотка, не стерла файл, после того как показала Наталье?! Думала — вдруг пригодится? Точно, пригодится. Только не тебе.

Глава 17

Молодые особи птиц многих видов боятся всего живого и движущегося, и только постепенно они узнают, кого им следует, а кого не следует бояться. А вот молодые галки ни перед кем не испытывают страха.

Научно-популярная статья.

— Ты не вздумай оборачиваться, барышня. А то я по птицам стрелять не люблю. Жалко.

Я посмотрела в лицо охраннику. Обычный дядька, полноватый, усатый, на щетинистых щеках багровые пятна. Обычный пистолет в руке, такой же, как Валеркин. Ствол нацелен на меня.

— А по женщинам — любите?

— А ты не женщина. Ты оборотень.

— Понятно.

Чего же тут не понять. Птицу убивать жалко. Женщину — стыдно. А меня — почему бы и нет.

— Иди давай. Быстрее дойдешь, быстрее...

Он не договорил. А меня уже не хватило на новое ехидство. Не скажу, что страх мне не был знаком, при моей добровольной общественной нагрузке были случаи испытать это

чувство. Но от страха и беспомощности вместе взятых я успела отвыкнуть. Со времен нормальной школы, где я училась в младших классах — только там, как бы плохо ни приходилось, пуля в спину мне все-таки не угрожала.

За дверью оказалась... лаборатория. Или медицинский кабинет. Или пыточная камера из фантастического фильма. Зашторенные окна, неоновый свет. Кресло с подголовником, снабженное ремнями, ошейником и ножными браслетами. И тип в расстегнутом белом халате. Кажется, знакомая рожа, особенно этот лохматый чуб и оттопыренная нижняя губа...

— Куда ее? — спросил усатый.

— Если птица, значит, вверх, — скучно ответил тип в халате и опустил вниз рубильник на пульте. — Всё, можно.

Меня пихнули стволом между лопаток.

— Поднимайся, барышня. По ступенечкам.

Ступенек было пять, они вели на помост, а наверху стояла арка. Не какой-нибудь помпезный портал в иной мир, а банальная такая арка, вроде той, через которую прогоняют публику у входа на выставки и театры на предмет выявления бомб.

Охранник поднялся за мной, слегка подтолкнул, я шагнула в арку, чтобы не упасть. И ступила на металлический лист. Который тут же провернулся у меня под ногой.

Я не поняла, успела я обернуться или нет. Очнулась в человеческом Облике, на дне огромного ящика, на чем-то мягком и шатком. Попыталась встать на ноги с четверенок — и охнула от боли в щиколотке. Ничего удивительного: падать с высоты больше метра, не тормозя крыльями, мне тоже не доводилось очень давно. Так или иначе, я почему-то все еще была жива.

В ящике прямо перед моим носом открылась дверка, свет заслонили чьи-то голова и плечи.

— Выходите, барышня.

На «вы» перешел, безразлично отметила я. Твердый пол качался под ногами не хуже батута, и усатый дядька, уже без пистолета, подхватил меня под мышку.

— Вот видите, Галина Евгеньевна, не все в мире так однозначно, как вам представляется. Вчера вы оборотень, а сегодня — нормальный человек.

Я ничего не ответила, только приложила все усилия, чтобы встать ровно. Время для гордых отповедей не пришло: белобрысая физиономия Антона Михайловича странно расплывалась у меня в глазах, а лампы под потолком то вспыхивали ярче, то отказывались светить. И все тело сотрясала дрожь, как после суточного перелета на голодный желудок.

— Ну что, чем порадуете? — обратился он к типу в халате.

— Все как обычно, — ответил тот. — В фокусе. Что дальше?

— Готовьте импозицию.

— А что готовить, все готово. Кому будем делать?

— Мне! — в голосе Антона мне послышалось раздражение, а что касается второго... кто же он такой? Ведь я знаю его, хоть убейте...

— Кхм, если хотите знать мое мнение...

— Не хочу.

— Вообще-то клиенты...

— Делайте что вам велено.

— Ка-ак скажете, — обиженно протянул ученый. И тут я вспомнила. Те же два слова, с той же точно интонацией он сказал Святославу Николаевичу, когда тот посоветовал оставить электрофорез еще на час.

Ну, Никонов... я подозревала, что ты скотина, но не знала, что ты полная сволочь.

Меня отвели в маленькую комнату с одним зарешеченным окном. Через окно открывался вид на верхушки тополей и улочку, отходящую от проспекта. Гадать, далеко ли Настина камера, не было сил.

Если верить часам, прошло всего-то пятьдесят минут. Но я то ли заснула, то ли

потеряла сознание. Шевелиться было больно, каждая мышца ныла. Я вспомнила, что случилось... и тут же тело опять свело судорогой, спину и плечи прошила новая боль. Обернуться, понятное дело, не получилось.

Так, надо успокоиться. Медленный вдох, выдох еще медленнее. Я понимала, что происходит. Синдром известный. Оборотень, потерявший способность оборачиваться, пытается воспроизвести ощущение вспышки резким мышечным сокращением. Рывком покинуть человеческий Облик. Врачи нормалов в разное время и в разных странах принимали это за эпилепсию, за истерический припадок, за одержимость бесами... В общем, малопривлекательное зрелище для стороннего наблюдателя.

Да и самому подопытному — никакого удовольствия.

Ясно одно: это не просто заклятье, запирающее оборотня в человеческом Облике. Тому заклятью я неоднократно подвергалась, и сама его накладывала (на Машку перед прививкой). Так вот, то, что случилось со мной сейчас, — совершенно другое. Разница как между наглухо запертой дверью — и дверью взломанной, висящей на одной петле. Там, где прежде обитала птица, — пустота. Я больше не оборотень.

Известное дело, самые болезненные потери — когда теряешь то, чего не замечал и полагал само собой разумеющимся. Молодость, например, или здоровье, или талант, или родных. Или свою птицу... Ладно, горевать и рефлексировать будем потом, сначала перестань дергаться!

Я лежала на кровати с железной спинкой, на ухабистом казенном матрасе (больницу они ограбили, что ли?). Смотрела в потолок и дышала по науке. Скоро приступы прошли, в голове прояснилось. Лучше б не прояснялось. Отчаяние было за распахнутой дверью.

Я не думала, что меня могут убить. Сначала не приходило в голову, потом — не было сил бояться. Потом вяло поразмыслила и решила, что вряд ли. Сразу они меня не пристрелили, видимо, собираются еще расспросить: откуда я на самом деле про них узнала, да с какой стати у меня во входящих телефон их пациентки... А скоро будет поздно. Валеркины ребята наверняка уже разгадали загадку и разворошат это гнездо, самое позднее, завтра. Плохо, если завтра, мои будут волноваться... Машке мама с няней чего-нибудь сокрут... Так или иначе, два дня я продержусь. Если они не сразу приступят к форсированным методам допроса — а по идее, не должны, сейчас не тридцать седьмой год и даже не девяностый. В ванной не затопят, кстати, и нет тут ванны, утюг на спину не поставят... Хотя кто их знает, этих борцов за равные возможности. Да не все ли равно. Что мне терять?!

...Полет над Воронцовскими прудами. Вам приходилось когда-нибудь глядеться в зеркало величиной со стадион? Небесный круг — подо мной, синее облачное небо, дрожащее от ветра, и мой силуэт в нем то уменьшается, превращаясь в маленький крестик, то растет, когда я снижаюсь. Поднимаюсь выше; воздух упирается в маховые перья, держит на себе и несет вперед. Вирази над старыми крышами — я складываю одно крыло, и воздух слева становится реже, пропускает меня, ведет по дуге, по спирали, пока один резкий взмах не выправит траекторию. И совсем иначе набираешь высоту в ветреный день: будто карабкаешься по ступенькам, отталкиваешься каждым ударом крыльев... Всего этого больше не будет.

Снова придется ездить в метро. Я вспомнила пафосные речи Антона Михайловича о пробках. Забавно, что именно автомобильные пробки этот белобрысый жлоб считает уделом бы-ы-ыдла... Хотя почему нет: в метро ездят как раз не худшие представители нации... не только они, к сожалению... Как говорит моя коллега, прорыть бы в Москве второе метро, куда пускали бы только приличных интеллигентных людей!

Ну и что, можно подумать, я не добиралась на работу и с работы на метро! Добиралась. Годы и годы, до тотальной компьютеризации, когда нужные вещи не умещались в карманы! Плотная толпа перед эскалатором, ты зарыта в толпу, как в землю по горло, все переступают, будто стреноженные, маленькими шажками, в нос лезут чужие кудри, сзади бредут парень с девицей, похожие на Шрека и Фиону, несчастливых в личной жизни и дурно воспитанных —

в руках у обоих бутылки пива, дискутируют о любви и семейном долге через слово матом...

Нет, но можно же не ездить в час пик, у меня же свободный график! Или машину купить, в школу возить ребенка... У Машки будет мама-нормал, ну и что, это случается. Зато теперь не надо будет преподавать в школе, от москвоведения, по крайней мере, я избавлена. И от оперативной работы — теперь уже точно навсегда. Ну и займусь журналистикой, ничего страшного, где повод для слез?. Конечно, если окажется, что Матвеич действительно держал меня только для экзотики — тогда меня ждет перемена в карьере. Но и это, опять-таки, не трагедия: когда обо мне спрашивали из Журнала, Который Якобы Круче, Чем Мы, они ведь не знали, что я оборотень? Найду работу, ребенка прокормлю.

Но как же не хочется — погружаться в эту тусовку с головой. Единственно приемлемый способ существования в Москве — это жизнь в нескольких мирах одновременно. Один из моих миров у меня только что отобрали.

А что осталось? Человеческий Облик. Дочь и любимый человек... лис-оборотень, у которого не может быть амуров с нормалкой... или может? Я ведь... А он...

Стоп, хватит ерунды! Я же только что подставила его.

Даже не будь в файле данных о камере, которой было сделано фото, — установить, где велась съемка, дело ерундовое, не могут они не узнать собственную корпоративку. Отчетливо видно, что снимали не телефоном и не «мыльницей». Дальше просто: вряд ли на их задрипанной вечеринке было несколько фотографий с профессиональной техникой. А хоть бы и несколько, это не запутает их надолго. Ой, Пращур-Ворон... вот теперь действительно ой. Интересно, Ли уже сдал им работу? Если они его пальцем тронут, если только посмеют...

Для кого как, а для меня лучшее средство от слабости — это страх за других. И еще я ненавижу выглядеть идиоткой перед мужчинами. Особенно перед одним.

Приказывать себе перестать сокрушаться больше не пришлось: вся рефлексия вылетела из головы мгновенно. На смену ей пришла холодная ярость.

Всё, господа, надоело мне тут с вами. Ухожу недовольная оказанным приемом. И если вы думаете, что идиотские замки и решетки меня удержат, — это последнее заблуждение в вашей богатой на ошибки карьере. Я еще не продумала в деталях, что сделаю, но... честное слово, уважаемые, лучше б вы час назад дали мне спокойно уйти с моим веником!

Я подошла к двери. Не заперта, естественно: туалет здесь в коридоре. И вправду — как в дешевой гостинице. Главное, замок имеется. Если будет нужно, запрем ее, чтобы никто не побеспокоил. Разрыв-трава и такое умеет делать, только надо прикладывать не ладонь, а тыльную сторону сжатого кулака. Я внимательно осмотрела углы. Камер слежения вроде бы не наблюдалось. Конечно, нельзя гарантировать, что они не спрятаны очень хорошо...

Матрас на моей кровати застелен простыней, одеяло лежит в ногах, на нем слипшийся квадрат наволочки. Намекаете, что я здесь надолго? Ну-ну. Интересно, когда Антон Михайлович надумает меня расспросить про фотографию и телефон во входящих. Или у него будут ко мне и другие вопросы? Наверное, будут: едва ли он поверил, что я залезла сюда по собственной инициативе. (Ничего не поделаешь, правда всегда выглядит идиотски.) Но он не торопится. Он ведь еще не знает, что у него мало времени.

Раскрыв окно, я уперлась лбом в решетку: голова не пролезала между прутьями. Вот теперь пора выяснить, где водосточная труба и, стало быть, Настино окно. Если бы сейчас обернуться...

Просто я напрочь забыла, что не могу. Мне нужно было заглянуть в соседнее окно, и я обернулась. Машинально. Если бы среди птиц проводился конкурс на самый глупый вид, у галки, сидящей на линолеуме перед открытым окном, были бы неплохие шансы.

Я повертела головой, оглядывая увеличившуюся комнату: широкий подоконник нависал надо мной, будто карниз. Вытянула крыло, чтобы разглядеть его как следует. Мое крыло, такое же знакомое, как рука человеческого Облика. До последнего перышка.

Значит, эти гады все-таки вдали?! Весь этот театр с тыканьем стволom промеж лопаток и люком в помосте был... театром? Психической атакой, как в фильме «Чапаев»? И ведь

сработало. Пять минут назад я была уверена, что дар у меня отнят. Холера, он и был у меня отнят, меня били самые настоящие судороги! А что теперь переменялось?

Следом пришла еще одна дурацкая мысль: может, пока я лежала в отключке, мне успели дать какой-то наркотик, и теперь я только воображаю себя птицей? Сейчас как-ак вылечу — и нет проблем у Антона Михайловича... Нет, не получается. Если я на самом деле человек, а не галка, я не пролезу через эту решетку. А хоть бы и пролезла, на улице все еще день, полно народу, машины на стоянке перед подъездом. Брэнное тело на газоне вряд ли останется незамеченным. Не мудри, Галина Евгеньевна.

Я собралась с духом и обернулась обратно в человека. Подхватила пиджак со спинки кровати, подошла к двери и мстительно заперла ее: понадобится кому — стучите. Потом аккуратно закрыла окно, а форточку распахнула настежь. Я знала, что галлюцинации бывают сколь угодно убедительными, но соображала и то, что нет времени гадать, верить или не верить своим ощущениям. Если они все-таки наблюдают за мной и поняли, что их маленький розыгрыш закончился...

Эта мысль подействовала бодряще. В форточку я не выбралась, а вылетела: кажется, просквозила между прутьями, сложив крылья, на манер летучего катера из «Звездных войн». Или Сережки. Ага, а это идея. Вот кто мне сейчас нужен! У нас найдется тема для беседы.

Страшно хотелось улететь отсюда как можно быстрее: ведь есть еще и вороны-охранники, никуда они не делись. Но я заставила себя повернуть и пролететь мимо окна рядом с водосточной трубой. Черный котенок дремал в позе сфинкса на белой подушке. Настя показалась мне совсем крохотной, куда младше своего возраста. Потерпи еще полчаса, девочка. Не может быть, чтобы Серега мне отказал...

А теперь — вперед!

Видел бы меня в эту минуту какой-нибудь натуралист, мировой орнитологии пришлось бы пересмотреть представления о максимальной скорости полета врановых.

Очнувшись я на асфальтированной крыше панельного дома в нескольких кварталах от проклятого места. Летела сначала по прямой, отталкиваясь от воздуха со всей возможной силой, как гребец в лодочке, за которой гонится акула. Потом — зигзагом и спиралью, оглядываясь в поисках погони. Антоновых бодигардов, однако, позади не было. Проворонили меня.

Я перевела дух, успокаивая колотящееся птичье сердце, и снова обернулась. Просто так, без особых намерений. Чтобы оглядеться человеческими глазами и подумать человеческими мозгами. И услышала за спиной испуганный писк.

У «домика Карлсона» — такой квадратной будочки, в которой бывает лестница на чердак и выход вентиляционной шахты — стоял, обалдело моргая, парень в очках и с хвостом на затылке, из двери за его спиной высовывалась длинноволосая девица. У обоих — такие лица, будто перед ними внезапно появились их мамы и начальник курса в придачу.

Мне было не до того, чтобы щадить их чувства. Я шагнула к ним, одергивая рукава пиджака. Парень попятился, девчонка уцепилась за плечо кавалера.

— Извините, пожалуйста, можно воспользоваться вашим телефоном?

Москвичи, даже сидящие на крыше, далеко не всегда отвечают согласием на эту просьбу, но парень молча протянул мне маленькую «раскладушку».

Серега отозвался после первых двух гудков. (Все же как хорошо, что я выучила его номер наизусть!)

— Сереж, мне нужна помощь. Прямо сейчас. И это касается моего крестника. Ну, того пацана, которого мы с Машкой нашли.

— Ты знаешь, что с ним?

— Я его только что видела.

— Где ты?

Я взглянула вокруг, соображая, куда меня занесло.

— Через пять минут буду в «Чердаке», годится?

— Хорошо. Я сейчас в Удельном, подождешь меня?

— Конечно. До встречи. — Я протянула телефон очкастому юноше. — Спасибо.

Оборачиваться у них на глазах я не стала, зашла за другой «домик Карлсона». Кажется, они видели вспышку, но, знаете ли, не тот был случай и не то настроение, чтобы соблюдать китайские церемонии. Уже в полете меня догнал яростный девичий вопль:

— Ты мне говорил, что с одного косяка ничего не будет!..

Глава 18

*Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон! где б нам отобедать?»*
А.С.Пушкин

Многие московские крыши обнесены балюстрадой или хотя бы заборчиком. Это эстетично и безопасно, и нет в этом ничего странного. Цветники на крышах — не дикие самосевки, а ухоженные клумбы, сияющие всей своей красотой до первого снега — явление пока еще редкое, но тоже не уникальное, проверяющим инстанциям бывает довольно документа о проделанных работах по гидроизоляции и водостокам. Кого-то могло бы удивить наличие передвижной барной стойки, кофейного автомата, холодильника, корыта с горячим песком и обширного тента, — но к визиту официальных лиц все это убирают на чердак: по документам кафе в этом здании больше не работает. В обычное время люки, ведущие на крышу с чердака, закрыты. Правда, почему-то снаружи, то есть сверху. Ну а то, что к дому часто подлетают разные птицы и садятся на эту крышу, а потом улетают — это вообще мало кто замечает. Внимание орнитолога привлек бы тот факт, что среди этих птиц попадаются чайки, утки и соколы, а то и фазан, если кто из посетителей совсем не в себе... но если честно, все ученые, которые работают с московской орнитофауной, рано или поздно про нас узнают. А остальным людям плевать. Кто исчислит пути птицы в небе?

Не знаю, кто исчислит, но точно не налоговая инспекция. Одно время у владельца «Перелетного Чердака» имелась бумажка с непроизносимым словом «ПБОЮЛ», но это было давно. Настал момент, когда юридические трудности показались ему слишком уж трудными (подозреваю, он просто не смог разобраться, кому и сколько должен в неофициальной раскладке), и любимая кофейня московских летучих оборотней ушла на дно. Точнее, вот именно, в небо.

«Перелетный Чердак» зовется перелетным потому, что у него два адреса, основной и запасной. И второй запасной после запасного, и... да что говорить, любой из наших, кто арендует здание с плоской крышей, птица он или зверь — любой почтет за честь приютить Кукустра! Бывает так, что на кафе без лицензии в контролирующие органы приходит стук (стучат в основном дамы, имеющие что-то против Саньки, — и невдомек дурам, что ПЧ, независимо от морального облика его хозяина, есть культурная ценность и достояние всей московской диаспоры!). Тогда «Чердак» перелетает. Санька хвастается, что все его имущество легко влезает в грузовой вертолет. Может, конечно, и врет, — кто ему даст тот вертолет, — в любом случае мне нравится воображать процедуру переезда.

Кто делал дизайн кофейни — не знаю, но получилось здорово. Здесь бывает холодно, но не бывает мокро: от дождя укрывает армированный пластиковый купол, не совсем прозрачный, а золотисто-коричневый, превращающий и солнечный, и пасмурный день в сумерки параллельного мира. А от ветра вместо стен защищают вертикально поставленные двойные оконные рамы старого образца. Между стеклами художественно насыпан «культурный слой»- песок, как будто нанесенный водами всемирного потопа, а в нем — пластмассовая шариковая ручка из двух половинок, синей и белой, чудом уцелевшая серебряная елочная шишка, черные от окиси алюминиевые ложки, скомканный бумажный рубль, кинолента от домашнего проектора... выше — чистая промоина там, где верхние наслоения легли на огромную логарифмическую линейку, а над ней прозрачная коробочка

аудиокассеты с коричневым мотком ленты внутри, и массивные позолоченные клипсы под скифское золото, и флакон из-под литовских духов, и россыпь монет с невероятным номиналом, и жетон изумрудного цвета, и сломанная расческа, и черный пластиковый конвертик с дыркой посередине — это, дорогие дети, первый общедоступный носитель информации, пятидюймовая дискета... С такими стенами никаких картин не надо.

А кроме них нашу кофейню украшают живые цветы на клумбах — сейчас это настурции, те самые, которые на закате вспыхивают собственным внутренним оранжевым светом и на чьих листьях вода превращается в стеклянные шарики. И еще огромные коряги, очищенные от коры, высветленные ветром и водой до цвета тусклого серебра. Несколько особенно ветвистых коряг положены вдоль балюстрады — не иначе затем, чтобы посетители в человеческом Облике не могли там ходить и не засветились с улицы. А прибывающим птицам, наоборот, удобно. У меня самой дома есть коряга возле компьютера.

Народу пока было немного. Из семи столиков занят всего один — светловолосый парень кормит печеньем подругу-голубицу. Хозяин «Чердака», Саня Кукустер, увидев меня, приветственно качнул своим замечательным носом и высоко вздыбленной черной гривой. Кукустер — это не фамилия, это мужской род от кукушки. Или, что более вероятно, среднее между кукушкой и монстром. У Сани пятеро детей — от пяти разных женщин, если я ничего не путаю.

— Що тобі, Халю? — подозреваю, что украинский акцент он фальсифицирует, в его родном Харькове по-русски говорят гораздо чище.

Неженственная привычка совать купюры в карманы джинсов выручала меня не раз, выручила и теперь. Кукустер бы мне налил в кредит, но к чему лишние слухи? Я вытащила две скомканные бумажки.

— Двойной! И «Кенигсберг»! И Наутилус, «Негодяй и ангел»!

— Та михом!

В чем прелесть «Перелетного Чердака» — кроме кофе, можно заказывать музыку. Стоит это удовольствие недорого, особенно днем. Колонки качественные, фонотека — копия Саниной личной коллекции, а он меломан.

Обычно я заказываю какой-нибудь блюз. В крайнем случае раннюю «Белую Гвардию» или «Маша подходит к краю крыши» Адриана и Александра. Но если Кукустер и удивился, виду не подал. На то и «Чердак».

Юноша за крайним столиком повернулся в профиль... ого! Баранов, голубь наш белокрылый! А ведь Алла Иванова никак не может быть голубицей, ворона она... Или я ее недооцениваю? Твердая пара по москвоведению еще не означает пары по трансформации. Нет, все-таки не она. Бедная Алла. Хотя почему бедная? Смотреть надо было, с кем связываешься. А вот кому-то теперь может повезти... если этот кто-то не свалит дурака...

Саня лично зашуровал в темном раскаленном песке медной джезвой, отчищенной до розового сияния. Тата, его помощница (всем молчать, господа гусары!..), звякала стеклом, у края крыши ворковали голубки. Я бездумно таращилась в ясное осеннее небо, внимая почти неошутимому шороху в колонках.

Просыпались звонкие металлические зерна, сначала не попадая, потом в лад, а потом и полузабытые слова:

— *Негодяй и ангел сошлись как-то раз за одним и тем же
столом,
Негодяю пришло четыре туза, а ангел остался с вальтом.
И он отстегнул свои крылья от плеч и бросил на зелень сукна,
И небо с улыбкой смотрело на них сквозь муть и плесень
стекла...*

Мой мир. Я зажмурилась от счастья.

...Как пахнет кофе! Коричневая нежная пенка в ложке. Бабочка-лимонница — нет,

желтый кленовый лист, поднятый восходящим потоком, поднимается выше крыш, легкими витками прямо в небо. Я шепотом подпеваю Вячеславу Бутусову, отбивая такт кроссовками по терракотовым плитам:

— *Негодяй торгует на рынке пером и пухом из ангельских
крыл,
А ангел летит высоко-высоко, такой же крылатый, как
был!..*

По прозрачной крыше скользнула острокрылая тень, и я постаралась поумерить свое веселье. Серега влетел под купол, прочертив в воздухе ровную и стремительную линию, и обернулся прямо у столика.

— Что с тобой стряслось? — тут же спросил он.

— Почему сразу «стряслось»?

— Звонила с чужого номера. Новости имеешь странные. И вся вздрюченная, как будто тебя метлой гоняли. (Сергей сел напротив, Тата бесшумно подошла, налила ему минералки.) Ну?

— У вас пропали воспитанники. Не один, а несколько. Из младших.

Серега не тратил время на расспросы, откуда да как я проведала. Просто кивал, посоколиному наклоняя голову.

— Две новости, хорошая и плохая. Хорошая — я знаю, где один из них, и крепко подозреваю, что там же и остальные. Еще хорошая новость — парень жив и никуда оттуда не денется. Она же, собственно, и плохая: как его вытащить, я не знаю. Это по Валеркиной части.

— Так. Теперь подробности.

Хорошо, что я успела проглотить кофе с коньяком. Взятые вместе, они всегда помогают мне соображать быстро и говорить понятно. Повторная пропажа Насти Матвеевой, лжеинспекторша в нашей школе, «Веникомбизнес», Настин ночной звонок, мой визит по найденному адресу — думаю, я уложила в пять минут.

— А этот мальчик... кстати, как вы его назвали?

— Виталием, — Серегины глаза потеплели. — Он на «Вить-Вить-Вить» откликался.

— Он когда пропал?

— На прошлой неделе, в ночь с четверга на пятницу. Он и остальные новенькие, пятеро, кто из собак. Они еще склонны больше к собаке, людьми не очень хотят быть — если форсмажор, тогда можно на двух ногах походить, а так лучше на четырех. Им неуютно без обоняния песьего, без слуха, мы их не принуждаем на первых порах... В общем, они жили у нас в одной комнате все вместе. Без мебели пока, внутри только пледы и поилка, в двери собачий лаз на петлях, чтобы при крайней необходимости выйти в собачьем Облике. Удрать они не могли, дураки они оттуда уходить? Хотя в любом случае входная дверь ночью заперта. А тут вот... вечером были, утром нет. Окна на первом этаже закрыты.

— Версии есть?

— Полно версий, — со злостью сказал Серега. Я поняла: как ни кинь, приходится подозревать кого-то из сотрудников интерната, а кого, спрашивается, выбрать? В интернат для необычных детей, хоть нормальских, хоть наших, сволочи работать не приходят.

— А ночной дежурный у вас был?

— Он спал у себя в комнатке, — Серега так поглядел на меня, точно это я проспала злодея. — Ключи от входной двери у него в ящике стола, кто угодно мог взять. Знаешь ли, нам и присниться не могло, что кто-то будет воровать наших ребят!

— Мне бы тоже не пришлось... — начала я, но Серега перебил:

— Так что, по-твоему, они с ними делают?

Я замялась. Все-таки очень глупо это звучало.

— Мне кажется, они научились отбирать у оборотней дар. Я знаю, что это бред... но

они... отняли у меня галку. И еще эти вороны, которые охраняют здание с воздуха, — они не люди, но и не оборотни. Знаешь, такие... — Я передернула лопатками, вспомнив, какие «такие».

Сережа глянул на меня, склонил голову набок.

— Галка, я не понял: ты ведь сюда прилетела на своих крыльях?

— Ну... да. В какой-то момент я поняла, что снова могу оборачиваться. А перед этим не могла, наверное, с час. — Я терпеть не могу жаловаться на здоровье, особенно мужикам, но под испытующим соколиным взглядом угрюмо добавила: — Судороги были недетские. Спину уже сейчас тянет, а что к вечеру будет... Ты думаешь, они могли меня просто загипнотизировать, чтобы я временно потеряла дар?

— Я этого не думал, но почему бы нет.

— Зачем им это?

— А чтобы убежать не смогла.

— А почему тогда я смогла? И почему Настя в Облике?

— Может, ее в котенке заперли.

— Да зачем?!

— Я тебе Яндекс, на все вопросы отвечать? Чтобы больше по телефону не говорила, например. Если они ее выследили...

Как будто логично. Я ничего не ответила.

— Ну так что? К Валерке? — спросил Серега.

А может, согласиться и не делать новых глупостей? Но меня держало обещание. А еще мне страшно хотелось навести шухеру в стане врага. Чтобы они думать забыли о своем поганом бизнесе, чтобы не успели больше никого...

— Сереж, к Валерке — обязательно. Я тебе что хочу предложить: давай по дороге захватим с собой Настю. Девочка там провела целый день, много видела, наверняка больше, чем я. Я знаю ее окно. Но там наружная охрана — те же вороны...

Я попала в точку: глаза у Сереги блеснули. Посчитаться с обидчиками маленьких выдвиженцев ему явно хотелось не меньше, чем мне — вытащить Настю. И напрямую посчитаться, и немедленно.

— Охрана — моя проблема, — спокойным деловым тоном сказал он. — Твоя задача — окно. Бить стекло не хотелось бы.

Вороны сначала ринулись на нас обоих. Видимо, никогда в жизни не видели сапсана, двоечники. Но ничего, природа подсказала. Когда Серега испустил боевой клич и набрал скорость, целясь в центр банды, играть в лобовую атаку не захотел никто. Бодигарды с истерическим карканьем разлетелись по сторонам. Клекот Сереги, заложившего вираж, за их галдежом был еле слышен, когда я снизилась к окну.

Черный котенок по-прежнему лежал на кровати. Я примостилась у карниза и постучала клювом в стекло. Мне тоже не хотелось бить стекло, но вдруг Настю и вправду заперли в котенке...

Настя узнала меня мгновенно — и тут же обернулась. Одним прыжком подлетела к окну и распахнула его.

— Все, Насть, полетели к маме!

Едва встав на человеческие ноги, я ринулась к двери. Замок защелкнулся под моей ладонью. Если все-таки у них есть глаз в уголке, лишние секунды нам пригодятся.

— Давай в кошку, быстро!

Повторять дважды не пришлось. Я подхватила черную кошку под пузичко, снова бросилась к окну и завопила, размахивая свободной рукой:

— Серега, эй! Мы готовы!

Глупо было бы нам обеим тут застрять... и будто в ответ на эту трусливую мысль, ударили в дверь. Ничего, дверь хорошая, помпезная, дубовый шпон, спокойно, Галка... Хорошая-то хорошая, да только косяк уже трещит... Серега!!!

Я снова обернулась. Взлетела на подоконник и пролезла через решетку. Такой фокус я уже делала раньше: если повернуться клювом в комнату, а крылья просунуть через прутья... Главное, сохранить равновесие. Решетка прочная, приварена крепко, не может быть непрочной, оборотни разные бывают...

Вспышка!

Кроссовки скользнули по карнизу, но я успела уцепиться локтем за прут решетки. Свободной рукой опять подхватила Настю...

Выстрел едва не сбросил меня с подоконника. Стреляли в замок. Настя впилась в меня коготками и со всей кошачьей силой рванула из-за пазухи в рукав моего пиджака. Ну-ка, где тут у нас водосточная труба?! Переступая между прутьями, я двинулась влево.

До трубы от окна было где-то полметра. Высоты я не боялась, как и все летучие, но прыгать вбок на высоте шестого этажа... и цепляться за шаткую тонкостенную трубу, как в «Унесенных призраками»... а есть выбор? Обернуться с Настей за пазухой я не смогу: оборотень, пусть и маленький, — не диктофон. Обернуться без Насти — галка кошку не унесет... Серега, трать твою навыворот!!! Нашел время ворон гонять!

Рядом, в комнате, бухнула дверь об стену. Послышались крики. Ничего, они сначала в небо посмотрят... И тут наконец тополевою листву взметнул удар крыльев, вдвое мощней и шире, чем обычные Серегины. Все-таки перестал играть в войну и переделался, спасибочки!

Орел-змеед подхватил черную кошку с моей руки, как Машку — няня-сова. В воздухе реяли серые перья. Вороних тушек, впрочем, на газоне не имелось.

— А тр-рупы где? — не помню, как сама успела обернуться — кажется, прямо в падении. Мы летели резко вверх, поднимаясь над домом. — Сожр-рал?

Серега едва повернул ко мне голову, как сзади ударили выстрелы. Без шансов: зону, которая простреливается из окна, мы только что покинули.

А вот будь я здесь одна — только бы меня и видели. Рванула бы вперед, прочь от дома, как в прошлый раз, и... Хотя усатый хмырь говорил, что по птицам стрелять не любит, но и нелюбимую работу можно выполнять хорошо.

Зато выследить в воздухе нас было бы легче легкого: Серега в своем втором любимом Облике — не самая маленькая птичка. Поэтому в воздухе мы оставались недолго. Пятью минутами позже на Ленинском проспекте, у «Трансагентства», голосовала странная группа граждан: небольшого роста мужчина в джинсах и куртке, при нем взъерошенная тетка, на плече у которой рыдает девушка. Настя по завершении акции разревелась и выводила на всю улицу «у-у-у» не хуже Машки. Весь пиджак мне промочила слезами.

Голосовал Серега эффективно: не пустой рукой, а крупной голубенькой бумажечкой. «Тойота» цвета зеленого заката остановилась мгновенно. Серега скомандовал гнать на Кузнецкий мост и вытащил мобилу. Строго обернулся к нам, я шикнула на Настю, та зарыдала бесшумно. И откуда в девчонках столько слез? Просто пожарный кран какой-то.

Серега звонил Валерке: отчитался о наших подвигах... собственно, просто назвал Настино имя и адрес дома, где мы только что развлекались. Теперь из трубки доносилось еле слышное раздраженное мяуканье, а Серега главным образом молчал. Изредка подавал реплики. Многообещающие. Вроде «тут я с тобой согласен», «да, женщины — они...» и «ну я бы так не сказал». Надо полагать, Валерка читал ему краткий спецкурс о роли личности Г.Е.Афанасьевой в истории и культуре.

Настя продолжала реветь, и я сказала строгим шепотом:

— Вообще-то, Настюш, как говорили классики — для начала я хочу услышать от тебя всего пять слов. (Она подняла голову и заморгала на меня слипшимися ресницами.) То есть по-русски и четырех хватит: «я больше не буду».

— Я больше не бу-у... — губы Настины снова поползли в стороны. Ага, давайте продолжим плакать, теперь в знак раскаяния.

— Чего не будешь?

— Ничего! Деньги зарабатывать не буду! Все равно мы никогда не будем вместе!

Ну да, разумеется. Восемнадцать лет, впереди никаких перспектив, жизнь кончена.

— Почему никогда?

— А потому! Они, там... все время мне промывали мозги... что вообще нормал и оборотень — это безнадежно, что есть статистика... что мой парень никогда не будет относиться ко мне... как к человеку... что его просто забавляет, что я... типа такая забавная игрушка... но все равно он меня по-настоящему не полюбит, потому что я...

— Стоп-стоп-стоп! — Я покосилась на затылок водителя — профессионально-равнодушный, впрочем. Серега спрятал мобилу и вел с ним светскую мужскую беседу о долбанных пробках и ценах на бензин. Можно было подумать, то и другое для него жутко актуально. — Они думали, что ты из нормалов и твой парень — нормал, так?

— Да!

— Но на самом-то деле...

Я замолчала, пораженная свежей мыслью.

— Виктор — нормальный! Вы что, не поняли?!

— Да нет, как-то речь не заходила... — промямлила я. Да, коллизия. Это многое объясняет.

— Ты поэтому сбежала из дома?

— Ага... Мама всегда говорила, типа в шутку, но я знаю, что она серьезно: Настюша, все, что угодно, только не нормал, лучше немосквич, чем необоротень... — Она судорожно вздохнула. — А Вик и не оборотень, и не москвич.

— Ну, петербуржец — это не фатально, твоя мама не их имела в виду. А про нормалов и наших, про статистику там всякую мы потом с тобой поговорим подробнее. Но я думаю, тут нет повода для рыданий. Все хорошо, что хорошо кончается.

Не знаю, успокоили Настю мои слова или просто слезы наконец иссякли. А я говорила не совсем то, что думала. Сотрудники Антона Михайловича ввали насчет безнадежности: пары «оборотень — нормал» существуют, и есть среди них вполне благополучные. Но есть и другие. Посмотрите, например, на доктора Рязанцева с супругой. И добавим, что отношение нормальной женщины к невестке-оборотню в принципе сходно с возможной реакцией Настиной мамы на зятя-нормала. Что поделать, уж если среди людей так много значит национальный вопрос и наличие московской прописки, а наши косо глядят — скажем чисто теоретически — на птицу под ручку со зверем...

Как раз на этом месте мои размышления были прерваны. В кармане у Сереги заиграло «Все выше, и выше, и выше», и он снова вытащил мобилу.

— Да. Знаю, конечно, она сейчас со мной, все нормально. Едем к Валерию Петровичу... Скажем так: была нештатная ситуация... Я сейчас ей трубу передам, поговорите сами.

Серега перебросил локоть через спинку кресла, протянул мне телефон:

— Твой.

— Привет, Галка, — сказал Летчик Ли. — Ты как? Я тебе звоню, звоню, ты не отвечаешь, думал, случилось что...

— Привет... Слушай, я... извини, пожалуйста, я мобильник потеряла, который ты мне...

В носу зашипало. Ну, только этого еще не хватало!

— Мобильник? Господи, а я уж перепугался. Лапа, перестань, ерунда какая, купим тебе новый, еще лучше. Сим-карту, конечно, жалко, память...

Память... Я тупо уставилась на проплывающее за окном «яйцо Гагарина». Вообразила, как звонит бывший мой телефончик на столе у белобрысого Антона, как раз за разом высвечивается на экране имя звонящего... то есть не имя, хорошо, что прозвище не имеет никакого отношения к паспортному имени, зато номер нетрудно посмотреть в книжке — номер, отлично известный тем, кто заказывал фото с корпоративки... Меня бросило в жар.

— Ли! Ты в этот «Веникомбизнес» еще не звонил?!

— Куда? А, да. Не звонил пока, сейчас как раз собирался...

— Не звони! Вообще скройся от них, лучше всего и на звонки не отвечай!
— Как это?
— Просто! Не делай этого, понимаешь?
— Не понимаю, лапа. Люди ждут, а я...
— Они не того ждут, — вразумительно объяснила я. — Просто не звони им! Я тебе потом все расскажу, ладно?
— Договорились. — Летчик Ли никогда со мной не спорил. Почти никогда. — Целую.

Глава 19

Я прочел всю энциклопедию насквозь: все искал чего-нибудь такого, чего нельзя купить за деньги; так на той неделе придется, должно быть, взяться за дополнительные тома.

О.Генри.

— Совет в Филях, — тихонько сказал Серега. Он сидел на стуле, нам с Настей досталось кресло — две женщины мелкого телосложения помещались в нем свободно. С того момента, как позвонили ее родителям, Настя перестала плакать, сидела молча, выпрямив спину. Валерка, как хозяин, занимал место за столом. Я с тоской косилась на шкуру, расстеленную по полу. Два на три метра, мех густой... плевать, что грязная и пыльная, и кем она, эта шкура, была раньше, тоже плевать. Лечь бы сейчас на нее, уставиться в потолок, а потом закрыть глаза. Поговорив с Ли, я окончательно сдулась, только что сама не валилась на пол, как куча барахла, упавшая с вешалки. Но все же успела шепнуть Сереге, чтобы он не рассказывал, как мы с Настей висели на решетке.

Валерка и без того был не в очень-то добром настроении, хотя и отвел душу по телефону. Рысьи брови шевелились, глаза в полумраке кабинета вспыхивали янтарем, когда фиксировались на мне.

— Я тебя слушаю, Галя.

«Галя»... Я бы предпочла «Афанасьеву» или даже «дуру бабу».

— Объясни мне только одно: какого хрена.

Вот так тебе все и объясни. Прямо при ребенке... Подтащив к себе блокнот, лежавший на столе, я быстро вывела, прикрываясь ладонью: «Я обещала Насте, что выручу ее».

Валерка глянул на листок, потом на меня. Желто-коричневые глаза расширились, на секунду мне показалось, что он сейчас заорет — ну или злобно зашипит, высказывая все, что думает о моих умственных способностях и о моем понимании Слова оборотня... Обошлось.

— Ладно. Рассказывай по существу.

Я рассказала, как воспользовалась помощью «Блюза Бродячих Собак» (не упоминая Марину), как проникла в здание, нашла там «Веникомбизнес», повстречала знакомого выдвиженца и была поймана. Как мы душевно беседовали с Антоном Михайловичем и как у меня отобрали телефон и флешку... И только я сделала паузу, перед тем, как говорить про фотографию тетки-лжеинспекторши, и задумалась, не потребовать ли объяснений: что за тетка, что за «Веникомбизнес», и что об этом было известно Наталье и Валерке, — как в прихожей чвакнула дверь, кто-то негромко поздоровался с Ниной Сергеевной и, не задерживаясь, прошел к нам.

— ЗдорОво, авиация, — сказал Серега.

— Здравствуйте, — сказала Настя.

— Ага, так вот... это самое... — сказала я.

Летчик Ли нацепил свою бейсболку на нос волчьей голове, украшавшей стену, скромно уселся на диванчик и сделал жест ладонью: мол, извините за вторжение, продолжайте, не стесняйтесь.

Врать не буду, я обрадовалась. Даже больше, чем удивилась. И все-таки: что бы окаянному кицунэ заявиться хотя бы на три минуты позже? Как мне теперь при нем излагать про эту проклятую фотографию и про гильотину для оборотней, в которую меня засунули? С

другой стороны, выяснение самого стремного момента — как я вообще туда попала и какого хрена — все же прошло не при нем, хоть на этом спасибо. Я взглянула на Валерку...

Только кошки и рысы умеют в одно и то же время злобно шипеть на выдохе и устрашающе раздуваться... ну хорошо: величественно приподниматься.

— Ты откуда взялся?!

— Стреляли? — невозмутимо предположил Ли.

— Пока нет. Но сейчас начну, — пообещал Валерка. — Тебе дали пропуск не для того, чтобы ты являлся, когда тебе вздумается. Это дело тебя не касается никоим образом. Про твои дела поговорим позже.

— Валер, давай сразу определимся, — спокойно заявил этот наглец. — Дело, в котором участвует моя жена, касается меня напрямую.

Сердце болезненно сжалось. Так у него еще и жена? И кто она, интересно знать?

— Твоя... Ты кого имеешь в виду?

Летчик Ли указал на меня. Точнее, на кресло. Отчетливо помню, что у меня хватило ума оглянуться на Настю. Потому что это нахальство в голове не укладывалось.

— И я хочу наконец выяснить, чем Галка тут у вас занимается.

Я открыла рот, чтобы, в свою очередь, определиться с терминами... но потом решила, что лучше помолчу.

— Тогда ты вовремя, — ядовито сказал Валерка. — Я тоже хочу наконец это выяснить.

— Нет, я серьезно говорю. Женщина пропала, на звонки не отвечает, домой не звонила, ребенок с няней не знают, что думать...

— Я бросила Машке эсэмэску! — возмутилась я. Правда, прямо из машины и послала.

— Она не читала, — успокоил меня Ли. — Ничего, я им отзвонился.

— Спасибо. — Я постаралась, чтобы благодарность не прозвучала очень уж саркастически. Воображаю, что подумала Таисия Павловна, когда мужской голос, тот самый, что регулярно спрашивает меня, сообщил — дескать, Галя задерживается на работе!

— Галка, я очень беспокоюсь, когда ты вот так пропадаешь. И Машка с няней тоже.

— Можно подумать, я до этого все время сидела дома, гладила тебе носки и штопала брюки, — рассеянно огрызнулась я. Что же это делается, коллеги? Что происходит с этой реальностью? Может, мы правда поженились, а я и не заметила? С кицунэ станется провернуть такую штуку...

Настя хихикнула, мужики тоже заулыбались. Даже Валерка перестал полыхать очами. Но лис-оборотень продолжал свое:

— Мне кто-нибудь объяснит, куда вы ее послали на этот раз?

— А мне бы самой хотелось это узнать, — быстро сказала я, чтобы опередить Валеркино «никто ее никуда не...». — Кажется, Наталья отлично знала и без меня, что та женщина из «Веникомбизнеса» — никакой не инспектор. (Ли заинтересованно выпрямился и наклонил голову набок.) А со мной почему-то никто не стал делиться информацией. А мой... муж (и не покраснела, и не подавилась!) туда сегодня идти собирался! Я его только сейчас затормозила!

Оборотень в погонах доверительно наклонился ко мне через стол. Раскосые глаза цвета спелых желудей были ясными и непроницаемыми. Как у кота, только что сожравшего котлету со стола.

— То, что эта дама работает в «Веникомбизнесе», мы не знали, — сообщил он. — А то, что она не инспектор, — это знали.

— Можно поинтересоваться, откуда?

— От Паши Ламберта, — невозмутимо ответил Валерка.

— Так он что, нашелся?!

— Н-нашелся, — со странной интонацией сказал Серега.

— И где он был? (Да что из них клещами приходится тянуть?!) Что случилось-то?

— Паша в надежном месте, Галочка, — ответил Валерка.

— Там, где я думаю?! — радостно поинтересовался Ли. Валерка кивнул, Серега

показал ему кулак. Ладно-ладно, пока можете отмолчаться, не больно-то и хотелось знать. Но судя по чьей-то хитрой рыжей морде, Пашечка подрабатывает волком в зоопарке. Или даже в цирке.

— Хорошо, Галь. Ты продолжай, продолжай.

Делать нечего, пришлось продолжить. Я честно поведала про отобранный у меня телефон с нестертыми входящими, про флешку с фотографией. Наконец, дошла до того, как меня повели в лабораторию. Я старалась не драматизировать, но Валерка привязался: что я чувствовала, только ли испуг... ладно, извини, ошеломление от падения, насколько сильную слабость...

— И этот Антон сказал, что я больше не оборотень, а Никонов...

— Так и сказал?

— «Вчера вы оборотень, а сегодня нормальный человек», дословно.

— А потом?

— Потом велел Никонову готовить... не знаю такого слова, что-то из деловой лексики... инпозицию?

— Импозицию, — тихо поправил Валерка. — Та-ак.

— Что это за слово, можно узнать? — голос Летчика Ли изменился, так он обычно разговаривал с недобросовестными исполнителями подсобной работы на съемках.

— Слово как слово, в словарях есть, — холодно ответил товарищ майор. — Не перебивай... муж. Дальше, Галочка.

Как можно короче я рассказала, как сначала не могла обращаться, потом почему-то смогла. Теперь я почувствовала себя идиоткой уже совершенно бесспорной и однозначной. Ребята наверняка решат, что я ударилась в истерику, так расползлась киселем, что аж забыла, как обращаются... или что-то в этом роде. Я и сама начинала думать: может, так оно и было? На Летчика Ли я вообще глаз поднять не могла. А от Валерки ждала какой-нибудь очередной дерзости насчет женской мерзости, уже приготовилась отвечать.

Не дождалась. Желто-карие глаза смотрели серьезно и сочувственно. Он даже снова потянулся через стол, словно хотел взять меня за руку, но взял карандаш из стакана. Ничего не записывал, просто крутил в пальцах.

— ...Собственно, это все. Обернулась, вылетела из окна и встретила с Серегой.

— И вы решили выручить Настю, — без выражения сказал Валерка. — Чья была инициатива, я спрашивать не буду, потому что догадался. Сергей, теперь тебя хочу послушать.

Я поглубже заползла в кресло. Под теплыми взглядами рыси и лиса я не решилась даже умоляюще посмотреть на Серегу.

Мой верный напарник пожал плечами.

— Прилетели на место. Я разобрался с охраной — вороны, штук восемь-десять. Галка выпустила барышню. Я обернулся орлом, забрал их, мы улетели. Потом поехали к тебе.

Серега! Бутылка любого напитка с меня. Вот к кому буду посылать молодых корреспондентов учиться лаконичности. Ни слова лишнего!

— Проблем не было? — заботливо поинтересовался Валерка. Серега помотал головой. Поверил товарищ майор или нет, но крыть ему было нечем, и он обратил свой взор к Насте.

— Теперь ты, девушка. Где бывала, что видала?

— Ну, вы знаете уже про наши занятия. Про группы «Омега-Поиск», — напряженно произнесла девочка. И добавила: — Галина Евгеньевна мне сказала, что это статья. За мошенничество со сговором.

Так вот почему она сидит как на гвозде! Мне стало стыдно. Значит, она все это время думала, что ее сейчас начнут судить и сажать в тюрьму, а я, честно говоря, напрочь забыла про их с Жаровой аферу.

Валерка, по-моему, тоже не сразу вспомнил.

— Успокойся, Настя, — сказал он. — Не бери в голову. Этот вопрос мы уже решили с твоей приятельницей. Дело закрыто. Давай теперь перейдем...

— А что будет с Таней? — перебила его Настя.

— А ничего с ней не будет. Вернется в свое Благоуханное, или как его, там тренеры по гимнастике тоже нужны, — Валерка изобразил циничную ментовскую ухмылку. — Давай поговорим о том, как тебя похитили. И о том, что ты видела в их здании.

Настя рассказала, как пошла в магазин, как к ней подошли двое мужчин (один из них, судя по приметам, мог быть Никоновым) и обернули ее кошкой. В помещении «Веникомбизнеса» ей позволили обернуться человеком, и с ней имели продолжительную беседу женщина и мужчина. Женщину Настя опознала по фотографии — ага, та самая Тамара, пиар-менеджер, я даже не очень удивилась. Мужчина представился Антоном («нормал, лицо как у хорька и на глазу челка»). Ей объяснили, что оборотни крайне опасны и для социума, и сами для себя, что это гарантированное отсутствие счастья в браке, что оборотничество снижает продолжительность жизни, в скольких-то процентах случаев приводит к сумасшествию, вызывает рак и дегенерацию нервных клеток. («А также понос и диатез», — тихонько добавил Летчик Ли.) Такое беспардонное вранье объяснялось элементарно: Настя, после встречи со мной испугавшись за Татьяну Жарову, заявила, будто впервые обернулась кошкой на ее занятиях, а до того никаких оборотней близко не видела и не верила, что они бывают. Ей поверили — видимо, и выследили ее через «Омега-Поиск», а не как-то иначе.

— А он мне говорит — нами, мол, проведена статистика, женщины с этой патологией в половине случаев не доживают до пятидесяти, таким печальным голосом...

— Но ты же понимала, что они тебе врут? — спросила я.

— Понимала, конечно! — Настя уставила на меня заплаканные глаза. — Но я не могла ему сказать, типа вы все врете, дядя.

— Потому что ты уже сказала раньше, что ничего не знаешь про оборотней? — тихо уточнил Валерка.

— Ну да. И я боялась. Когда я поняла, что они не из наших и не ФСБ никакое, но сами знают про нас... но если они узнают, что я тоже на самом деле знаю...

Да, сообразила девочка правильно. Люди смогли ее похитить — значит, как минимум владеют простейшими заклятиями. То есть сами они очень даже в курсе проблемы. В то же время, рассказывая ей про оборотней, они занимаются злостной дезинформацией — значит, уверены в ее полной неосведомленности. И что они сделали бы, если бы осознали свою ошибку, — неизвестно.

— В общем, я поняла, что отрицательного ответа от меня не ждут. Хотя он и сказал, чтобы я все обдумала. Но он у меня забрал мобилу, положил к себе в ящик стола... ну, и было понятно, что они меня не отпустят. После всего, что они наговорили об опасности для общества.

— Ясно. И что ты сделала дальше?

— Дальше... мне стало страшно. Я дождалась ночи, взяла Олин телефон и позвонила тете Гале. У меня визитка была вот тут, — она ткнула пальцем в кармашек под ремнем джинсов, — они не заметили.

— Кто такая Оля?

— Оля — это девушка, которая жила в соседней комнате. Она сказала, что учится в юридическом колледже. Мы с ней немного поговорили в... ну, в туалете. Ее тоже тут задерживали, она мне сказала, что ждет операции.

— А у нее мобилу не забрали?

— А ее родители знали, где она! Они же ее туда и поместили!

Даже Валерка слегка опешил.

— Так, Настя, а вот здесь еще подробнее, — попросил он. — Родители поместили Олю в этот «Веникомбизнес», чтобы ее лишили способности оборачиваться?

— Ну да. У нее родители — нормалы.

— И что с того, что нормалы?

Нет, все-таки мужчины иногда очень медленно соображают! Даже оперативные

работники.

— Валерка, эта Оля не врожденный оборотень, — объяснила я. — Она из поздних, такое бывает — несколько случаев на тысячу. Ее родители понятия не имели, что в таких случаях делают. Верили всей этой х-х... всему, что наговорил этот Антон. Так, Настя?

Девочка кивнула.

— Ерунда какая-то, — сказал Валерка. — Когда поздние обращаются к врачам, их направляют в один из наших центров. Система отработанная.

— Она могла и не обратиться к врачам, — подал голос Серега.

— Или же врач направил ее в «Веникомбизнес», — все так же тихо добавил Ли.

— Да как это могло быть?!

— Обыкновенно. Как у нас осуществляется продвижение медицинских услуг? Прошли по терапевтам младшие менеджеры, разнесли рекламу фирмы, объяснили, что это то же самое, что муниципальный оборотневый центр, только лучше, обещали процент с клиента.

Валерка посмотрел на меня как на больную.

— Ты представляешь, сколько это стоит? Обойти всех участковых врачей... и сколько у нас поздних на весь город?

— Вероятно, десятки, — медленно сказала я. — Кстати, информирование врачей могло стоить не так уж дорого, если младших менеджеров нанимать бедных и негордых. Дело-то не слишком отличается от раздачи рекламы на улице.

— Ладно, все это праздные разговоры. Пора прикрывать их лавочку.

— Кстати, как ты это сделаешь? — поинтересовалась я.

— Не забивай себе голову, Галочка, — ответил Валерка. — Есть методы.

— А все-таки, что ты им собираешься вменить?

— Все хорошее. Медицинскую практику без лицензии — они официально торгуют медицинским оборудованием, так, кажется? Вот и торговали бы. И до кучи — дезинформирование пациента о характере и последствиях заболевания... то есть синдрома, или как там это назвать, чем мы все здесь страдаем.

— Не пойдет, — сурово сказал Серега. — Мои ребята — не граждане, у них скорее морды, чем физические лица. И я так мыслю, основной контингент там составляли они.

— А сколько их, говоришь, у тебя пропало?

— Пятеро.

— М-да. А какая, собственно, разница? — прищурился Валерка. — Так и так мы их прикроем, а ты своих заберешь.

— А он штраф заплатит и новых на улице начнет ловить. На опыты.

— Не начнет. Штрафом он у нас, пожалуй, не отделается. Еще ведь и уголовная статья будет, не забывай.

— А-а.

— Так, — сказала я. — Глупой женщине кто-нибудь объяснит, за что им уголовная статья? Что они делали кроме того, что лишали оборотней дара? Убивали кого-нибудь?

Валерка удивленно приподнял свои красивые брови.

— Галочка, так ведь он сам тебе все рассказал. Сознался практически. Не думал, вероятно, что ты уже сегодня будешь это рассказывать мне. И с Настей они, прошу прощения за такое слово, облажались. В их планы вряд ли входило похищать кого-то из наших, из тех, кто с детства оборотень, интегрирован в сообщество. Они работали с одиночками, с теми, кто сам ничего не понимает в происходящем. Не мне тебя учить, люди сильно теряются, когда это впервые происходит со взрослыми... Ну, и твои ребятки сюда же, Серега. Шакаля матодика — самых беспомощных выбирали. Тех, за кого никто не вступится.

Я уже поняла, что ответа на прямо заданный вопрос не услышу, и приготовилась было повторить его, как Валерка неожиданно сказал:

— Ну хорошо, меньше слов — больше дела. Давайте переходить к тактическим задачам. Созываем наших и решаем, как пойдем к ним в гости. И когда.

— Я бы сказала, как можно быстрее, — предложила я. — Телефон этой Оли отпечатался в моих входящих, вот доберутся они до нее... И вообще, если это дело у них на поток поставлено...

Закончить мне не дали. Летчик Ли и Валерка заговорили одновременно.

— Лапа! Тебя там только не хватало!

— Ли, ты меня очень обяжешь, если отвезешь домой свою... супругу! — Валерка щелкнул мышью, оживляя монитор, и добавил: — Полностью с тобой согласен. Галочка, иди домой, с ребенком повидайся, отдохни. А ты потом возвращайся, расскажешь, как ты там у них снимал.

— Но вы же не прямо сейчас туда поедете?

— Прямо сейчас не получится.

— Ну ладно. — Я все-таки действительно устала. — Где меня найти, ты знаешь.

— Знаю, знаю, — с преувеличенным энтузиазмом заверил Валерка. — Не сомневайся, позвоню, как только понадобится. Отдыхай спокойно, ты на сегодня свою норму выполнила.

И когда Ли повел меня к двери — под ручку, как настоящий, блин, супруг! — Валерка пробурчал нам в спину:

— И на месяц вперед, хотелось бы верить...

В приемной Нина Сергеевна слушала черноволосую женщину в плаще, туго перетянутом поясом. Очень элегантная женщина, еще не старая. Я узнала ее не столько потому, что вспомнила лицо, сколько по сходству с дочерью. И по глазам. Так смотрят те, кто в течение долгого времени держался только личным мужеством. Настина мама вежливо объясняла Валеркиному секретарю, кто она такая.

Времени на «здрасьте» я тратить не стала. И на политес тоже.

— Настюша, твоя мама приехала!

К чести девчонки, она выбежала бегом.

Домой я возвращалась на метро. Не одна, а с сопровождением. Ли заявил, что после всего вышеизложенного лететь одну он меня непустит, и вообще, начальство приказало.

— Ли, прости меня за фотографию, — набравшись храбрости, сказала я, когда мы вышли на улицу. — Я идиотка. Надо было ее стереть или вообще не брать с собой флешку.

— Да ну, лапа, ерунда какая, — ответил любимый. Я знала, что он так скажет. — Зато теперь твой Валерка разберется с этим притоном.

— МОЙ Валерка? — он придержал мне дверь, я принялась рыться в карманах, ничего, само собой, не нашла — карточка кончилась утром, когда везла Машку в школу. Пришлось становиться в очередь. — Чего это он мой? А у тебя с ним что за дела? Почему он тебе пропуск выдал?

О нет, он не стал запираться. Он тут же начал рассказывать, как снимал какие-то учения по заказу военного журнала, как познакомился с Валеркой, что они там пили и сколько, как он узнал, что Валерка рысь (это отдельная история, надо будет запомнить, пригодится для шантажа), как тот предложил ему поучаствовать в некоем оперативном мероприятии, где требовались специфические таланты кицунэ, связанные с наведением иллюзий... За время рассказа мы успели купить билет, дойти до эскалатора (на эскалаторе прервались, чтобы поцеловаться), дождались поезда — а в поезде разговаривать неудобно, слишком шумно. Мой любимый никогда не врет и не умалчивает, учитеcь, мужики.

— С каких это пор я твоя жена? — все-таки поинтересовалась я, когда мы сели на свободные места.

— С седьмого января прошлого года, — мгновенно ответил он. — Положи мне голову вот сюда. Пожалуйста.

— Мама-мама-мама!

Машка повисла на мне. Таисия Павловна выслушала мои бестолковые оправдания

(похоже, она действительно подумала про меня нехорошо, но кошки редко говорят открыто о подобных вещах), деликатно отвергла доплату за три часа и ушла.

Они даже сделали мне макароны с мясом! И Машка сама крутила ручку мясорубки. Есть мне не хотелось, но отказаться было невозможно. А потом я наконец-то смогла лечь. Медвежьих шкур у нас не водится, но простой диван — тоже неплохо. Спина разламывалась.

— Мамочка, что еще для тебя сделать? — спросила дочь. — Хочешь, я тебе чая принесу с бутербродами?

Ага, бутерброды после макарон — самое оно. А если бы сегодня что-нибудь пошло не так, и они бы сейчас еще ждали меня, и няня с мамой ввали Машке и укладывали ее спать, а потом снова ждали... или уже не ждали, а знали наверняка, что я не приду... Я чуть не заплакала. Потом вспомнила Настю с ее матерью — и велела себе перестать угрызаться. Все было правильно, и нефиг совести меня пилить.

— Мама-мама-мама, — сказала Машка, усаживаясь мне на то место, где спина перестает так называться. — Давай поиграем? Я буду маленькая устрица, а ты — моя мать кустурица.

Кустурица так кустурица. Лишь бы не Никита Михалков.

Когда устрица перестала хлопать створками и уснула, я все-таки включила компьютер.

Импозиция, импозиция... Товарищ оборотень в погонах наврал: в словарях этого слова не было. Зато английское *imposition* нашлось сразу же. Наложение.

Это в каком же, простите, смысле? Я тупо уставилась на мелькающие баннеры.

Думай не думай, второго смысла не придумаешь. «Готовьте наложение», сказал Антон, нормал с физиономией хорька, который перед этим хвастался мне, что может стать кем захочет. «Кому будем делать?» — спросил Никонов, а тот ответил: «Мне». Никонов стал возражать, хозяин настоял на своем.

Отнять у оборотня дар и передать другому человеку. Сделать нормала способным оборачиваться. Вроде пересадки донорского органа, полученного криминальным путем... Бред, не бывает? Судя по реакции Валерки — очень даже бывает. И вороны-охранники, ненормальные угрюмые птицы. Собственно, один из классических признаков ненормальности — когда индивиду неуютно в собственном теле. Когда оно чужое, не по нему скроено.

Мне тоже стало неуютно. Я соскочила с кресла, прошлась туда-сюда, потом обернулась. Спокойно обернулась, без проблем. Хотела вылететь в форточку, сделать пару кругов над домами — в небе мне всегда думается лучше. Но вспомнила, что обещала Ли никуда сегодня не летать, и просто уселась на спинку кресла. Мой Облик со мной, это главное.

Но если так, тогда... тогда дело-то страшненькое. Гораздо страшнее, чем тебе, голубушка, представлялось до сих пор. Это тебе очень, очень повезло, что ты оттуда выбралась!

Стало быть, настоящие клиенты Антона — вовсе не выдвиженцы и не обманутая оборотневая молодежь. Не те, кто избавляется от Облика, а те, кто его приобретает. И это люди куда как посерьезнее, чем у Татьяны Жаровой. Не фрики с безумными амбициями, не скучающие девицы и дамы, а люди, способные извлечь конкретную пользу из умения обернуться птицей или волком. Равные возможности, значит, Антон Михайлович... борьба, значит, с элитарностью... Вот кто тебе, сволочь ты такая, оплатил проникновение в нашу «группу избранных»!

Не хочу сказать, что оборотни вовсе не замечены в связях с криминалом. На то и нужны Валерка и его коллеги, чтобы противостоять этой пакости. Но до сих пор криминал покупал самих оборотней, а не отдельно дар. А дар наш в преступном мире должен стоить дорого. Что там птица или волк, возьмем, например, квартирные кражи — представляете, какие ослепительные перспективы открываются в этой области простой кошке! Никаких денег не пожалеешь. Заметим, что кошек и среди выдвиженцев, и среди поздних больше

всех, даже больше собак. Близкий к человеку вид.

Кошки и квартирные кражи... Постойте-постойте!

Минут пятнадцать я рылась в архиве новостей на любимом сервере, отыскивая сообщения с прошлого понедельника и ранее в разделах «курьезы» и «криминал». Ага!

«Вор застрял в трубе. Пять часов потребовалось работникам службы МЧС, чтобы извлечь из вентиляционного хода нигде не работающего москвича Алексея Г. Судя по всему, он пытался проникнуть с целью ограбления в трехкомнатную квартиру панельного дома в Измайлово. Хозяева квартиры, напуганные странными звуками, сами вызвали спасателей... При пострадавшем обнаружен набор отмычек. Выяснить, как он туда попал, пока не удастся: сам Алексей находится в глубоком шоке, у него сломаны берцовая кость и несколько ребер, к тому же его психическое состояние врачи признали нестабильным...»

И тут же пара десятков комментов, от «афтар жжот» и «что за хня» до «так им всем и надо, пускай сдохнут» и «как не стыдно желать человеку зла, он свой хлеб добывал».

Очень интересно, даже весьма! Я перебросила ссылку на новость Валерке. Спать мне сразу расхотелось. Но ненадолго. Все-таки намоталась я сегодня здорово. И мало ли, чем черт не шутит, вдруг Валерка все-таки позвонит. Надо быть в форме. То есть в штатском, но наготове.

Глава 20

В чистом поле попадается ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом...

Русская народная сказка.

К половине девятого солнце поднялось высоко, но в институтском дворе-колодце все еще лежала тень. Я порадовалась, что надела свитер. Не хватало еще дрожать в присутствии подполковника Бурцева, Геннадия Ивановича.

Бурцев держался индифферентно и официально — наверное, все еще сердился за инцидент на квартире Ламберта. Я не рискнула спрашивать его, как там Пашечка. Тем более, я уже не была уверена, что это приличный вопрос. Вчера вечером я все-таки задала его Летчику Ли — и он, ссылаясь на Валерку и его секретные тайны, клятвенно пообещал рассказать позже. Но при этом — случай беспрецедентный! — потупил глаза и зарделся...

А без меня они все-таки не обошлись. Калитка в металлических воротах, ведущая во внутренний двор, оказалась закрыта на кодовый замок. Чем общаться по этому поводу с институтским начальством, моим драгоценным товарищам по оружию проще временно забыть, как зарекались когда-либо иметь дело, и набрать мой номер.

Ладно, будем считать, что я тоже забыла. И уж конечно, рядом с подполковником я буду тише воды и ниже травы.

Во дворе лежало несколько сосудов Дьюара, похожих на металлические клизмы слоновьего калибра. Прямо на асфальте одиноко ржавело еще что-то железное — то ли мотор, то ли насос, тут же стоял самодельный сарай из рифленого металла — вроде гаража-«ракушки» для КамАЗа, за ним дожидались своего часа списанные шкафы и тумбочки. У дверей, ведущих в корпуса, были поставлены разнокалиберные стулья с фанерками вместо сидений, несомненно, для перекуров. А еще здесь росли три облезлых тополя, один из которых я видела из окна Антонова кабинета. Я прикинула, какой скудный световой паек им достается, и в очередной раз удивилась живучести московских тополей.

Ах да, и Фигура Речи на асфальте. Нормалы, как я уже говорила, на улице обычно принимают ее за классики. Хотя, если приглядеться, совершенно очевидно, что твердые линии проведены рукой взрослого.

Оказывается, вчера, когда Серега разогнал ворон, он никого не съел. (Ну, может быть,

долбанул одного-другого...) Он просто загнал их в этот самый дворик. Точнее, ему даже особо стараться не пришлось: как только Антоновы военно-воздушные силы почуяли, что пахнет кислым, они без лишнего героизма спикировали вниз. Серегу это вполне устроило: наше-то с Настей окно было со стороны улицы. И гнаться они за орлом-змееедом почему-то не стали. Даром что у Сереги лапы были заняты.

Бурцев был в штатском — неопределенного вида брюках и спортивной куртке, я в своих джинсиках тоже вполне могла сойти за научного работника. Мы прогуливались по двору, изображая вялотекущую деятельность. Если кому-то придет в голову посмотреть на нас из окна (или, скажем, с тополя...) — мелкая тетка и плечистый мужик ходят здесь потому, что им положено, списанную мебель переписывают или что там еще можно делать административно-хозяйственного во дворе рано утром... Впрочем, было бы кому глядеть — рабочий день тут начнется только через час-полтора. Я имею в виду, у порядочных людей.

Напротив парадного подъезда с ночи дежурил Валеркин особый отряд скрытного наблюдения. Сейчас это была собачья стая, шестеро песочных псов и псиц плюс один пегий, с пятном на глазу. Они могли часами и днями валяться возле объекта, в котором находился клиент, могли бежать вслед за ним целеустремленным свадебным маршем (однажды я это видела, инсценировка мастерская), могли красться втихую, методично пометая траекторию следования, или выслать летучего гонца в погоню... а оставаясь в собачьих Обликах, могли задержать клиента всерьез и надолго. При наличии особых пожеланий — верхом на заборе в безлюдной местности.

На этот раз, однако, в их задачу входили только наблюдение и регулярные доклады. Теперь мы знали, что «Веникомбизнес» приступил к трудам несправедным ни свет ни заря. Приехал на «ауди» Антон, на «тойоте»- лжеинспекторша, пешочком от метро явился Никонов. И вороны прилетели. Молча, не перекаркиваясь, расселись на самых толстых ветках. Я их не считала, вообще старалась лишний раз не поднимать головы. До поры до времени не надо нам привлекать их внимание.

И вот наконец — хлопанье крыльев, карканье и знакомый клекот. Не только Серегин, конечно. Соколы Железного Феликса — страшная сила, даже если их всего семеро. А больше и не надо. Когда вопли в небе достигли апогея, я решила, что имею полное право заметить происходящее, не выходя из роли, и посмотрела вверх.

В голубом квадрате, окаймленном каменной рамой корпусов, сновали крылатые силуэты. Было красиво, я даже пожалела, что меня не взяли. Хотя какой с меня прок в воздушном бою... Нет, вообще-то о бое как таковом речь не шла. Наши описывали изящные крутые спирали, вороны бестолково металась зигзагами — похоже, надумали прорвать кольцо и дать деру, но никто не собирался им этого позволять. Путь их был так же ясен и предreshен, как у тараканов в стоке.

Не прошло и минуты, как все они устремились на свой любимый тополь. Только один полетел вниз. Полетел... Планировать он не умел, а направляя себя крыльями, не рассчитывал силу взмахов — каждый раз его подбрасывало, будто маленькой петардой. Душераздирающее зрелище. Наконец приземлился за сараем — и пыхнул белой вспышкой.

Когда мы обежали сарай, мой давешний знакомый, секретарь-бодигард Иван стоял на колене, обеими руками поднимая пистолет в небо. Отстреляться от ангелов, так сказать. Лица его я не видела, но поднятый ствол плавно следовал за парящей целью. В панике я обернулась к Бурцеву... и словила в глаза малиновую вспышку.

Пока я утирала слезы и моргала, бурый медведь оказался прямо за стрелком и положил могучую лапу ему на плечо. Иван обернулся, а потом... я не поверила своим ушам.

— Пре-ве-е-е-ед, — прорычало животное. Приятный такой баритон оказался у товарища Бурцева в Облике.

Ответа не последовало. Челюсть у парня отвисла, глаза сделались стеклянные. Впрочем, он еще пытался трепыхаться: ствол дернулся в нашу сторону. Один удар лапой — и пистолет брякнулся на асфальт, а Ваня схватился левой рукой за правую.

Новая вспышка — и подполковник подобрал оружие. Даже не запыхался.

— Остальные где?

— В-вон там, — я показала на тополя; меня душил смех. — Геннадий Иванович, а зачем вы ему сказали?..

— Вадька научил, сын. — Бурцев приосанился, не забывая держать бодигарда на мушке. — И пули, небось, серебряные? Этнографы, понимаешь, специалисты. Черт знает что делают со стрелковым оружием... Сказал: ты, батя, всегда говори «привет», когда оборачиваешься во время операции, отождешь по полной. (Последние слова Бурцев произнес четко и серьезно, как математические термины.) Я попробовал, и действительно — есть эффект... Ну ладно, ладно, с этими что делать будем? Давай ты разбирайся, ты ж у нас птица.

Я постаралась выпрямиться, сделала медленный вдох и выдох. Хватит ржать, хохма в сотый раз уже не хохма. Подошла поближе к тополи, запрокинула голову и громко сказала:

— Ну что, граждане подозреваемые? Будем людьми становиться прямо на дереве или на земле?

Конечно, я блефовала. Обернуть людьми целый десяток — дело нешуточное, даже необученных и дурных, если они сопротивляются. Однако сопротивления не предвиделось: они посыпались с дерева спелыми грушами.

Я кинула заклятье. Потом второе, на оставшихся. Бурцев хмыкнул и опустил пистолет.

Служба воздушной безопасности «Веникомбизнеса» в человеческом Облике представляла собой типичный офисный планктон. Пятеро клерков, молодых и не очень, юная барышня с длинными волосами, две девицы постарше, стриженные... и Тамара, пиар-менеджер, она же инспектор наробраза. Она ежилась и крутила головой, будто ворот розовенького пуловера кусал ей шею.

— Та-ак, — протянула я ласково. Но не успела я и шага сделать, как она обернулась крысой. Не помоечной, белой.

Зачем-то Тамара побежала к воротам, вместо того чтобы юркнуть в какую-нибудь щель. Тогда у нее был бы шанс. А на открытом пространстве я ее десять раз могла бы достать заклятьем. Однако этого не потребовалось.

Ловить крысу ринулись граждане подозреваемые, все вместе, не исключая длинноволосую девицу — правда, ее вклад был чисто вокальным. Остальные изобразили что-то вроде бейсбольного матча. Мне осталось только смотреть, как бы Тамара не проскочила между топчущихся ног. Но то ли реакция у нее была похуже, чем у настоящих крыс, то ли у сотрудников «Веникомбизнеса» имелся большой дератизаторский опыт.

Пучеглазый молодой человек поднялся с колен, тремя пальцами держа крысиный хвост. Тамара то ли была в обмороке, то ли притворялась.

— Вот видите, Тамара Петровна, — сказал лысый (тоже, кстати, знакомый...). — Зря вы это. Отвечать будут все.

— Будут, — согласилась я. — Геннадий Иванович, как у вас?

— Нормально, Володя подъехал. — Бурцев отнял от уха мобильный телефон и показал на ворота. Там уже виднелся белый микроавтобус с синей полосой и гербом. — Прошу всех следовать за мной.

Выпустив Бурцева и задержанных, я направилась в здание, мстительно помахивая обморочным лжеинспектором из стороны в сторону. Да, я знаю, что с крысами так не поступают. Но с оборотнями, которые продаются криминалу, предают своих и похищают детей, поступают еще и не так. И эта мерзкая тетка вынюхивала что-то в нашей школе... Не успокоюсь, пока не передам Валерке из рук в руки.

На шестом этаже все было в порядке. Железная дверь распахнута, курильщики на лестнице с любопытством косятся на людей в милицейской форме. Сочувствия на лицах не заметно: сотрудники госучреждений редко питают нежную любовь к арендаторам.

Само собой, неофициальной у нас была только операция «Воздух»(по-другому бы не вышло: пока предъявляются ордера и произносятся ритуальные слова, ворона, даже недоделанная, перелетит пол-Москвы), с мерзавцами в человеческом Облике Валерка

разбирался как положено. Не иначе, сидит сейчас за Антоновым столом, играет блестящими шариками. Интересно, как ведет себя Антон: угрожает, огрызается или ударился в истерику. Ага, а ты как думал, беседовать с оборотнем в погонах — это тебе не беззащитную женщину запугивать пистолетом.

В холле расположились Соколы Железного Феликса — отдыхали и пили минералку. Кроме Сереги, тут были двое, обоих я знала: Юру Белого Кречета и смешливую Ульяну с косой челкой (немного старше Насти, между прочим... это к вопросу о некоторых летучих мышах, рвущихся в бой). Серега сидел в кресле вместе с пятью крупными щенками. Честно, с пятью! Мой бурый знакомый пролез к нему под правый локоть, второй, (похожий на него, по крайней мере, такие же пушистые штаны и хвост бубликом) — под левой, черный, лобастый и желтобровый забрался Сереге на колени, черный с белыми пятнами лежал на плече, головой назад, а маленький серый овчар сидел у него в ногах. Сам Серега сиял, как новенький гривенник.

Я не успела к нему подойти. В холл на всех парах влетела молодая особа крупного телосложения, в очках и с толстой косой на затылке. Обвела сердитым взглядом меня с крысой, Серегу, обложенного собаками, Ульянку, весело ухмыляющуюся из-под челки, и обратилась к Юрию, самому приличному на вид, хоть и с конским хвостом:

— Будьте любезны, вы не могли бы объяснить, что происходит? Я здесь нахожусь на лечении, со мной заключили договор на оказание медицинских услуг, день операции уже назначен. Я предоплату внесла, наконец!

— Большую предоплату? — сочувственно спросил Юра.

— А это имеет значение? — ледяным тоном поинтересовалась барышня. Не иначе, та самая Оля из юридического колледжа! Настя не сказала мне, кем по Облику была ее соседка, но мне сейчас показалось, что небольшой птицей: дроздом или, может быть, скворушкой. Тут играют роль не столько габариты, сколько манера двигаться. Это как же надо запугать летучего оборотня, чтобы он так упорно боролся за право разучиться летать?.. Мне захотелось шмякнуть Тамарой Петровной о стенку.

— Наверное, имеет, если вы хотите получить деньги назад. Ваша операция отменяется, как и все остальные, и должен заметить, девушка, что вам сильно повезло. Вас ввели в заблуждение.

— Этого — не может — быть, — так же сурово отчеканила начинающая юристка. — Я внимательно изучила документы, там все чисто!

— Что за документы, расскажете нам? Или лучше не нам, а Валерию Петровичу...

Юра увел недовольную девушку, а я наклонилась к Сереге:

— Ну что, как твои? Все в порядке?

Как будто по физиономии не видно.

— Все в порядке, — отозвался Серега. — Пока им лучше так побыть, мохнатыми. Натерпелись ребята, ну да ничего. А ты куда моталась?

— Я? Никуда, — рассеянно ответила я. — Я во дворе была с Бурцевым, видела, как вы летали, супер-класс. Вот, рысю завтрак принесла. Видишь? Это та самая...

— Стоп, — Серега выпрямился в кресле, придерживая наплечного щенка под зад. — Хочешь сказать, ты не вылезала из окна вон на ту сторону и не летела к югу?

— Никуда я не вылезала... — У меня появилось очень скверное подозрение. — Слушай, а Антона-то вы задержали? Ну, то есть не вы, а Валеркины ребята?

— А разве его не Бурцев увез вместе с остальными?

— Не увез, — ответила я. — Говорю же, я там была. А ты, значит, видел, как я улетела?

— Ну. Что я, не узнаю тебя, что ли...

Тут он замолчал. И мы посмотрели друг на друга. Я так надеялась, что ошибаюсь.

— Импозиция, м-мать ее, — сказал Серега.

— Выбирайте выражения, — голосом Снежной королевы произнесла Тамара Петровна. Вместе с человеческим Обликом к ней вернулись апломб и импозантность. В кресло, однако,

она опустила осторожно и медленно. Хотя хвоста, за который я ее крутила, сейчас не было, то, к чему он крепился, явно побаливало. Мне даже стало стыдно.

Выбирать выражения у Валерки охоты не было, что да, то да. Кроме Антона, каким-то образом сумел смяться и Никонов. Пришлось майору заняться Тамарой. Меня попросили присутствовать на первом допросе: как-никак, это я ее видела в школе.

— Вы не имеете права разговаривать со мной с таким тоном. Я не выдавала себя за сотрудника Минобразования. Понимаете ли, мне как сотруднику Департамента образования Москвы не было необходимости кого-то обманывать. И я вам не таджичка без регистрации, чтобы вы тут мне хамили!

Валерка, в точности так, как я и представляла, расположился за Антоновым столом и увлеченно катал ладонью шарик (к таким игрушкам все кошки равнодушны). Тамара пристально следила за его рукой.

— Мне почему-то казалось, что работа в Департаменте образования не предусматривает совместительства, — проворчал он сквозь зубы. — Вы же работаете здесь, я ничего не путаю?

— Сейчас моя трудовая книжка в «Веникомбизнесе», — тетка нимало не смутилась. — А на тот момент я еще числилась в департаменте. У меня два высших образования, педагогическое и психологическое, большой опыт организационной работы. Специалисты моего уровня, знаете ли, всегда востребованы и могут позволить себе выбирать условия. Я перешла из госучреждения в частную фирму, надеюсь, это не запрещено?

— Менять работу не запрещено, — согласился Валерка. — Скажите, пожалуйста, ваша инспекционная поездка в спортивную гимназию была вашей частной инициативой или проводилась по поручению начальства?

— Какого начальства? — Тамара Петровна кокетливо расширила глазки. — Планы инспекционной работы составляла я сама, начальство только подписывало. А вы думали, в департаменте оборотнями тысяча человек занимается? Ошибаетесь. Маленький подотдел, я и секретарь. Так что все решения принимала я.

— А вам хотелось руководить тысячей человек? — перехватил мяч Валерка. — Похвальное желание. Ну и чем вас привлекла карьера пиар-менеджера маленькой фирмы?

— Окладом. Вас это удивляет?

— Пятнадцать тысяч, согласно ведомости, — с пониманием сказал майор. — В департаменте было меньше?

— В департаменте было меньше, — с вызовом сказала Тамара. — Почему-то все думают, что госслужащие купаются в золоте, а это не так. Хотя — смотря какие служащие...

Валерка пропустил выпад мимо ушей.

— Хорошо, поговорим о вашей работе на «Веникомбизнес». В чем она заключалась?

— Вы не знаете, что такое пиар-менеджер? Распространение информации о фирме, издание буклетов, контакты с прессой.

— А почему вы представились Анастасии Матвеевой как психолог?

— Я уже говорила вам, что у меня законченное психологическое образование.

— Образование и должность, Тамара Петровна, — разные вещи, не мне вам объяснять. Чем, говорите, занималось ООО «Веникомбизнес»?

Прошедшее время не промелькнуло незамеченным. Дама в кресле набычилась и перестала улыбаться даже злобно.

— Сбытом медицинской техники и аппаратуры.

— А также вы оказывали медицинские услуги населению?

— Э... да, в какой-то мере.

— У вас была лицензия на этот род деятельности?

— Да, конечно.

— Кто вам выдал эту лицензию?

— Я не в курсе. Спросите у Антона Михайловича.

— Обязательно спросим, — пообещал Валерка. — Не беспокойтесь. А вот мне кажется,

Тамара Петровна, что у вас не было лицензии. Да и быть не могло. Вот вы рассказывали Анастасии о том, как опасно оборотничество для жизни и здоровья. Но вы же сами крыса по Облику, значит, вы прекрасно знали, что это неправда?

— Неправда? Почему? — крыса была сама невинность. — Она же поздний оборотень, а это совсем другое дело. То, что у поздних бывают колоссальные психологические проблемы, ни для кого не секрет. А что касается проблем со здоровьем, сейчас получены новые данные, что так оно и есть. Просто раньше не было надежной статистики. Нравится вам это или нет, но для них лучше оставаться просто людьми, действительно лучше. Мне показали результаты исследований, я ужаснулась.

— Никонов показал?

— Да, и он тоже.

— Замечательно. А теперь объясните, пожалуйста, кто вам дал право работать с аниморфами?

— Об этих работах мне мало что известно, — быстро сказала Тамара. — Нет, я, конечно, знала, что они ведутся. Но если вы хотите знать мое мнение, мне кажется, для этих детей тоже будет лучше, если у них будет отчужден животный Облик. Так, чтобы не было шансов вернуться к прошлому. Я, конечно, не специалист, но я не видела в этом ничего предосудительного. Не знаю, как вы.

— А в том, что Облики, отнятые у оборотней, были переданы другим людям, вы видите предосудительное? — резко спросил Валерка.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Побледнела она так, что стало отчетливо видно пятно румян на скуле.

— Допустим пока... А в том, что вы намеревались лишить Облика врожденного оборотня, вы предосудительное видите?

— Я не понимаю вас! — повторила Тамара.

— Анастасия Матвеева ввела вас в заблуждение, — спокойно пояснил Валерка. — Она оборотень с детства, из семьи оборотней. Ваши люди совершили большую ошибку. Да и вы тоже, хоть вы и психолог с образованием.

Похоже, Тамара Петровна тоже так думала. Она сжала кулаки и судорожно вдохнула, а краска вернулась на ее лицо даже в некотором избытке. И голос сразу стал скрипучим.

— Она ничего нам не говорила. Если бы мы знали, мы бы, конечно... Так вот... вот оно что...

— Понятно, — подытожил Валерка. — Значит, если бы вы знали, что за Настю встанет сообщество, вы бы, конечно, не стали отнимать у нее Облик. Это только у поздних можно. Ох не верится мне, что вы действительно считали, будто для них Облик вреден!

Тамара молчала, сведя накрашенные губы в тоненькую алую линию. Валерка заговорил снова.

— Я вот чего не понимаю: как вы могли на такое пойти? Ведь вы же сама природный оборотень...

— И что с того? По-вашему, я теперь всем оборотням по гроб жизни обязана? А чем это я вам обязана, вы мне можете сказать?

Мы с Валеркой переглянулись. Вот, казалось бы, полный бред: чем оборотень обязан другим оборотням. Не кому-то конкретному, с кем связан Словом, не своим родным и друзьям, а оборотням вообще. То, что объединяет нас, чем бы оно ни было, вряд ли можно назвать «обязательствами». Чем обязан рыжеволосый другим рыжим, поэт — другим поэтам, а шофер — шоферам? Всем шоферам вообще, сколько их есть? Бред. А между тем даже я слышала этот вопрос, «чем я вам всем обязан», в четвертый раз. И что характерно, предыдущие три — тоже от Валеркиных фигурантов. А сколько раз его слышал Валерка, думаю, он и счет потерял.

— Лично мне этот Облик ничего не дал, — воинственно заявила Тамара. — Какое отношение к крысам среди оборотней, думаю, объяснять не надо...

— А какое у нас отношение к крысам? — с интересом спросил Валерка (наверное,

вспомнил о ребятах из своего отдела, серых и капюшонном).

— Сами знаете какое, — отрезала Тамара. — Беспрерывные насмешки, плоские шуточки про мышь белую, про крысятничество... А в среде нормалов тоже навсегда остаешься экспонатом, деткой в клетке. Ах, у вас биотрансформация в анкете, ну вот мы вас и направим в особый подотдел... работать с кучкой... ос-собенных. (Последнее слово она произнесла, вздернув губу и обнажив фарфоровые резцы.) Да если бы не это, я бы давно была начальником управления! У меня были такие возможности...

Тамара все еще продолжала шипеть о том, какие конкурсы на какие вакансии она с блеском выдержала и какие должности могла бы занять, кабы хвост не мешал, когда Валерка взглянул на меня и правильно истолковал выражение моего лица.

— Галочка, — сказал он, — извини, что задержал. Спасибо за помощь, если хочешь, можешь идти.

Нет, уж если говорить о том, что я хочу, — то хочу я сказать несколько теплых слов нашей задержанной. Желательно подкрепленных жестами. Два сапога пара: нормал, который до истерики ненавидит оборотней за то, что сам не оборотень, и крыса, который поперек горла, что она всего только крыса, а не начальник управления. Все беды в мире от зависти. Только некоторые — от жадности... И как раз тут из-за двери раздался отчаянный многоголосый лай.

В холле я застала изумительную сцену. Толстый усатый охранник, тот самый, что тыкал в меня пистолетом, стоял на подоконнике. Подоконник был узкий, помещался охранник на нем с трудом, как старый пятнадцатидюймовый монитор на школьной парте, — опасно нависая над пустотой всеми выступающими частями. Под окном прыгали и бесновались пять щенков, а Ульянка висела на Сереге, безуспешно пытаясь затормозить его целеустремленное движение. Лицо у Сереги было ледяное, глаза — круглые и яростные.

— В чем дело? — спросила я, пытаюсь прицепиться к нему с другой стороны. (Не то чтобы я не догадалась...)

— Пусти, — говорил Сережка тихо, за тявканьем я с трудом его разбирала. — Я его узнал, он в интернете водителем работал. Потом уволился, гнида. И ребятки его узнали, это он их...

— Вижу, что узнали, — сказала я. — Но какой смысл ему теперь лицо бить? Он свое и так получит. Ты Валерку давно знаешь?

— Я ж хотел, чтобы вы людьми стали! — в отчаянии проорал охранник, цепляясь за оконную ручку. Мой бурый приятель молча и яростно подпрыгнул, и охранник по-гусиному поджал одну ногу. Брюки у него уже были порваны. — Людьми, а не кобелями! И не оборотнями погаными, а нормальными пацанами! Бестолочи! Ой!..

— Сережка, да отзови ты их! — попросила я. — Ребята, оставьте дядю, что с него взять. А вам... — Я уставилась на усатого и подождала, пока он меня признает. — Вам я вот что скажу: никто еще не становился человеком, убив собаку. Или, например, птицу.

На этой торжественной ноте в холл вошел Валерка. Почти вбежал. И был он теперь если не веселый, то, во всяком случае, бодрый. На ходу оглядел нашу живописную группу, отвел руку назад и, не говоря худого слова, запустил охраннику в лоб сувенирным нефритовым шариком.

Полыхнула вспышка. Рыжий кот, не устояв на задних лапах, мешком сверзился с подоконника, прямо к щенкам. Но, по-моему, до пола не долетел: рванул вверх на реактивной тяге и вцепился всеми четырьмя лапами в монстера. Только листья хрустнули да кадка качнулась.

— Вот, — сказал оборотень в погонах — ни дать ни взять Ньютон, только что наблюдавший падение яблока на чужую голову. — Экспертиза дала положительный результат.

Ага, я почему-то так и подумала, что это была именно экспертиза.

Глава 21

*Мерцая желтым язычком,
Свеча все больше оплывает.
Вот так и мы с тобой живем:
Душа горит, и тело тает.*
Арсений Тарковский.

Рязанцев до самого вечера был вне зоны доступа, трубку взял только ближе к одиннадцати. Я уже и стеснялась ему звонить, Святослав Николаевич, в отличие от меня, типичный жаворонок. Но мне позарез приспичило получить консультацию по научному вопросу. Валерка, недосчитавшийся двух главных фигурантов, к консультациям был не расположен. Когда я попыталась до него докопаться, он ответил, что мое непонимание — мои проблемы и чтобы я учила матчасть. Гад такой, а еще друг молодости. Серега повез своих щенков в Удельное. Летчик Ли безвылазно засел у Валерки — смотрели фотографии с корпоративки, пытались разобраться, кого еще упустили. Наталья свинтила из школы, небось тоже поехала к Валерке, выяснять, нельзя ли ужесточить наказание лжеинспекторше: за эти дни наша бедная директриса вдобавок к своей основной нагрузке успела почти полностью подготовить отчет, запрошенный Тамарой Петровной. С другой стороны, кто объяснит мне все это лучше специалиста?

У нас железное правило: о некоторых наших делах не трепаться по телефону. Святослав Николаевич сказал, что будет рад видеть меня утром, это вполне удобно и я его совершенно не стесню.

Субботнее утро опять было солнечное, на кухонной стене лежали сетчатые зеркальные блики от окон соседнего дома. Пока Рязанцев колдовал над джезвой (кофе-машина у него сломалась), я прикидывала, как бы мне помягче сформулировать про Ника. Не выкладывать же прямо, что, мол, ваш бывший ученик, о котором вы так печалились, нанялся работать не просто в частную фирму, а в контору, занимавшуюся откровенно преступной деятельностью, отнимал Облики у честных оборотней и продавал их всякой сволочи... м-да. Похоже, это не та информация, которая поддается смягчению. Особенно если учесть обстоятельства, при которых мы с Никоновым встретились.

Волновалась я напрасно. Святослав Николаевич слушал меня не очень-то внимательно. То есть нет, внимательно, конечно. На его лице не было привычной суховатой усмешки. Зато, казалось, он с трудом сдерживается, чтобы не разулыбаться от уха до уха! Выложив наконец про Ника, я сделала паузу, но взрыва не последовало. «Жаль парня, да... но я понял уже, что он отрезанный ломоть. Его арестовали вместе с остальными, так, Галочка?.. А, в бегах. Ну вот тебе и коммерческие технологии. Ах, дурак». И потом, будто спохватившись, добавил: «Хорошо, что с вами все в порядке».

Видимо, во мне уже начала развиваться неусыпная бдительность: я перестала молоть языком и подозрительно взглянула на него. Рязанцев прихлебывал кофе... и не курил. Вот оно. Не то чтобы я скучала по этой вонище, но кофейничать без курева — настолько не в его стиле! И сигареты не катал в пальцах, и пепельницы... целых три пепельницы стояли на кухонном столе возле раковины. А пачки «Примы» на полочке возле газовой плиты, наоборот, не было. Да что же это происходит, граждане люди и оборотни? Уж не девушка ли у него? Может, она и сейчас тут, а я приперлась?..

— Так вот, Святослав Николаевич, я чего-то не понимаю. И, похоже, не понимаю я одна, все остальные в курсе. То, что они делают, — как это возможно? Я всю жизнь думала, что если ты оборотень, это навсегда, ну, кроме там какого-нибудь несчастья. (Рязанцев слушал, кивая.) И нормала нельзя сделать оборотнем, так? Ну и вот...

— Все это правильно, Галочка. Эти законы и для них писаны, и они их не нарушили. Они использовали одну штучку, известную с тридцатых годов прошлого века. Ничего существенного эти специалисты по ВНД от НКВД, как вы знаете, не открыли, но некоторые фокусы... У вас физика в институте была?

— М-м... Не будем об этом.

По физике у меня была четверка, но при научных беседах с Рязанцевым лучше сразу прикинуться блондинкой — тогда он выдаст адаптированное изложение для широкой публики, которое, возможно, удастся хотя бы частично понять.

Святослав Николаевич покосился на пепельницы. Потом извлек из кармана зажигалку и положил на стол.

— Ну хорошо... Вот, допустим, у нас огонек. — Он крутанул колесико и продемонстрировал язычок пламени. — Как вы считаете, можно его разрубить пополам? Ну вот хотя бы ножом?

— Нет.

Рязанцев кивнул и протянул мне хлебный ножик. Ну раз настаиваете на демонстрации... Я легонько взмахнула лезвием, рассекая пламечко. На долю секунды мне показалось, что его тонкий хвостик действительно оторвался, но...

— Видите, прошло насквозь. Огонек на короткое время изменил форму, потом снова стал, каким был. Его структура определяется физическими законами, он всегда останется таким, после любого возмущения. Ну или, по крайней мере, пока не кончится газ.

— Но его можно погасить? — я начала опасаться за палец лектора.

— Погасить можно. — Рязанцев отпустил кнопку. — А если вам нужен кусочек пламени... э-э... отдельно от зажигалки, можно поджечь что-то другое.

Он взял одну из пепельниц, оторвал лоскут от газеты, валявшейся тут же на табуретке, и показал, как поджечь. Я слушала эту пироманскую притчу, кротко помалкивая: вопросы потом.

— Пламя кривоватое, коптит, но это то же самое пламя. От зажигалки взятое. И будет оно гореть, пока не сгорит. — Последний краешек бумажки обернулся черной чешуйкой и вобрал в себя лепесток огня. — Бумага, заметьте, изменилась необратимо. Теперь скажите, Галочка: поджечь можно любой предмет?

— Нет, — ответила я, от души наслаждаясь ролью бестолковой ученицы. — Нож нельзя.

— Совершенно правильно. Нож нельзя, расческу нельзя. Вернее, можно попытаться, но вони будет много. Сахар можно?

— Н-нет... нельзя, по-моему. Расплавить можно, но это ложка нужна.

— Верно, в обычных условиях нельзя. А после специальной обработки...

Говоря это, он подковырнул пальцем кубик рафинада в коробке, вытаскивая из тесного ряда, и аккуратно положил в пепельницу. Покатал туда-сюда в залежах пепла, снова взял в пальцы посеревший кубик и поднес к зажигалке:

— А после специальной обработки — можно.

Сахар послушно загорелся синеватым огоньком.

— Гореть, правда, будет недолго и тоже не особенно красиво. — Рязанцев уронил обугленную гадость в пепельницу. — При известной бестолковости, поджигая сахар, можно потушить исходный источник пламени — зажигалку. В контексте разговора лучше бы подошла свеча, но свечей у меня нету... Однако это не значит, что пламя нельзя зажечь снова. Если объект предназначен для того, чтобы гореть, и если он не испорчен необратимо, с этим проблем не будет. Вот, собственно, и все.

Святослав Николаевич убрал пепельницу со стола, потом снова взял, потряс содержимое в помойное ведро и сунул в мойку. Я наблюдала за этим приступом чистоплотности, соображая и формулируя.

— Ага. Тогда, если пламя — это способность оборачиваться... то оборотень — это зажигалка. Или свеча. Или, скажем, огнемет, кому как Бог дал. (Рязанцев ухмыльнулся и кивнул.) Нормал — то, что можно поджечь. Или нельзя. Или можно, но в особых условиях. А Антон и компания, значит, наловчились гасить свечку, поджигая кусок сахара. Так?

— Так.

— Но на самом деле они не отнимают дар? Оборотень не перестает быть оборотнем?

— По большому счету — да. Но в то же время... Свечу ведь можно и сломать, и

деформировать, так что она больше никогда не будет гореть как прежде. Утратить дар проще, чем многие думают. Как вы понимаете, масштабных экспериментов в этом направлении никто не проводил... давно никто не проводил, а тогдашних экспериментаторов судьба оборотней, лишенных дара, волновала в последнюю очередь — чтобы восстановиться, у них не было ни условий... ни времени до расстрела. По моему сугубо личному мнению, повреждения при этом относятся не столько к дару, сколько к другим отделам психики, и вы, Галочка, тому блестящее доказательство. А вот что стабильная передача дара невозможна — это бесспорно. Не удалось тогда, не удастся и теперь. Из бумажки хорошую зажигалку не сделаешь, максимум — растопку на один раз.

— А потом бумажка сгорит?

— Ну... Сахар вон почти не израсходовался, потух быстрее... хотя товарный вид потерял.

— То есть личность нормала, который примет мой Облик, или чей-нибудь еще, тоже пострадает?

— А вот это трудно сказать. К лабораторным журналам... точнее, протоколам допросов... нам так и не удалось получить полный доступ. И судя по тому, что я прочел, психическое здоровье реципиентов, этих добровольцев, которых делали оборотнями, никто специально не исследовал. Хотя есть сведения, что с головой у некоторых из них было не все ладно, но тому могла быть тысяча причин. Работа у них была, как вы догадываетесь, вредная, себя не щадили в борьбе с врагами народа... Но факт тот, что никто из них не остался оборотнем на сколь-нибудь долгое время. Неделя, максимум месяц. Некоторые отторгали Облик сразу... я потому и говорил о разных материалах. Бумага будет гореть, нож только закоптится. И еще один важный момент: с отнятия Облика до передачи, по моим прикидкам, должно пройти не более суток, максимум двух. В конденсаторах он долго не хранится.

— Ага. Значит, клиенты Антона получали Облик на время?

— Очевидно, так. Векторная нестабильная импозиция, если по-научному. Векторная — значит, в одну сторону, от человека к человеку, и отнятый Облик обратно вернуть нельзя, он должен сам возобновиться. А нестабильная — понятно почему.

Векторная нестабильная импозиция... ве-ни... комбизнес, соответственно. А я-то гадала, причем тут подметальное оборудование.

— А на какое время? То есть как долго клиент остается оборотнем?

— От клиента зависит. Скорее всего, это нельзя было узнать заранее. Но, видимо, это их устраивало.

Опять похоже на правду. Понятно, почему Ольгу и Настю не обработали сразу, а держали в этих комнатах по несколько дней. Чтобы клиент мог превратиться в кошку или птицу именно тогда, когда ему будет нужно.

Мне не очень хотелось об этом спрашивать, но и промолчать было бы глупо.

— Святослав Николаевич, а как они отнимают Облик? Что они делают для этого?

Рязанцев сочувственно поднял брови. Подлил мне остывшего кофе из джезвы.

— Вы, наверное, и сами поняли, Галочка. Это делается через страх. Но не через любой — не паника там или тревога, а то, что называется «удар по нервам». Внезапный испуг, понимаете? Вы падаете, или что-то внезапно летит в лицо, или резкий звук... Субъективно — то самое ощущение, от которого спящий просыпается. То, что прерывает сон. И то, что наяву заставит вас обернуться. Удержаться нельзя. Для птиц это падение, для кошек — возможно, тоже, или бросок в голову. Для собак, вы не поверите, — запах... Аппаратура, конечно, нужна, но сравнительно несложная. Пара электромагнитов, конденсатор, еще кое-что. Ничего экстраординарного. Главное — испуг, такого особого качества. Как током по шкуре. Может быть, видели в мультиках — у кота загудели над ухом, он из шкуры выскочил и голый остался? Вот. Весьма подходящий образ.

Я улыбнулась. Никогда бы не подумала, что Рязанцев смотрит «Тома и Джерри»! И кофе у него вкусный, хотя и холодный.

— А как тогда... как мы возвращаем себе Облик? От чего это зависит?

— От чего... — Рязанцев взял зажигалку, и огонек опять отразился в его очках. — От того, как загорится. В общем, примерно так, как впервые оборачивается ребенок. Вы ведь знаете, как это происходит?

Знаю, конечно. Помню. Раннее зимнее утро, за окном мандариновые фонари выцветают в розовый, растворяются в синем и белом, ночная тьма в комнате сменяется тенью... и ужас, от которого и вправду можно потерять Облик, как кипятком плеснул: кровать пустая, Машки нет!.. Она лежала под одеялом у самой подушки. Крохотный клубочек бледно-серого шелка, уши, лапы и хвост чуть-чуть темнее. Я взяла ее в ладони, позвала шепотом, и Машкин папа натянул одеяло на голову, прячась от вспышки... Два года ей тогда было. Или полтора?

— Машка первый раз обернулась во сне, — сказала я. Рязанцев с сомнением покачал головой.

— Вы это видели?

— Как она оборачивалась? Нет. Я сама проснулась, смотрю — котенок.

— Едва ли во сне. Сейчас принято считать, что человек обретает второй Облик, когда ощущает невозможность оставаться в первом.

— Невозможность?

— Наши психологи бы вам лучше объяснили. У них на все специальные слова имеются: агрессия, депрессия, формация, деформация... Насколько я могу сказать, может быть, не совсем точно, по-простому — это вроде тоски. И беспокойства. Так как-то... нейдет, и не лежит, и не бежит... взрослые люди в этом состоянии оборачиваются. Нормалы напиваются или уходят из дома по улицам бродить. А ребенок находит Облик. Как это у них говорится... в период формирования сознания... в общем, когда он понимает, что вот он мир и вот он — я в мире, и такое положение дел его почему-то не устраивает. Страшно — не страшно, жутко — не жутко, а вот хочется вырваться. И бывает это преимущественно в раннем детстве. Или, на крайний случай, в юности, в подростковом возрасте.

Рязанцев вздохнул. Я вспомнила фотографию девочек с голубем. Он, наверное, ждал, что дочери подрастут и все-таки окажутся оборотнями. И жена ждала — с совершенно противоположными чувствами...

— А нормалов, значит, все устраивает?

— Мне кажется, нет, — серьезно ответил Рязанцев. — Это ощущение у всех бывает. Наверное, дело в каких-то врожденных особенностях. И в интенсивности желания, конечно. Может быть, нашими становятся те, которые очень сильно хотят освободиться.

Кажется, я кивнула в знак согласия. Надеюсь, что кивнула, прежде чем остолбенела, уставив глаза в солнечные пятна, дрожащие на стене. Перед тем, как Облик вернулся, я решила не ждать Валерку с ребятами, а вырваться из плена самостоятельно. И я была так зла, что плевала и на решетки, и на замки, и на потерю Облика. А в детстве? Не помню. Станный сон, где я прорываюсь сквозь пелену, за которой пустота... мамино лицо, мои слезы из-за молока с пенкой... Все оборачиваются в детстве. Немногие поздние — в юности. Говорят, бывает, что и взрослый нормал вдруг становится оборотнем, но это из области легенд...

— У взрослых реже получается, — Рязанцев будто услышал, о чем я думаю. — Хотя зарубежные коллеги пишут, что у них статистика несколько другая. Это я связываю с нашим матом. У нас он, во-первых, широко распространен, в последнее время — абсолютно везде. А во-вторых, несмотря на это, уникален по силе воздействия. Бывает, когда вас обложат по полной программе... хм, надеюсь, с вами такого не случилось...

— Еще как случилось, — мрачно сказала я, вспомнив пару инцидентов с самим Матвейчем на заре моей карьеры в «Интересном Городе». Шефу стоило большого труда смириться со старомодной причудой сотрудницы, принципиально не выносящей некоторых слов, принятых в светском обществе. До сих пор удивляюсь, как он не уволил меня сразу же.

— Ну да, сам же только что сказал — абсолютно везде. Ощущение при этом — когда вы слышите эти слова, которые, возможно, и не вам говорят, — оно физиологически сходно со страхом. Нет-нет-нет, я не говорю, что вы этого охальника боитесь. Это, строго говоря, не страх вообще. Это... так, вздрог. Тем более, сейчас виртуозов почти и не осталось, так, обрывки в повседневной речи. Но чтобы разрушить несформированную Суть, этого достаточно.

— Да я знаю, мы потому в гимназии и запрещаем. Все равно, конечно, ругаются, поганцы. И главное, не сделаешь так, чтобы на улице они этого не слышали.

— Это верно. Раньше проще было, раньше и среди нормалов за это полагалась пощечина. Теперь не поймут.

Что да, то да. Теперь, если человек просто мыслит вслух, а не называет, допустим, конкретно свою собеседницу публичной женщиной или собеседника неспособным к размножению, — по морде ему не съездишь. Увы. Тебя же еще и в истерички запишут, и всем плевать, что это мерзословие слышит твой ребенок — несовершеннолетний оборотень. С другой стороны, простое «заткнись», сказанное глаза в глаза, с нужной интонацией, — тоже эффективно. По крайней мере, против обычных сквернословов...

— Святослав Николаевич, а виртуозы вообще-то еще есть? Вы говорите, «почти не осталось»...

— Есть, конечно, Галочка. — Рязанцев улыбнулся так, будто я задала беспрельдно наивный вопрос. — Как же им не быть — в старых наших родах. Это надо старый русский хорошо знать. Но, обратите внимание: если заклатья на человеческий Облик или на запираение в нем совершенно не связаны с табуированной лексикой, хотя и архаичны, то все, что играет на разрушение Сути или обращение в животное, — всегда исключительно скверное. Исключительно. То есть не просто нецензурное, а еще и на редкость пакостное, если смотреть по смыслу. В автобусе в час пик вы такого не услышите. Это, правда, не наша тема, но...

Я благоговейно притихла и пожалела об отсутствии диктофона. Неужели я сейчас услышу то самое, о чем старшие оборотни предпочитают не распространяться при младших? А младшим интересно. Будь то летучая мышь из седьмого «Б» или некая журналистка.

— ...Тут главное — правильно построить кодовое слово. Корни, обычно несколько... оно имеет сложное строение. Но, скажем, бессмысленная конструкция, такая как просволотопрое... — Он замер и повернул голову к двери, явно прислушиваясь.

— У вас... э-э, гости? — По совести, этот вопрос следовало задать давным-давно. И тянула я с ним только потому, что, получив ответ, должна буду проваливать восвояси.

— Да нет, какие гости. Диму ко мне привезли, внука. На выходные... ну или как там получится. Дима — Ларисин сын, я вам рассказывал.

Лариса — старшая дочка Рязанцева, очень дамственная дама, жена топ-менеджера российского представительства французской компании, видела ее один раз. С чего это она подбросила единственное чадо нелюбимому отцу — сумасшедшему ученому и вдобавок оборотню? Как же сынуля будет без бонны и большого тенниса?..

Додумать эту чушь я не успела. В коридоре раздался звук, отлично знакомый каждому родителю — стремительное «шлеп-шлеп-шлеп-шлеп» босых ног по линолеуму, и в кухню вбежал мальчишка лет шести в пижаме, разрисованной покемонами. На деда абсолютно не похож — востроносый, тонкие черты лица, глаза темные.

— Деда, с добрым утром! — Не затрудняясь торможением, парень врезался в Рязанцева и повис на нем, болтая голыми пятками. — Мы будем летать до завтрака?!

— Галя, это Димитрий, — сказал Рязанцев. — А это Галина Евгеньевна, она учитель.

— Можно просто тетя Галя, — уточнила я машинально. Димитрий тут же отпал от деда и устоялся на меня, уже без улыбки. Посадка головы, характерный наклон плеч, движения короткие, быстрые и в то же время плавные... — Вяхирь?!

— Клинтух, — ответил Рязанцев сдавленным голосом и сглотнул. По-моему, глаза у него под очками-мониторами были на мокром месте. — В деда уродился. Такие дела.

— Извините, пожалуйста, — голосок у Дмитрия был испуганный. — Деда, я больше не буду. Я просто так, по игре сказал про летать, это шутка!

Последнее относилось ко мне. И видно, хорошо его выучили мама Лариса с папой топ-менеджером...

— А-а, по игре, — разочарованно протянула я. — А я думала, по жизни.

Вспышка! Я взлетела с пола и сделала круг под потолком. Дмитрий, голубь клинтух, вертел головой, отслеживая мою траекторию, и запрокинутая мордаха расплывалась в улыбке. Сначала криво и неуверенно, потом все шире и шире, во все четыре лопатообразных передних зуба. Я влетела в коридор, он побежал за мной.

В комнате на чисто вымытом полу стояли серый подростковый рюкзачок вроде Машкиного, кожаный чемодан и огромная квадратная красноклетчатая сумища — «смерть мародера», с какими таскаются рыночные торговцы. На выходные, говорите? Ну-ну...

Обернувшись человеком, я взглянула на Рязанцева. Да, вот теперь все ясно! И с куревом, и с пепельницами. И с непривычно счастливой физиономией господина доктора наук. Но показывать это вряд ли стоит.

— Ну, Святослав Николаич, я вижу, теперь вам скучно не будет.

— Это точно.

— Деда! — Убедившись, что я своя, Димка вернулся к основной теме: — Деда, а мы будем летать до завтрака?

— Сейчас посмотрим... Хоп! — Рязанцев быстро нагнулся, подхватил внука под мышки и подбросил вверх. Зеленая вспышка сверкнула в мониторе компьютера, хлопанье крыльев заполнило комнату. Рязанцев рассмеялся. Я тихо позавидовала: сколько я Машку ни подбрасывала, когда пыталась научить, — приземляется на все четыре, боится...

— Значит, так. — Дед важно прошелся по комнате, Димка следил за ним, поворачивая острый клювик. — Порядок у нас будет прежний. Далеко не улетать, быть в зоне видимости. Ворон не дразнить. (Голубь часто-часто кивал головой, будь на его месте Машка, я бы засомневалась, слушает ли.) К чужим бабушкам не подлетать, пшено и геркулес не клевать. Из помойки ничего не есть, а то будешь толстый, как сизари на улице. Все ясно?.. Если ясно, тогда полетели. Галочка, вы нас извините? Я ему обещал...

Сизые крылья мелькнули передо мной, воздух запел в перьях. Шумный, трескучий вихрь вынесся в форточку, и два крылатых силуэта поднялись в небо. Я сидела на подоконнике и долго смотрела им вслед, глупо улыбаясь и шмыгая носом.

Глава 22

Добрые люди кровопролитиев от него ждали, а он чижика съел!
М.Е.Салтыков-Щедрин.

— Зато ты крысу словила, — сказал Серега. Мы снова встретились в «Перелетном Чердаке», я пила кофе с коньяком, он — имбирный чай. И оба мы ели блины. Серега с лососем, а я — со сгущенкой.

Этим летом Кукустровы люди затащили на крышу настоящую блинную: два раскаленных круга (к слову сказать, питающихся краденым электричеством), цистерна жидкого теста с мешалкой. Теперь Тата ловко крутила Т-образной лопаткой, разгоняя белую лужицу в ровный круг, и потом переворачивала его кверху соблазнительным поджаристым кружечком... Гениальная коммерческая идея. Мы, летучие оборотни, кушаем как птички — в два-три раза больше собственного веса. И мы всегда готовы съесть что-нибудь горячее и сладкое, и побольше, побольше. Пусть нелетучие насмехаются и возмущаются, пускай завистливо поминают горшочек меду и плюшки с корицей. Крылья сжигают не меньше энергии, чем пропеллер Карлсона, — мы слопаем все и попросим добавки, и фигуру не испортим.

— Это не я, это ее собственные коллеги сдали, — ответила я. — А толку-то, если

Антон утек.

— Да найдут его, куда ему деваться. Не может быть, чтобы из двадцати человек ни один не знал, где у шефа засидка.

— А этот ворюга из Измайлова так ничего и не сказал?

— Ворюга из Измайлова... — Серега вздохнул. — Валера сам к нему ездил, но... в общем, его перевели из травмы в психоневрологию. Говорить-то он говорит, но не очень осмысленно... Хотя ты была права, похоже, он действительно их клиент. Человеческий Облик в такую кишку просто не влез бы.

Серега отхлебнул чаю и вытер губы салфеткой — хищные птицы, когда хотят, могут быть та-кими аристократами! Тут я вспомнила, что у меня оставался еще один вопрос.

— Слушай, а почему они вообще появились в институт на следующий день? Ведь они должны были понять, что мы у них на хвосте, после того как мы с тобой там шороху навели и утащили Настю? Им бы смыться и лечь на дно, а они, наоборот, все собрались как по заказу...

— Для того и появились, чтобы упаковаться и смыться. И еще, насколько я понял, за ними оставался должок. Они кое-кому обещали сделать Облик, и предоплату взяли, а клиент был серьезный. Жаль, мы не знали, могли бы его дожидаться — хороший был бы подарок Валеркиным сослуживцам-нормалам... В общем, настолько серьезный клиент, что очень им не хотелось его огорчать и разочаровывать. Как говорится, пусть лучше посадят, чем положат. Так что они собирались сделать последнюю импозицию и потом рвать когти. Заодно и деньгами разжились бы на дорожку.

— А кого они хотели — последнего?.. — тихо спросила я. На память пришли мохнатые щенки, юрист Ольга — серьезная щекастая птичка, недовольная отменой «операции»... Чьи-то еще Облики, украденные и спрятанные в нефритовые шарики...

— Не знаю, не спросил, — ответил Сережка и сунул в рот изрядный кусок блина. — Обошлось, и ладно... А кстати о засидках и о твоей Тамаре. Валерка с ней подробно побеседовал и выяснил, чего она хотела от Паши. Думаю, теперь он может успокоиться. И выйти из подполья.

— И где он был все это время? Скажешь ты мне или нет?

— Я затем тебя и позвал. Вообще-то он и сейчас там... Только ты не начинай хихикать, пожалуйста.

Я сделала серьезное лицо:

— Хорошо, не буду. (Серега недоверчиво выпятил губу.) Не буду, чтоб мне лопнуть! Ну?

— Он в «Локи» отсиживается.

Я не начала хихикать. Трудно хихикать с отвисшей челюстью. «Локи» не имеет никакого отношения к «Локомотиву». Впрочем, некоторая часть тамошних завсегдатаев любит футбол... но странную любовью.

Был такой момент в биографии самого бессовестного и бесстыжего среди скандинавских богов. Согласно преданию, однажды для Локи в очередной раз пришла пора отвечать за хитроподлости, и он обернулся не просто животным, а, к особому негодованию свидетелей и слушателей, животным противоположного пола — кобылой, которая соблазнила вражьего коня и затем родила жеребенка, того самого многоногого коня Слейпнира, на котором Один... ладно, об этом как-нибудь в другой раз. А про Локи я начала к тому, что его случай не уникален.

Есть люди, которые считают своим не тот пол, который указан в паспорте. У оборотней с этим проще. Или сложнее? В общем, тот, кто не уверен на этот счет, не только оборачивается, но еще и перекидывается, то есть имеет не один человеческий Облик, а два, и бывает или женщиной, или мужчиной. Кем именно — зависит от фазы луны, от настроения... от окружения не с последнюю очередь. Аналогичным образом, принимая Облик своего зверя или птицы, они могут стать и котом, и кошкой. И галкой, и... хм... галом. Да, нелегкая жизнь у некоторых.

Сообщество оборотней во многом перенимает взгляды и мораль человеческого сообщества. Обратни с постоянным полом относились к бивалентам не очень-то одобрительно (мягко говоря) и в викторианской Англии, и в Советском Союзе. Теперь времена меняются. Теперь многие девочки из наших мечтают в один прекрасный день обернуться мальчиками, и наоборот. У некоторых, говорят, даже получается. У кого не получилось — те пытаются изобразить, будто получилось. И неудивительно, что московский «Локи» или, скажем, питерский «Акио» становятся модными заведениями.

...Но Паша Ламберт, brutальный наш мачо и отважный спецназовец, был последним, кого я могла вообразить входящим в «Локи»! С мирными целями, я имею в виду. То ли и вправду конец света не за горами?

— Так он, что же... из этих, что ли?

— Да, из этих.

— Паша?!

— Паша, Паша, — с раздражением подтвердил Серега. — Галка, ты что, вчера на свет родилась? Что тебя так удивляет?

— В масштабах Вселенной — ничего, — ответила я. — А в данном конкретном случае... никогда бы не подумала, что Ламберт — бивалент. По мне, так он вылитый ретросексуал. Или даже гопосексуал.

— Галка, за столом все-таки сидим! — укоризненно сказал Серега.

— Ретросексуал — это как раз прилично, — объяснила я. — Это тот, кто выбирает для себя имидж традиционной мужественности. Типа слегка пьян и до синевы выбрит. А гопосексуал — это... ну, в общем, слегка выбрит и до синевы...

— Понял, понял. Галка, ты по нормалам судишь, а мы... а Павел все-таки оборотень.

Я задумчиво подергала себя за челку. В чем-то Серега был прав. Если меняешь Облик, а не совмещаешь две сущности в одной — какая разница, выбрит ты до синевы или нет? Мужской Облик может быть вполне спецназовским, в то время как женский... ой. М-да. Ну ладно.

— Так возвращаясь к Тамаре. Чего она хотела от него, и почему он сначала запил, а потом сбежал? — спросила я.

— Она его шантажировала. Была одна история, времен его службы в особом подразделении. Бурцев выяснил, в чем там дело, — ну, неприятная история, но Павел виноват не был. В общем-то, тут и тайны никакой нет, его оправдали по всем статьям. Он просто не хотел, чтобы узнали родители учеников. И другие учителя, как я понял, тоже. А чего она хотела от него — понятно: склоняла к сотрудничеству. Но это он тоже того... не мог на это пойти.

— И поэтому запил?

— Ну, в общем, да. Получается, что так.

— Подожди. — Я вылезла из-за стола и подошла к стойке.

— Саня, будь другом, накапай еще двадцать пять.

Серега посмотрел неодобрительно. Пьяная женщина — это ужасно, а пьяный летучий оборотень — авиашоу в Жуковском. Но такую новость надо запить, иначе организм ее не переварит.

Паша Ламберт, которому приносит нестерпимые мучения мысль о том, что его педагогическая карьера может прерваться, — это было круче, нежели Паша в «Локи». Я никогда не задавалась вопросом: как он вообще попал в нашу гимназию. То есть как попал — ясно, Наталья затащила, но почему он согласился? И кем вообще был на гражданке?... И что он натворил такое неподобающее? Хотя, наверное, вот этого лучше бы мне не знать.

— Ладно, а теперь что?

— Надо ему сказать, что Тамару эту взяли и что никакой компромат на него она никому уже не сольет, и мы будем молчать. Он ведь от них прятался, а не от нас. И заодно добавить, что взяли не всех, и если он хочет полной информационной безопасности, пусть кончает валять дурака и помогает брать остальных. Только придется к нему туда идти, он

мобильник оставил дома.

— Так сходите! — меня удивили безличные формулировки, обычно Сереге не свойственные. — Тебе Валерка это поручил?

— Валерка. Но... на самом деле я не могу.

— Почему?

— А ты посмотри на меня. Я же типичный этот, как ты сказала... ретросаксаул. Меня они на порог не пустят.

— Ламберта же пустили!

— То Ламберт... Галка, тебе трудно, что ли? Ты журналист, тебе нужны новые впечатления...

— А тебе не нужны? — наконец-то догадалась я.

— Не нужны, — честно признался Серега. — Галка, ну... ну да, я стесняюсь туда идти! Давай ты к нему сходишь?

Так бы сразу и говорил. В конце концов, я у Сереги в долгу за отчет перед Валеркой.

— Нет проблем. — Я по-гусарски опрокинула последние тридцать капель и поднялась.

На Серегиной курносой физиономии так явственно изобразилось облегчение, что мне стало смешно. Я, конечно, и сама такой же саксаул, и вообще мать гимназистки, но... бывало и хуже, прорвемся.

— Добрый вечер. Подскажите, пожалуйста, где мне найти Пашу?

Сначала я хотела позвать Наталью составить мне компанию. Потом решила не позориться, пошла одна. Подумаешь — «Локи», журналист я или нет? Как в окно «Веникомбизнеса» лазить, так не боялась, а как нанести деловой визит оборотням нетрадиционной ориентации... Тем более Валерка ведь мог бы Наталью и сам попросить, и это было бы вполне логично — уж логичнее, чем Серегу. Но не попросил почему-то.

Стриженная ежиком блондинка за барной стойкой ничуть не удивилась и улыбаться не перестала.

— Могу я узнать ваше имя?

— Галя... — «из школы», наверное, лучше не говорить, фамилию тоже называть не хочется — и вообще, с какой стати, если он тут просто Паша?! — Галка, просто Галка.

— Занимайте столик, Паша сейчас подойдет.

Это как понимать — он еще и живет здесь? Или просто сидит целыми днями?.. Я оглядела темноватый зал в пятнах желтого света и двинулась к ближайшему свободному столику. Честно говоря, я предпочла бы сесть в уголке, где-нибудь у стенки, но там все было занято. Юное создание с черной челкой принесло меню, чикнуло зажигалкой над свечкой, плавающей в стеклянной мисочке. Подведенные глазки создания контрастировали с «каamelотами» на ребристых подошвах и камуфляжными штанами, и совсем бесподобно смотрелся поверх оных штанов официантский фартук. Ростом существо было пониже меня. И зачем, спрашивается, изображать из себя двух людей разного пола, если материалу и так едва-едва хватает на одного?.. Я сразу попросила себе полстакана апельсинового сока — Ламберт пусть заказывает что хочет, водку с ним я хлестать не буду.

Кабак как кабак, не знаячи и не подумаешь. По стенам светодиодные сетки, разгораются и меркнут огоньки величиной с булавочную головку. Упоительный запах жареного кофе в нагретом воздухе. Какие-то гравюры, плохо различимые без верхнего света, занавеси между столиками украшены не то снежинками, не то перышками. Слева от меня — пожилая дама, определенно дама, но с трубкой в зубах. Справа — трое симпатичных парней... по-моему, парней... беседуют о музыке: один объясняет остальным, почему дабстеп не похож на блюз. Синяя вспышка от экранчика мобильного высвечивает лицо девушки. Без вариантов — девушки, но это и подозрительно.

Паша — это теперь уменьшительное от Паула, что ли? И как сейчас выглядит Ламберт? Бой-дама — могучий бас, три меня в ширину, полторы меня в высоту, слона на скаку остановит? Женщина-солдат в берцах и со стрижкой как у той барменши? Или, наоборот,

гламурная киса — макияж из «Космо», французский маникюр на всех пальчиках? А что, прекрасная была бы маскировка...

Создание с челкой принесло сок, я поблагодарила и попросила не забирать меню. Ну и где эта волчья морда, долго мне тут сидеть? А то дождусь еще, подклеится кто-нибудь...

— Девушка, у вас свободно?

Накликала. К моему столику подрулил мальчик — явно не девочка, но при этом точно не дядя. Класс десятый — одиннадцатый. Что же ты здесь делаешь, бедный ребенок? Знали бы твои многострадальные родители, где ты время проводишь...

— Нет, извините. Я жду знакомую.

— А не меня?

— Да нет, простите.

Он ни с того ни с сего фыркнул в кулак. А отфыркавшись, заметил укоризненно:

— А вы ведь даже не знаете, кто я.

— Ну и кто вы?

— Паша. Павел Ламберт, если полностью. Привет, Галь. Спасибо, что навестила.

Что говорить, фокус удался. Я вообще не знала, что так бывает.

Это что же, у него второй человеческий Облик — тоже мужчина? Точнее, юноша. Да, господа, такого разврата Париж еще не видел! То есть не Париж, а Москва, но в смысле разврата это то же самое... С другой стороны — бивалент есть оборотень с двумя человеческими Обликами, но кто мне сказал, что они обязательно должны быть разного пола? Никто, если хорошо подумать... Юный Паша уселся за стол и принялся изучать меню. Я смотрела на него во все глаза.

Похож, но не очень. Совсем не похож. Встрепанные волосы — как пучки соломы, уложенной высококлассным дизайнером сухих букетов. Брови домиком, нос толстый. Мимика в высшей степени живая. И улыбчивый рот. Ламберт никогда ни над кем не подшучивал, никогда не смеялся, и ухмылялся-то угрюмо, по-волчьи — одной щекой. А серая блуза с капюшоном, которую модники называют неблагозвучным словом «худи», была, кажется, знакомая. Правда, на том она сидела почти внатяг, а на этом — висела. Брюки... но не заглядывать же под стол, в самом деле.

Он поднял голову и встретил мой взгляд. Глаза были желтые. Не латунные, как у Ламберта-старшего, а янтарные, почти кошачьи, как у Валерки.

— А вы... ты точно Павел Петрович Ламберт?

— Могу шрамы показать, — он улыбнулся с замечательно невинным видом.

— Не надо! — Надеюсь, в моем голосе не прозвучала совсем уж откровенная паника. Нахальный выюнош только рассмеялся. И я тоже.

Барышня с челкой уже стояла у его стула.

— Юки, чай для меня принесешь? — он обратился к официантке, будто к хорошей подруге. И заметьте, как она на него смотрит... нет, даже не в этом дело, а в том, как она глянула на меня.

Юки отбежала, я отодвинула свой стакан и наклонилась через столик.

— Паш, меня попросили тебе передать, что твоя знакомая Тамара Петровна сейчас находится у Валеры в конторе и выйдет оттуда нескоро. Деятельность «Веникомбизнеса» прекращена, а твоя... частная информация останется частной. Это официальное обещание.

Парень серьезно кивнул. Нет, все-таки не школьный возраст, лет двадцать есть.

— Официальное обещание... а ты-то в курсе?

— Не в курсе, правда. — «Ты» от этого Облика звучало малость нагло, но я решила не придирааться. — Единственное, что знаю, — что было это как-то связано с твоей армейской карьерой... только не кидайся на меня, как в тот раз, ладно?

— Я с тех пор не пил, — сообщил он. — В этом Облике я малопьющий. Только чай.

— Это радует, — искренне ответила я. — Ты не бери в голову, я не пыталась ничего про тебя разузнавать. Знаешь, почему врановые живут долго?

— Потому что мудрые?

— Потому что нелюбопытные и молчаливые.

— Ага. Особенно сороки.

Мы снова рассмеялись. Юки принесла чай — через край чашки висит нитка с липтоновским лейблом, в блюбочке пакетик сахара и долька лимона.

— Наталья знает? — спросила я.

— До сих пор не знала, — помрачнев, сказал он. — Хотя надо рассказать, наверное. Пусть уж лучше сразу выгонит...

— А эта Тамара обещала про тебя в школе рассказать?

— И не только в школе. Говорила, что все узнают. — Паша вздохнул, поднес чашку к губам. Черенок ложки уперся ему в ухо. — А, ладно. Хочешь, и тебе расскажу?

— Расскажи.

— Это было еще в восьмидесятые, — произнес подростковый тенор. — Я тогда был... ранен, думал — комиссуют, но обошлось.

Ну да, осиновое инородное тело в грудной клетке — не повод покидать строй, хотела заметить я, но вовремя вспомнила о молчаливости врановых.

— Направили меня в спецподразделение под Пермью. Мы там выходили с территории, охотились. В Облике, конечно.

— Вас что, не кормили там?

— Кормили, но иногда хотелось... национальной пищи. Не могли же они нам парного мяса завозить в секретную в/ч. Проще было разрешить охоту, если кто и увидит, не догадается, волк и волк. Ну вот, я съел зайца.

Сказав это, Паша умолк и принялся наматывать нитку от чайного пакетика на ложку.

— А потом что? — не выдержала я. — Поступил в Гринпис и раскаялся?

— А потом узнал, что во втором подразделении отрабатывали трансформацию в мелких млекопитающих. Нормалов трансформировали. Нам не сказали, уроды. И один не вернулся с пробежки.

Вот это был один из главных моих подвигов в этой истории: я не рассмеялась. Ни нервным смехом, никаким. Я приняла драму Пашиной жизни с серьезным лицом. Бывает. Уж если ПВО иной раз чужой летающий объект прозевает, а по своему отстреляется, чего вы хотите от разработчиков секретного биологического оружия? Вообще, замечу я, армейские маразмы — они только для слушателей смешны, а вот для непосредственных участников, и для тех, кого нечаянно съели, и для тех, кто съел...

— Так ты же не знал?

— А кому от этого легче?

— Да это вообще мог быть не ты! Мало ли что с ним могло случиться — филин, нормальный волк...

— А как доказать?

Я прикинула обстоятельства и решила, что, пожалуй, никак. М-да, коллизия.

— Ладно. Так чего от тебя хотела эта тетка в обмен на молчание?

— Сотрудничества. Им приспичило нормалов оборачивать, ты теперь знаешь, наверное, раз вы их взяли. А я это умею.

— Не поняла?

— Я волхв, у меня оно в роду. Она и это как-то пронюхала. Мы знаем Собачье Слово.

— Э-э... нецензурное?

— Практически полностью, — шепотом сказал Паша, со значением вытаращив глаза. — Одно приличное слово там есть, самое первое: «Ты...»- он сжал губы и сделал несколько дирижерских жестов, как бы управляя беззвучным оркестром. Вышло внушительно.

— И что, его все в армии знают? То есть в ваших спецподразделениях?

— Нет. Только отдельные фрагменты они знают. У меня политотдел его пытался выведать, но я отмазался, сказал, что забыл. Хватит с них Заячьего Слова. — Паша оскалился, совсем как Ламберт-старший.

— Погоди, так это правда? Любого нормала можно вот так запросто...

— Не то чтобы запросто. Там говорить надо почти минуту — это на самом деле немного, моряцкий загиб длиннее. Но за это время тебя запросто вырубят, если прикрытия не будет. А главная проблема в том, что из нормала получается не оборотень, а зверь-нормал. Если ненадолго, то Суть потом возвращается, но зверь все равно выходит туповатый, беспамятный. Я говорил этой Тамаре, она не поверила. Или ей все равно было, не знаю.

— И ты с тех пор здесь отсиживаешься?

— Ага. Про то, что я двойной, почти никто не знает. Валера знает, но ему по должности положено. А они меня сто лет бы не нашли.

— Но ты же без денег улетел тогда? — вырвалось у меня. И зачем, спрашивается? Все-таки бивалент он всегда бивалент, и здесь самое их логово, вот сейчас услышу, за чей счет он здесь живет... оно мне надо?

— А я взял один долг, потом прилетел сюда. Устроился... живу.

Сказав это, Паша покраснел. Юки, подумала я.

— Что никто не знает, это точно. Я с третьей попытки Сереге поверила.

— А, так Валерий сначала Сергея ко мне послал? — Паша ехидно ухмыльнулся. — А он струсил сюда идти?

— Застеснялся, — насмехаться над Сергеем я никому не позволю.

— Какая разница.

— Ты бы лучше сказал спасибо, что он не Бурцеву это поручил, — не менее ядовито сказала я. — Представляю, если бы медведь узнал, что учитель его сына бивалент...

— А Бурцев как раз знает, — холодно сказал Паша. — Они с отцом вместе служили. Друзьями были.

Слов для ответа у меня не нашлось. То, что папа четвероклассника и папа немолодого спецназовца были друзьями — такое случается даже у нормалов, а среди наших тем более не редкость, но...

— Отец из-за меня... не то чтобы переживал, это было не в его правилах. Когда выяснилось, что я двойной, он сказал, что с этим мы будем бороться. Мы жили в Туркмении, в военном городке. Тогда времена еще были глубоко советские, для него, конечно, это была неприятная новость.

Паша снова умолк.

— А почему, собственно? Прости за тупость, но в чем криминал? Если бы твой второй Облик был девочкой, тогда да, того... неприлично. А если оба мальчики...

Ламберт рассмеялся. Звонким, мальчишеским смехом. Соломенная голова поникла на столешницу.

— Галка, ты сама-то с какого года?

— С семьдесят пятого, а что?

— Дитя совсем. А тогда были пятидесятые — когда я пацаном был. Везде еще шпионов ловили. И в нашей части тоже... звериные Облики могли быть какие угодно, лишь бы записанные в медицинской карте. Но два человеческих Облика по одним документам числиться не могли. А насчет приличия — ты головой-то подумай: женщина, например, выйдет замуж за одного, а жить будет с двумя, это как называется?

— И что твой отец?

— Посмотрел на меня — на такого и на другого — и сказал: вот этого оставляем. То есть того, которого ты знаешь. Я — драться не люблю, глаза зажимаю. И думаю много. Книжки, опять же... Мне тогда было четыре года. С тех пор, как он меня заставлял в этом Облике, — порол. Мать заступалась, да... — он махнул рукой и залпом допил свой чай.

— И поэтому ты настолько младше выглядишь? — тихо спросила я.

— Наверное. В молодости мы однолетками смотрелись, а потом появился разрыв. Я ведь почти и не жил. В детстве — так, урывками. В интернате вообще не решался, там на виду все время. В семидесятом целый месяц прожил. И тогда уже заметил, что этот Облик возраст не набирает. Ну и потом несколько раз. По документам меня, вот этого, нет. Сейчас-

то можно выправить, не проблема. Вообще надо будет, на всякий случай, чтобы не нарваться...

Из полумрака снова возникла Юки, унесла чашку. Кажется, она с трудом сдерживала слезы. Что же, многие девочки любят мальчиков, которых нет. Гарри Поттера, например, или героев Крапивина, или персонажей анимэ. Чем хуже мальчишка из военного городка, которому отец запретил быть?

Я не стала спрашивать, что его самого тянуло в этот, несуществующий Облик. Слишком личный вопрос. Будем считать, что исключительно конспиративная необходимость.

Потом Паша потребовал, чтобы я рассказала ему про «Веникомбизнес»: чем они занимались — в подробностях, как их отловили, как получилось, что главный сумел смыться. Свою помощь по захвату оставшихся предложил сам и снова хищно, по-ламбертовски, ухмыльнулся.

Завтра или сегодня же вечером он вернется в свою квартиру на Тверской, так толком и не прибранную после запоя. Вернется уже в том, постоянном Облике. Выбросит бутылки, вычистится, побреется и явится перед Валеркины рысьи очи, а потом пойдет в школу, получать очередную клизму от Натальи. Официантка Юки будет грустить и плакать под «Tokio Hotel» или что у них там полагается слушать, когда жизнь кончена. А делать нечего: взрослый Ламберт маленькой девочке уж никак не пара. Зато вот такой Паша...

Ой, только бы эта информация не достигла школы! Ламберт может не беспокоиться, с моей стороны утечки не будет. Не хватало нам еще эпидемии влюбленностей в Павла Петровича. Пусть лучше они его боятся.

...И мне теперь ночь не спать, переживать: откуда про «Локи» и Ламберта знал Летчик Ли?..

Глава 23

*На сто рублей куплю вина,
На пять рублей закуски
И сяду пить в дезабилье,
Что, прямо скажем, блажь,
Но блажь-то и нужна для нравственной разгрузки,
Тут дело не в питье, тут важен антураж.*
Михаил Щербаков.

В воскресенье меня позвала в гости Наталья. Проживает она в отдаленном районе Москвы... если этот аппендикс на карте города, который даже аборигены ласково зовут «Недоделкино», можно назвать районом Москвы. Ехать по земле до него из любой точки — час, а то и два. А во всех остальных отношениях совершенно очаровательное место, и от центра, а значит, и от заклатья святого Алексея далеко. Птицы же расстояниями не смущаются.

Наталка, в черных штанах и китайской атласной блузе (из тех, что китайцы шьют для себя, а не для европейцев), тут же поставила передо мной кофе и свой фирменный пирог с сыром и жареными грушами. А потом озадачила вопросом: много ли я общалась с Татьяной Жаровой и как она мне показалась.

— Обычная девушка. Прописана, Валерка сказал, в поселке Ароматное Московской области. Приехала завоевывать Москву. Начала с размахом, но тут пришли мы и испортили ей праздник жизни. Всё.

— Это я понимаю. Девушка Прасковья из Подмосковья. А как человек, как преподаватель?

— Море обаяния, — сообщила я растерянно, — целые кучи харизмы, я бы сказала. С людьми работать умеет. Реакция быстрая. Речь довольно грамотная... Наталка, зачем тебе это?

— Галь, ну ты же знаешь нашу ситуацию, — в голосе госпожи директрисы послышались знакомые нотки. — Опять нету руководителя спортивного кружка для младших, а мы зарегистрированы как школа полного дня... чего ты смеешься?

— А ты что, серьезно?! Наталья, но ведь Жарова — аферистка!

— Это да, — с одобрением заметила старая сорока. — Артистка-аферистка. Нам таких и надо. И чтобы умели справиться с нашими детками.

— Да, но если она опять что-нибудь...

— А что она опять? Какую аферу можно провернуть в школьном кружке?

— Ну мало ли... Опять подговорит кого-нибудь дурить нормалов?

— На это у нее уже не будет времени, — спокойно заявила Наталья. И я поняла: действительно не будет.

А Наталья продолжала:

— Теперь она осознала, что с нами лучше дружить. Ко всему прочему, ей ведь деньги надо возвращать людям за неоконченный курс, а она уже много потратила: за квартиру проплатила вперед, прочие накладные расходы... Завоевание Москвы всегда влетает в копейку, дело такое. Пришлось Танюше взять кредит под залог машины, и уезжать домой, из оплаченной квартиры, ей смысла нет. Так что в работе по специальности она оч-чень заинтересована. Разрешу ей платные курсы устроить для желающих, подороже...

М-да. Методы, которыми моя начальница решает кадровые вопросы, никогда не перестанут меня удивлять. И главное, возразить нечего.

...Крыши. Странные кусочки города, маленькие дворики, поднятые в небо. Пыльные и пустынные, как само городское небо. Необитаемые, неприятные, выветренные до трещин... Что здесь есть, так это одиночество. Ты, небо, неумолкающий ветер. И птицы.

Я заметила его, когда летела домой от Натальи. Севку выдали его братья и сестрички. Осенью вороны часто слетаются в стаи, но этот исчерна-серый водоворот над кирпичной восьмизэтажкой — будто пачку писем бросили в костер, и клочья пепла кружатся в жарком воздухе — был уж очень странен.

Симаков сидел на коньке двускатной крыши, продавив задом плоский картонный ящик и уныло сторбив плечи. Ветер треплет волосы, к ушам тянутся проводки, в руке сигарета, в угол ящика втиснута бутылка «Балтики». Прожигаем жизнь, в общем. Как сказал бы Летчик Ли: «Тоскует моя лапушка». А Наталья, между прочим, говорила, что мой любимый ученик на этой неделе гимназию посещал нерегулярно. Можно сказать, совсем не посещал.

Вороны вились над ним. Пять или шесть ходили вокруг по коричневой кровле, поклевывали воображаемые зернышки, косились одним глазом: как ты, приятель? Одна сидела у него на правом плече, перебирала горбатым клювом Севкины черные пряди. Вздрогнула от особенно громкого пассажа в наушнике, расправила крылья — и сложила снова, не улетела.

...Вот не умею я этих душеспасительных бесед. А с чего бы мне уметь? В психологических колледжах не обучалась, свое чадо у меня маленькое. А деваться некуда, не бросать же едва оперившегося слетня в таком состоянии.

Симаков чуть не повалился назад, увидев меня. Забычковал сигарету, метнул глазами вниз, но открытая почти полная бутылка пива — не тот предмет, который легко спрятать.

А уж как трудно ее не заметить...

— Привет, Сев, — сказала я, усаживаясь рядом с ним и привычно упираясь ступнями в скат. — Ты слышал — малышня из Удельного нашлась?

По моему, он не сразу осознал мои слова, так настроился, что речь пойдет о прогулах, пиве и сигаретах. Но когда дошло — просиял. И выдернул бананы из ушей.

— Ну! Галина Евгеньевна, а где они были?

Я начала рассказывать, старательно обходя свою роль в инциденте и размышляя, как бы это незаметно ввернуть, что Баранов изменил Ивановой. Ох, никак не ввернешь, абсолютно непедагогично получится...

— Так эти гады что — отнимали у малых Облик? И продавали всякой сволочи?

— Именно. И не только у выдвигенцев, а еще и у поздних. Но теперь эту лавочку прикрыли. Главарь, правда, смылся в чужом Облике. — Я не стала говорить, в чем именно.

— А остальных всех взяли?

— Не всех. Но никуда они не денутся.

— Просто я тут видел одного... Он был ворона, но летел... — Сева сморщил лоб, подбирая слова. — Погано летел. Как... как человек.

— Что, растопылив ноги и головой вниз? — уточнила я. Севка засмеялся, но тут же снова стал серьезным.

— Нет, не головой вниз. Он так летел... как будто не умел. Или боялся. Тупо. Через дом перелетал вот так, — Симаков описал ладонью синусоиду. — И еще против ветра пер — ыпс, ыпс, ыпс...

Взмахивая локтями и скроив зверски-дебильную рожу, Севка показал, как именно пер незнакомец. Потом замер и подозрительно взглянул на меня.

— Галина Евгеньевна, вы чего?

— Все нормально, просто думаю. — Когда мне внезапно приходит мысль, со стороны это часто выглядит так, будто у меня стряслось несчастье. Севкина пантомима живо напомнила мне институтский двор и угрюмых птиц, рассевшихся на самых толстых ветвях. Будто боялись свалиться.

— Где, говоришь, ты его видел? — спросила я, боясь поверить.

— За городом, у Минского шоссе. Я посмотрел, куда он летит. Там поселок один есть для богатеньких буратин.

— Показать сможешь?

— Легко. — Севка вытащил из внутреннего кармана потертую карту Москвы и области, не сверяясь со схемой, открыл нужный разворот и ткнул пальцем:

— Тут. Только их еще здесь нет, недавно построились. Вот отсюда, видите, ветку к ним проложили, а вот здесь и здесь их поместья.

— Ага. В какое конкретно поместье он летел, не обратил внимания?

— Не обратил. Я же не знал тогда!

— Ничего страшного. (И в самом деле, если известен поселок, остальное — дело техники; Валерка вон всю область перерывает.) Севка...

Это прозвучало проникновенно. Парень даже вытаращил на меня глаза.

— Ты мой лучший ученик. Ты гений. И... и все у тебя будет здорово. И так, как ты хочешь.

Симаков умудренно покачал отросшими волосами: мол, откуда вам знать, Галина Евгеньевна, что вы вообще понимаете в жизни.

— Будет-будет. Вот увидишь.

Мне показалось, он мне поверил.

— Ладно. Ну, я это... полетел. Мне еще к олимпиаде по русскому готовиться.

И в школу завтра придешь, чуть не спросила я. Но не спросила. Решила не портить пафос момента.

Севка отбыл. Вороны снялись за ним, перекаркиваясь, потом опустились на деревья в сквере. Я наблюдала, как они рассаживаются, как перелетают с ветки на ветку, добиваясь оптимальной схемы размещения с упорством музыкантов из басни Крылова. Да, вот эти — настоящие...

— Кар-кар-кар-кар!

А вот эта — ненастоящая. Холера!

Жирная встрепанная ворона, единственная оставшаяся на крыше, слетела с жестяной трубы, опустилась рядом со мной. И полыхнула вспышкой.

Лебедев из газеты моральной оппозиции. Тот самый, который помог Севкиным приемным родителям усыновить его. Тот самый, которого я терпеть не могу. Морда как калорийная булка, пуловер с британским гербом почти скрывает пузо, джинсы внатяг на

толстеньких окорочках. Типичный защитник беднейших слоев населения, одно слово.

— Ха! Ха! Ха! Ха! — повторил он мефистофельский смех. Сцопал почти полную бутылку, осмотрел этикетку, брезгливо выпятил губу и тут же припал к горлышку.

— От пива толстеют, — сообщила я.

— А юношескому организму тем более вредно, — ответил Лебедев. — Что у него стряслось? В классе обижают? (Я промолчала.) Конечно, развели там у себя платное образование. Детям богатеев все можно, а парень из детдома — существо второго сорта.

— Сева не из детдома, — очень спокойно сказала я. — Сева живет в семье. Ты же и помог, спасибо. Чего теперь чепуху несешь?

— А что с ним тогда такое?

— А тебе зачем это знать?

— Чувствую ответственность за его судьбу, — торжественно заявил Лебедев.

— Расслабься. За него отвечают родители и учителя.

— Не могу расслабиться. А что касается за учителей — эти учителя за себя-то отвечать не в состоянии, хи. При том уровне нравственности... после всего, чему я был...

Везучий он все-таки. Вовремя поднял на меня глаза. Я не собиралась возмущаться, взвизгивать «да как ты смеешь», или «ну ты и сволочь», или там хлопать его ладошкой по калорийной физиономии. Я изготавилась заехать ему кулаком в нос, как только он выскажется достаточно определенно. Давно хотелось, с того самого дня, когда он подглядывал за мной и Летчиком Ли через окно, да случая не было. А тут как раз сидит очень удобно, слева... а кулак я сжимаю по-мужски, привычка такая с детства... может, масса у меня и невелика, но импульс будет приличный... Думаю, выражение лица у меня стало не по-доброму светлое, так что интуиция Лебедева оказалась на высоте: он не кончил фразы и закашлялся.

— По спине стукнуть?

— Кхм-кхм.... нет, спасибо, все нормально. А расскажи тогда, что это у вас за дела с «Веникомбизнесом»?

— Тебе-то это зачем?

— Работа у меня такая — все знать. Я, видишь ли, журналист.

— Твоя газета это напечатает?

— Газета — нет. А вот наш виртуальный еженедельник — да.

— Наш? Это ты себя зовешь во множественном числе?

Мне, как и всем, было прекрасно известно, что «Красного зверя. ру» Лебедев делает один, сам себе и главный редактор, и обозреватель, и репортер, и веб-дизайнер, и, что ужаснее всего, — сам себе отдел юмора. И название сам придумал. Сколько ни объясняли ему доброжелатели в гостевой книге, что красный зверь — это объект пушного промысла...

— Нас много. Больше, чем ты думаешь.

— Двое? Или трое?!

Лебедев оскорбленно хрюкнул и отвернулся. Мне стало стыдно. Человек с убеждениями, какими то ни было, — в наше время редкость. А издеваться над чужими убеждениями — дурной тон. Сейчас среди левых начали появляться и симпатичные, и умные, и даже бескорыстные... другое дело, что на отдельно взятого Лебедева любой из этих эпитетов налезает с большим трудом.

— Ладно, извини. Я видела, у тебя на счетчике уже сотни.

— Тысячи, — мгновенно откликнулся Лебедев. Я смолчала. — Кто-то должен говорить о том, что происходит в государстве и чем чревата так называемая демократия не для дяди Васи, а для нас лично.

Пару лет назад я принялась бы объяснять, что ни один нормальный оборотень обратно в советскую власть не захочет, что в те времена для нашей породы было кошмаром буквально все — и школьное обучение, и общение с официальной медициной, и выправление документов, и поиск работы. А какова была судьба выдвиженцев? А вспомним, например, то, что вчера мне рассказал Паша... Но какой смысл это говорить, если мне

ответят, что оборотни не должны противопоставлять себя нормалам, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, а всякого рода извращенцам туда и дорога.

— Ближе к теме. Что тебе нужно?

— Хочу присутствовать при захвате. Буду репортаж об этом писать.

— Обратись к Валерию, — злорадно посоветовала я.

— Он ко мне плохо относится.

— И с чего бы это? — удивилась я.

— Был случай... Я, в общем-то, уже понял где — видел, как мальчик тебе карту показывает. Но мне надо будет знать, когда! Я же не могу там неделю торчать, у меня и другие дела есть!

— Устроишься как-нибудь, ты же профессионал.

— Афанасьева, а ведь за тобой должок, — хладнокровно заявила эта скотина. — Отзовись мне, когда будешь знать время, и я тебе это зачту.

— Ты обалдел? — спросила я со всей возможной кротостью. — Столько лет мне твердил, что помогал Севке по зову совести, и теперь вдруг за мной должок?

— Но ты же обещала.

Это, к сожалению, правда. Тогда, десять лет назад, Лебедев долго кобенился и кочевряжился. Твердил, что социалка — не его область, что его держат в газете как автора острых расследований, что он ощущает дискомфорт, когда пишет в нормальскую газету о наших проблемах... Пришлось дать ему обещание, после чего все прошло с невероятной легкостью. Все эти годы Лебедев про должок не вспоминал. Но я-то помнила.

— А ты мне после этого должен не останешься? — я постаралась, чтобы это прозвучало в точности как «А рожа у тебя не треснет?» — Ты по моей просьбе написал статейку по готовому материалу, а от меня чего хочешь?

— Материал для еще одной статьи, — не моргнув глазом ответил он. — Только не говори, что тебе это очень сложно. А то я не знаю, кем тебе Валерий приходится.

— И кем мне приходится Валерий? — с надеждой спросила я.

— Э-э... ну, вы же учились вместе, а что?

Чтоб ты лопнул.

— В общем, ладно, я тебе все сказал. — Лебедев нацелился катнуть пустую бутылку вниз по крыше, покосился на меня и сунул обратно в коробку. — Бывай.

Глава 24

*Вот из оврага вылазят они,
Лица бледны, а слова их черны.
Только один командир промолчал —
Воздуху в легкие он набирал.
— Ты не механик, а... (далее неразборчиво).*
Народная песня.

Валера, как ни странно, не устроил мне выволочку. Естественно, я не собиралась скрывать, чего от меня потребовал Лебедев, но ответ получила совершенно благостный: «Отлично, будет у нас свой пресс-центр. Я вам потом еще устрою... подход к журналистам. Но ты понимаешь, что это чудо-юдо там будет под твою ответственность? Твое присутствие, значит, обязательно. Пугани его, чтобы сидел тихо и ни во что не мешался». Значит, был уверен, что все пройдет как по нотам? А почему бы и нет — оборотневый отряд обычно разбирается с нормалами быстро и чисто...

Пресс-центр (то есть мы с Лебедевым в Обликах) помещался на сосне рядом с забором. Особняк, где скрывался Антон сотоварищи, стоял очень неплохо. Как теперь модно: прямо в нетронутом лесу, с одной бетонкой, которая подходила к парадным воротам и заворачивала за угол, к заднему въезду для прислуги и ассенизаторской машины. Между забором и бетонкой имелась канава, аккуратно закрытая решеткой. Сквозь решетку прорастал осенний

бурьян. Сам забор, серый, высотой метра три, в плане образовывал квадрат. Поверху блестела шипами спираль Бруно, а по углам красовались башенки с остроконечными крышами. Что-то мне напомнило это архитектурное решение...

— Четыр-ре вышки и я посер-редке, — подтвердил мои догадки Лебедев. Помня мое предупреждение, каркал он тихо, в треть голоса. Я согласно качнула клювом. Видимо, у хозяина особнячка выражение «отдыхать на даче» будило совершенно определенные ассоциации.

Клиент, который приютил Антона, и в самом деле оказался важной шишкой по городским квартирным кражам. Здешний обитатель планировал именно такие кражи, которые попадают в новости (ну, то есть не в раздел «курьезы», это случайно вышло). Обносил квартиру какого-нибудь деятеля искусства или эстрады либо большого начальника, брал много и по-умному. А если уж занимался мелочевкой, то все равно с размахом: шкатулка с колечками и деньги, отложенные на отпуск, — ерунда, но если организовать добычу в промышленных масштабах, по системе «одна старушка плюс одна старушка»... в общем, у этого красавца были и деньги, чтобы оплачивать Антоновы услуги, и большая заинтересованность в продолжении банкета.

На территории «зоны» стоял стандартный для новой элиты особнячок: коричневая черепичная крыша, каминная труба, эркеры-мансарды... С земли, наверное, не было видно даже флюгера на крыше, но сосна-то повыше забора. Мы с Лебедевым могли беспрепятственно любоваться дорожками, вымощенными фигурной плиткой, пышными купами флоксов, давно не стриженным газоном и куда более аккуратно стриженным затылком возле будочки у ворот. Охранник посматривал в небо (нас Валерка строго предупредил, чтобы мы не подлетали к забору ближе, чем на метр, и вообще не отвечивали). Еще кто-то наверняка был в домике для прислуги слева от въезда, возможно — в гараже и точно — в самом особняке. А вы думали, будет просто? Антон наверняка объяснил хозяину, что из московского офиса он отчалил не от хорошей жизни.

Солнце выкрасило сосновые стволы в радостный рыжий цвет. Лебедев, угревшись на солнышке, начал бороться с дремотой: переминался с лапы на лапу, совсем по-человечески зевал, моргал глазами-бусинками, бдительно вертел клювом. Я не собиралась ему подсказывать, куда надо смотреть — этого в нашем контракте не было. Пусть хоть до посинения пялится во двор и на бетонку за воротами. Если прозевает первый этап операции, это никоим образом не моя вина!

В траве по нашу сторону забора происходило некое шевеление. Я-то давно смотрела, как они перебегают тропинку, идущую вдоль канавы. Серый шарик, катящийся будто сам собой, подобрался к решетке и пополз по прутьям. Куда выходят стоки в канаву, мы выяснили заранее. Широкие такие трубы, не толькомышь, но и крыса пройдет. Крысы вскорости тоже появились: эти даже не крались, а грациозно галопировали, волоча хвосты. Три пасюка, один черный крыс и один камуфляжного цвета. Петя из Валериного отдела оборачивался, хоть тресни, только капюшонной крысой и поэтому перед операцией в летнее время валялся на вате с зеленкой, закрашивая белые места.

Последний хвост исчез в трубе, а Лебедев так и не повернул клюва в нужную сторону! Ну, значит, будет ему сюрприз. Охранник продолжал пялиться в небо, а шевелящиеся участки травы подбирались к нему все ближе...

— А-апчхи!

Я так и подпрыгнула на ветке. Чихали, однако, не на территории, а совсем в другой стороне. Из орехового куста выбрался некто белый в черных пятнах и задрал к нашей кроне потрясающую рожу: слюнявые брылья в два ряда, вздернутый нос и печальные глаза олененка Бемби. Насколько я могла судить сверху, уши создания были почти такой же длины, как ноги. Или еще длиннее. Мезальянс сенбернара и бассета тоже углядел меня и укоризненно помотал всем, что у него моталось. Ли, ты ли, что ли?

— Апчхи! — подтвердил пес.

Ну вот буквально никакой свободы бедной девушке! Постоянный учет и контроль!

Заглядевшись на своего драгоценного, я едва не пропустила самое интересное.

— Ох и ни хрр... — это Лебедев разинул клюв. Я потратила еще секунду на то, чтобы легонько клонуть его в голову: мы как договаривались? — мы договаривались, что будем сидеть тихо! К счастью, никто не обратил на него внимания. Петька, уже человек, надевал «браслеты» охраннику, лежавшему на травке, Петькин напарник стучал в дверь домика для прислуги. Остальные пока не оборачивались людьми, и трава перестала качаться. Даже я не видела, кто где сидит.

Им еще удалось вырубить того, кто открыл дверь, и только затем раздались выстрелы — и из двери, и из окна большого дома. И тут я очень порадовалась, что обзор у птичьих глаз шире, чем у человеческих. Иначе мне никакое косоглазие не помогло бы.

В кроне самой высокой сосны, недалеко от нашей, возилось что-то большое. Явно не птица: что-то рыжевато-серое, мелькающее пятнами на шкуре. Рысь поползла по длинной ветке, раскачалась так, что застонал ствол, а потом... мохнатый метеор пролетел над стеной, приземлился на крышу двухэтажного гаража; рысь перетопталась толстыми лапами — и снова взвилась вверх, перелетела на крышу веранды. Мне показалось, я расслышала глухой удар о пластиковую черепицу. Каждый прыжок, честное слово, был метров по шесть. Давно я не видала Валерку в деле!

Откуда взялась вторая рысь, я приметить не успела. Еще один негромкий бац — и вот уже два гигантских кота идут по крыше. Я сразу догадалась, что Валерка направляется к эркеру, там и на человеческих ногах удобно. Сверкнул вспышкой, тут же, не тратя время на поиски равновесия и цепляние за предметы, поднял ногу в кроссовке и точным пинком внес внутрь стекло в деревянном переплете. (Я вспомнила себя на карнизе «Веникомбизнеса» и от досады цокнула языком. Есть, Галина Евгеньевна, профессионалы и есть дилетанты...) Потом прыгнул туда сам. Напарник, не меняя Облика, — за ним. Сочувствую Антону.

Во дворе тем временем кипело настоящее сражение, хоть ставь камеры и снимай сюжет для новостей. Из домика вывели троих сдавшихся, а с главного крыльца еще постреливали. Впрочем, ранить оборотня даже на близком расстоянии — задача непростая, и материал пули тут, честно говоря, особой роли не играет. Кстати, надо будет потом слететь во двор, пособирать гильзы. Если опять окажутся серебряные, закажу знакомому ювелиру кулончик. Давно хочу, а в прошлый раз забыла из-за этой паршивой Тамары. Делов-то — вдеть проволочную петельку в торец и на кожаный шнурочек, я видела, такие делают из обычных гильз. На черной водолазке смертельно будет смотреться. Можно даже взять несколько разных, и на цепочку, вроде кольцо... или это получится вульгарно? Да, пожалуй, лучше одну. Остальные соберу для Наталки, она до серебра сама не своя...

Здесь мои галочье-сорочьи мечты прервало дребезжание стекла. На этот раз не разбитого. Кто-то толкал изнутри самое маленькое, круглое чердачное окошечко, и когда оно приоткрылось, из него вылезла ворона.

Я так и рванулась вперед, но меня остановило свирепое «р-р-р!» с земли. Фиг бы он меня остановил, если бы я не сочла нужным его послушаться. Но смутное угрызение совести — вроде бы я и в самом деле что-то обещала насчет того, чтобы не рисковать и не лезть на рожон... — заставило меня поколебаться, а в следующие полсекунды из-за каминной трубы мелькнула острокрылая тень — и ворона убралась обратно. Я бы даже сказала, провалилась.

Во дворе стрелять перестали, а калитка распахнулась настежь. Вся Валеркина команда почему-то надела наушники, как в тире, последний, кто замешкался, сейчас поправлял их на голове. Что за дела, из «катюши» они по дому собрались стрелять, что ли?..

В калитку вступил Паша Ламберт. В обычном своем, взрослом Облике, в джинсах и серой куртке. Выпрямился и простер руку, будто великий маг, готовый одним словом поразить вражескую армию... Хотя почему «будто»? Именно великий и именно маг. Точнее, волхв. Только слово ожидается далеко не одно. Паша раскрыл рот...

И тут-то до меня дошло.

Заглядевшись на Ламберта, я едва успела спрятать голову под крыло. Ушей мне сейчас заткнуть нечем, и если, чего доброго, он будет говорить достаточно громко, — а он будет...

На этой ветке после смены Облика я не усiju, а до земли по меньшей мере пять метров.

Долго сидеть с головой под мышкой неудобно даже птице. Но высунуться я не решалась, пока не различила сквозь шелковый шорох собственных перьев самые прекрасные в мире звуки — множественное трусливое тьяканье, повизгиванье и скуление. Причем не только внизу, но почему-то и совсем рядом.

Я выглянула... и на самом деле чуть не свалилась. Лебедева рядом со мной уже не было. То есть не было вороны. Зато на этой ветке, мордой к стволу, лежал шарпей песочного цвета, напуганный до полной паники. Левые лапы свисали слева от ветки, правые — справа, и все четыре судорожно загребали воздух, то пытаюсь дотянуться до опоры, то отчаянными взмахами возвращая себе равновесие. Вот когда я поняла смысл выражения «собака на заборе»!

Нечеловеческим и необоротным усилием воли подавив ехидное «кра-кра», я перелетела на другую ветку, перед носом у Лебедева.

— Ну что, р-рупор совести? Будем еще в окна подглядывать?!

— Уи, уи, уи, — отвечал Лебедев. Заплывшие глазки взирали на меня с ненавистью и мольбой. Я сочла раскаяние достаточным.

— Ладно, давай помогу.

Обернулся он легко. Только не в ворону. Ведущий обозреватель самого бескомпромиссного боевого листка, точно в таком виде, как вылетел из своей редакции — в брюках и белой рубашке — сидел на ветке верхом. Судя по выражению лица, ему было не слишком удобно.

— Афанасьева! Ты...

— Тише! Тише! — крикнула я, на всякий случай взлетая. — Р-руки есть, спустишься!

Смотреть, как он ползет вниз по сосновому стволу, я уже не стала. Во дворе меня ждала более поучительная картина. По бетонке подъехал неприметный грузовичок с надписью «санитарная служба» на борту. Усадебный двор кишел собаками: пегие и песочные двортерьеры, две овчарки, французский бульдог и что-то мелкое, вроде тоя. Уголовный элемент огрызался и рычал, но двое наших с большими сачками уже приступили к работе. Не подумайте дурно: когда этих аферистов доставят на место, человеческий Облик им вернут. Не шубы же из них шить, пусть отвечают за содеянное как люди.

С крыльца сошел Антон, двинулся он неуверенно, хотя руки его были свободны. За ним присматривал второй рысь, Валеркин напарник. Сам Валерка вел Никонова. Держал его в захвате, нетрадиционном для силовых структур, зато эффективном: за ухо.

Все это я разглядывала уже сверху, кружась над усадьбой вместе с Соколами Железного Феликса. Кроме хищных птиц, были там и две другие галки, мои знакомые, — видимо, для того, чтобы призвать на помощь обычных птиц, которые жили неподалеку в старой водокачке. Впрочем, воздушные силы противника опять проявили редкую разумность.

Мы с теми двумя как раз выписывали фигуры высшего пилотажа, когда я краем глаза увидела внизу бледную вспышку. Все остальные, и соколы, и галки, тут же почему-то шарахнулись в стороны. И только когда мои крылья вывернулись наизнанку старыми зонтиками, воздух перестал меня держать и земля потянула к себе, я поняла, что вспышка была не оборотневая.

Никаких возвышенных мыслей у меня не мелькнуло: ни о Машке, ни о Летчике Ли, ни воспоминаний детства. Если уж начистоту, я подумала: вот досада, опять осталась без серебряной гильзы, дура... а потом не стало ничего.

— Где она?!

— Делать мне больше нечего, следить за ней, — огрызнулся Лебедев. Белая рубашка на обширном пузе была покрыта смоляными пятнами и кусочками коры. — Она меня вон там обернула, метров двадцать до земли! Я думал, насмерть убьюсь! Ветка трещит, всю концентрацию растерял, еле смог обратно в птицу...

Майор сделал один шаг вперед и спокойно повторил вопрос.

— Да не знаю, говорю же! Я вниз не смотрел. А, тут же этот был... ее хахаль. Небось, он и унес.

— Какой еще хахаль?!

— Такой примерно, — Лебедев схватил себя за оба уха, оттянул их вниз, одновременно развесив губы и выпучив глаза. — Черно-белый, кобель.

Начальник опергруппы зашипел, будто обжегшись. Потом спросил:

— Ну хоть без аппаратуры?

— Да вроде без... Он вообще человеком не оборачивался, он не снимать прибежал, а за ней следить, я так понял.

— Пресс-центр, чтоб всех вас... Свободен.

Майор отвернулся и вытащил мобильный телефон.

На выезде из поселка, возле ворот, перегораживающих бетонку, стояла сторожка. Рядом — навес, лавка и столик, врытые в землю. Сторож как раз открыл банку тушенки и налил первый стопарик, когда из-за кустов на скошенное поле, покрытое соломенной щетинкой, выскочил лис. Вот такой здоровенный, рыжий, как апельсин, и в пасти что-то тащит — небольшое и темное. Сторож поискал, чем бы в него кинуть, потом заценил расстояние и скорость, с которой неслась зверюга, и ничего кидать не стал. Небо безоблачное, сосны гудят под ветром, водка греется — пусть его бежит, куда ему надо. Может, там у них гнездо...

Я открыла глаза. Кругом было темно, но не совсем. Белый потолок озарялся тихим светом. Мягким и ровным, но переменчивым, то синим, то белым, то розовым. Тихое пощелкивание подтверждало впечатление: источник света — монитор компьютера, на котором сменяется картинка. Перед этим что было? Операция, Лебедев. Выстрел из чердачного окошка, потом я падала... потом меня вроде бы несли в зубах... а потом везли на машине, если не показалось...

Очень осторожно я повернула голову. Перед носом у меня была подушка, на наволочке — темные пятнышки россыпью. Кофейные зерна. Сатиновый комплект кремового цвета. Ой, вот теперь-то я, кажется, и в самом деле влипла.

Должно быть, я слишком громко вздохнула: Летчик Ли мгновенно оказался рядом.

— Лапа, ты как?

— Нормально, — сипло сказала я. Сесть на кровати? Или пока не рисковать?

— Я перепугался. Думал, он тебя убил. — Ли осторожно взял меня за руку. Лицо у него осунулось, глаза потемнели. Так, получается, он бегом бежал со мной в пасти, как минимум, до самой окружной?! Понимаю, для некоторых животных сто верст не крюк.

— Кто — он?

— Этот, как его... владелец усадьбы. Я уже поговорил с Валерой. Он говорит, этот... нехороший человек отсиживался на чердаке, там у него тайничок был, ваши рыси мимо него прошли. Теперь плачет, оправдывается, что принял тебя за главного гада, того, который твой Облик похитил. Врет, наверное. Хорошо, не попал, но тебя выстрелом оглушило. Как ты падала, ты бы видела! Мне показалось, ты прямо на стену свалишься, а там колючая проволока... Галка, ну куда тебя понесло летать над этим домом? Тебе же говорили, что нельзя!

— Как ты узнал, что это я упала? (На некоторые вопросы можно ответить только вопросом.) Там были и другие галки.

— А я других и не заметил, — сказал он голосом Ивана-царевича из фильма-сказки. — Ты для меня одна-единственная.

Невозможный тип. Невозможный.

— А все-таки?

Летчик Ли виновато пожал плечами. Он всегда принимает виноватый вид, когда я

делаю какую-нибудь глупость.

— Все остальные разлетелись, как только заметили ствол.

— Понятно. А я... — М-да. Если правдиво констатировать факт, я ствола не заметила. Выстрел увидела, и на том спасибо.

— Лап, завязывай с оперативной работой, — попросил Летчик Ли. — Она бесполезна для твоего здоровья.

— Может быть, и бесполезна, — ответила я. Получилось упрямо и с вызовом, и он отреагировал моментально.

— Я не могу тебе приказывать. Но я больше не хочу, чтобы ты улетала от меня.

— Как же я не буду улетать, когда у меня ребенок дома?

— Выходи за меня замуж, — сказал Летчик Ли.

— Ну что ты так смотришь? — спросил он несколько секунд спустя.

— Ты первый раз мне это говоришь.

— Как первый? Разве? — О, эта удивленная физиономия! Так я и знала. — Нет, я всегда... ну, может быть, не помню.

Галантно решил не спорить с дамой, но абсолютно уверен, что прав. И я уже сомневаюсь: может, и в самом деле он предлагал, но я забыла?

Нет. Такого бы я не забыла.

— Ты правда этого хочешь?

— Правда хочу, — прошептал мне на ухо лис-оборотень. Ага, как же.

— Хочешь жениться на женщине-птице с дочкой-кошкой? — уточнила я.

— Но ведь я тебе нравлюсь, хоть и не птица. — Это не был вопрос. — Я буду тебе хорошим мужем. И Машку обижать не буду. Она же детеныш, а я взрослый. Договоримся.

Детеныш? Эта сиамская киса вдвое больше матери в Облике, с длинными лапами и оглушительным мявом, это девица, которое играет в «Шрека» и пользуется тремя сортами блеска для губ — ЭТО вы называете детенышем?! Идеалист. Нет, детеныш, конечно, — очень крупный детеныш не твоей породы, только и всего... И мне тут же почему-то представился рыжий лис, несущий за шиворот котенка. Рожица у котенка была довольная.

— Ты еще плохо с ней знаком, — осторожно заметила я.

— Познакомимся. Ты знаешь, мы, лисы, очень хорошо растим чужих детей. Мы такие. Как два лиса увидят чужой выводок без отца, так и подерутся. Который победит, тот и будет приемным папой.

— Выдумываешь.

— Честное слово. В книгах написано.

— Хм. И зачем это надо... лису-нормалу?

— Ну как зачем? Нора. Лиса. Дети-сволочи, ты им курицу принес — они тебя за лапы кусают и за хвост. Лепота... Опять же, в следующий сезон своих можно завести.

Ли, ну тебя нафиг! Я вообще-то редко реву. Я не плакала, когда отец моей дочери спокойно объяснял мне, что я никчемная женщина, не жена и не мать. Я не плакала, когда меня лишали Облика. И сейчас не буду. Не буду, я сказала...

Говорят, кицунэ, высшие среди оборотней, могут превращаться во что угодно. «Во что угодно» — значит, и в мужа, отца семейства? Если нет, значит, возможности кицунэ ограничены, а в такое трудно поверить, если да — в это поверить вообще нереально, а ведь придется...

Потом пошел дождь. Он стучал и стучал по карнизу, журчал и гремел жестью, выбивая замысловатый ритм, то ли песню, то ли азбуку Морзе, и сырость ворвалась в открытую форточку. Ли хотел вызвать мне такси, но я все-таки улетела. Подумаешь, несколько капель, не растаю.

Мы с дождем летим над городом. Дымное небо темнеет и темнеет, частые мелкие капли разбиваются о мои крылья. Древесные кроны внизу намокают, как губки, золотые огни сияют ярче, промытые дождем, разливаются в асфальтовом зеркале... А все-таки глупо жить в разных квартирах, если дома немедленно наберешь номер и проведешь оставшийся вечер с

трубкой возле уха. Ну что, прямо так вот сразу и признать, что он прав?..

Эпилог

Как я выключила вечером мобильник, так и не включала. Утро началось без пятнадцати семь — звонком Матвеича на домашний телефон. Отвратительно и противоестественно бодрый, начальничек спросил, где, сто пинков мне в зад, хваленая статья про самолетики, и не могу ли я, ради всего святого, сделать репортаж про квартирный концерт горячо любимой всем нашим городом певицы Ольги и ее главного музыканта, чтоб он жил долго и счастливо и получил «Золотой граммофон»! Строгий запрет на мат в общении со мной сподвигнул Матвеича на такие лингвистические изыскания, что за ним теперь можно записывать.

Я облилась холодным потом, поклялась, что все будет прямо сейчас, плеснула в кружку Машкиной крем-соды, сыпанула туда от души растворимого кофе, хищно слопала сладкую густую пену с горькими точками, пришла в сознание, открыла файл про авиаклуб, наскоро вычитала, отрезала недоделанное, сбросила Матвеичу на личную почту... все, теперь в школу. Машка была просто счастлива, что я повела ее с распущенными волосами, как большую. На косы у нас с ней времени не осталось.

У меня в этот день уроков не было, а был присутственный день в редакции, поэтому сама я в школу не пошла. Дождь кончился еще на рассвете, голубое небо в осенней дымке навевало неуместные и нерабочие ассоциации. Липы в школьном дворе роняли свои листья, похожие на сердечки-валентинки — прозрачные, как пергамент, шершавые от позолоты. Бронзовые звери Маугли обсыхали на ветерке, только плиты под их лапами оставались мокрыми. Выглаженные детскими ладошками носы радостно сверкали под утренним солнцем.

Что же мне делать с певицей Ольгой? Проникнуть на этот квартирник, используя старые (честно говоря, порядком уже подзасохшие) знакомства, или все-таки лезть в вентиляцию? Ох и не люблю я этого дела! Дохлые тараканы, дохлые голуби — как прикажете в таких условиях писать о высоком? Готика получится, а Ольга — это все-таки местами позитив... Ладно, попытаюсь легально.

Я как раз прикидывала в уме, что бы мне такое сказать хозяйке квартиры, дабы она не послала меня сразу, и где у меня может быть ее телефон, как вдруг увидела Севу Симакова. И куда же это вы, друг дорогой, направляетесь посередине первого урока?

Севка обошел памятник. Двигался он как-то замедленно — не просто неторопливо, а будто полную чашку в руках нес. Осторожно переступал и чуть заметно улыбался.

— Сев, ты куда?

— У нас библиотечный день, — ответил он, почему-то вполголоса. На улице, да еще когда собеседник в нескольких метрах, обычно говорят громче. А чего ж ты тогда не в библиотеке, спрашивается?

Я подошла поближе. В ухе у него был проводок, и откуда-то изнутри парня опять доносилась музыка. Не обычное туц-туц-туц, а что-то очень знакомое. Проводок шел только к одному уху... и еще он левой рукой так бережно придерживает расстегнутую куртку у груди...

— Кто там у тебя, если не секрет?

Сева молча распахнул куртку. Пение стало слышнее, и тут уж я узнала музыку. И существо, сидевшее за пазухой, тоже узнала. Пушистый рыжий мех, кожистые складки крыльев, запустила черные пальчики в сетчатую подкладку и повисла на кулачках...

— Она у нас в классе заснула, на карнизе, — шепотом сказал Севка. — Я ей говорю, тебе прогул вкатят, а она кусается. А потом вот сюда заползла, угрелась и опять заснула. По моему, она себя плохо чувствует, я ее ко врачу... честно...

Поощрять прогулы дурно. Очень дурно.

— Громкость убавь, — так же тихо ответила я. — У них чуткие уши. Оба свободны.

Севка радостно ухмыльнулся. Кивнул и вытащил плеер, чтобы сбросить звук.

Газон был вызолочен листьями лип. Один листок прилип к коричневому блестящему лбу Багиры, я сорвала его и бросила на траву. Мой ученик брел по желтому ковру между черными стволами. И я, конечно, уже не могла слышать, как нежный негритянский голос уверяет спящих детей, что они будут спокойно спать, пока не придет время расправить крылья и лететь в небо, и никто их не обидит. Но некоторые песни необязательно слышать ушами, и плееры для них не нужны.

*Summertime,
and the living is easy,
fish are jumping,
the cotton is high... —*

а новые листья падали и падали, как золотое конфетти, и бледно-желтое солнце сушило их от дождя.